

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛОВ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Мартынюк А.П.

Целью данного исследования является сравнительный анализ гендерного коммуникативного поведения американских и украинских школьников в ситуации игровой дискуссии и определение конфликтных областей и обуславливающих их факторов.

Актуальность затрагиваемой проблемы обусловлена растущим интересом к междисциплинарным исследованиям, позволяющим определять и объяснять социальную вариативность языка и устанавливать связь между коммуникативными стилями и социальными (в частности гендерными) ролями. Принимая во внимание тот факт, что речевое взаимодействие является моделью взаимодействий, протекающих в обществе на других уровнях, моделирование, исследование и анализ конфликтных коммуникативных ситуаций позволяет определить факторы, влияющие на ход конфликта, и пути его разрешения.

Материалом данного исследования послужили аудио и видео записи американских и украинских школьных дебатных турниров, представляющих собой строго регламентированные дискуссии, направленные на убеждение третьей нейтральной стороны. Была проанализирована репрезентативная выборка по половозрастному признаку. Были рассмотрены как гендерно однородные, так и смешанные группы.

В ходе анализа языкового материала применялся метод орфографического транскрибирования, социологический квантификационный метод контекст-анализа, лингвистический анализ разговорного дискурса на синтаксико-прагматическом уровне.

Синтаксико-прагматические параметры анализа стратегии проведения дебатных турниров, рассматриваемые в данном исследовании, можно условно разделить на параметры, характеризующие стратегию проведения тура вопросов, а именно тип вопроса и параметры, характеризующие ответную реакцию, среди которых и односложные ответы.

Нами были использованы два типа классификации вопросов: классификация, предложенная Грубером (1998): простые запросы, противительные вопросы и вопросы-ловушки и традиционная, разделяющая вопросы на общие (требующие ответа да или нет) и специальные. Еще одним параметром, использованным для анализа типа вопроса, является изложение собственной точки зрения в форме вопроса. Кроме того, было проанализировано соотношение общих вопросов и односложных отве-

тов, рассчитано процентное отношение каждого типа вопроса к общему количеству вопросов.

Классификация Грубера представляет особый интерес с учетом специфики рассматриваемой коммуникативной ситуации, так как она позволяет определять степень стратегической ориентированности коммуникантов, а значит выделять основные задачи, стоящие перед ними при проведении тура вопросов (подробнее см. А.П. Мартынюк, Е.В. Пищикова; 1999).

По типу использованного вопроса стратегии мальчиков и девочек различаются следующим образом (см. Табл. 1).

Таблица 1

Соотношение типов вопросов по Груберу (%)

Тип вопроса	Мальчики		Девочки	
	Американские	Украинские	Американские	Украинские
Простые запросы	74	41	51.6	43
Противительные	14.8	41	24.2	28.5
Вопросы-ловушки	11.2	18	24.2	28.5

Необходимо отметить, что пол адресата не влияет на развитие дискуссии и выбор стратегии (Мартынюк А.П., Пищикова Е.В.; 1998).

Как видим, украинские девочки и мальчики в равной степени прибегают к стратегии доминирования в вопросах, единственное существенное различие заключается в том, что мальчики меньше используют вопросы-ловушки.

Американские девочки, наоборот, в два раза чаще прибегают к вопросам, демонстрирующим стратегию доминирования, что явно говорит в пользу их инициативности.

Соотношение вопросов, выбираемых украинскими и американскими девочками, практически идентично, в то время как стратегии мальчиков существенно расходятся. Украинские мальчики почти в три раза больше используют вопросы, демонстрирующие стратегию доминирования.

Подобное различие можно объяснить тем, что американские мальчики считают своей основной задачей в туре вопросов получение информации, а не прямое оппонирование представленной линии аргументации. Тот факт, что как украинские, так и американские мальчики задают очень мало вопросов-ловушек, можно попытаться объяснить в контек-

сте полученных ранее результатов (Мартынюк А.П., Пищкова Е.В. 1998) тем, что им просто не хватает для этого времени.

В традиционной классификации вопросов нами учитывались не только грамматическая форма вопроса, но и ожидания спрашивающего, поскольку возможны ситуации, когда общий вопрос может рассматриваться как специальный и наоборот.

Если классификация Грубера позволяла определять степень стратегической ориентированности содержания вопроса, то традиционная классификация отображает стратегию использования формы вопроса для провоцирования того или иного ответа.

Таблица 2

Соотношение традиционных типов вопросов (%)

Тип вопроса	мальчики- мальчики		мальчики- девочки		девочки- девочки		девочки- мальчики	
	амер.	укр.	амер.	укр.	амер.	укр.	амер.	укр.
Общие вопросы	56.2	42.8	44	61.5	50	42.8	74.3	66.5
Специальные вопросы	43.8	57.2	56	38.5	50	57.2	25.7	33.5

Из табл. 2 видно, что в гендерно однородной паре, как украинские мальчики, так и девочки используют общие вопросы в меньшей степени, чем в смешанной паре, причем это соотношение устойчиво. В смешанных парах мальчики и девочки задают в 2 раза больше общих вопросов. Это говорит о том, что в смешанных парах ярче выражено стремление ограничить поле действий оппонента.

В гендерно смешанной группе американские мальчики используют общие вопросы значительно меньше, чем девочки, у которых количество общих вопросов в 3 раза превышает количество специальных. Сравнительный анализ соотношений в гендерно однородных и смешанных группах показал, что мальчики существенно не меняют тактику формулировки вопросов в зависимости от пола оппонента, в то время как для девочек расхождение составляет около 25%.

Таким образом, между американскими мальчиками и девочками не наблюдается такой корреляции результатов, как между украинскими, так как стратегии американских школьниц значительно дифференцированы в зависимости от пола оппонента.

Изложение собственной точки зрения в форме вопроса является еще одним важным параметром, демонстрирующим стратегию использования времени, выделенного для тура вопросов. Подобный прием провоцирует оппонента на изложение своей точки зрения на проблему или

вовсе не воспринимается им как вопрос. И в первом и во втором случае основная цель проведения тура вопросов не достигается, а значит, этот прием говорит о неэффективном использовании времени.

Таблица 3

Изложение своей точки зрения в вопросе (%)

Параметр	Мальчики		Девочки	
	Американ- ские	Украин- ские	Американ- ские	Украин- ские
Изложение своей точки зрения в вопросе	100	100	61	40

Как видно из приведенных выше данных, как украинские, так и американские девочки используют этот прием почти в два раза реже, чем мальчики. Этот факт следует трактовать в пользу девочек, так как основной задачей проведения перекрестного опроса является не представление собственной точки зрения, а получение информации от оппонента, поэтому, принимая во внимание временные ограничения для проведения тура вопросов, задающий должен скорее слушать, чем говорить. Причем американские девочки прибегают к этому приему на 20% реже, чем украинские. А значит, они эффективнее всего используют время.

Соотношение общих вопросов и полученных на них односложных ответов представляет значительный интерес, так как этот параметр позволяет определить адекватность реакций на вопросы, а следовательно корректность при проведении перекрестного опроса. Существенным здесь является влияние на результат пола оппонента.

Таблица 4

Соотношение общих вопросов и полученных на них односложных ответов (%)

Параметр	мальчики- мальчики		мальчики- девочки		девочки- девочки		девочки- мальчики	
	амер.	укр.	амер.	укр.	амер.	укр.	амер.	укр.
Односложный ответ	33	100	72.8	50	13.4	100	46.2	50

Как мы видим, в смешанных парах, украинские мальчики и девочки в два раза реже реагируют на вопрос так, как этого ожидает оппонент, т.е. односложным ответом на общий вопрос.

Американские мальчики и девочки в смешанных парах чаще реагируют на вопросы адекватно, причем у девочек этот процент выше, чем у мальчиков. В однородных же парах, наоборот, девочки крайне редко предоставляют желаемый тип ответа.

Таким образом, сравнительный анализ показал, что в отличии от украинских школьников, у американских не бывает стопроцентной корреляции между типом вопроса и типом ответа. При этом минимальное совпадение наблюдается в чисто женской коммуникации, а максимальное у мальчиков в неоднородной коммуникации, что противоположно украиноязычным результатам.

Большинство полученных результатов по всем параметрам подтверждают посылку о существовании маскулинных и фемининных коммуникативных стилей. Можно предположить наличие конфликтных областей, возникающих в случаях расхождения в использовании тех или иных коммуникативных приемов. Этот вывод совпадает с концепцией, разработанной Молц и Боркер (1982) в отношении существования двух гендерных субкультур, провоцирующих культурно-коммуникативный конфликт в условиях межгендерного общения.

В результате анализа гендерных коммуникативных стилей украинских школьников мы пришли к выводу, что различия в коммуникативных стилях образуют конфликтные области.

Когда украинский школьник ожидает развернутого ответа, а не просто "Да/Нет", и когда девочка ожидает кратного ответа, оба сталкиваются с диаметрально противоположным подходом оппонента. Можно предположить, что именно это расхождение двух коммуникативных стилей провоцирует полученное нами соотношение общих вопросов и односложных ответов в Таблице 4. В условиях гендерно однородной коммуникации это соотношение составляет 100%, что позволяет говорить о полной адекватности реакций на вопрос, в то время как в смешанных парах наблюдается расхождение ровно в половину.

Когда украинский мальчик излагает свою позицию в форме вопроса и ожидает комментария со стороны девочки, девочка зачастую не видит в этом констатации вопроса, так как этот прием нельзя назвать характерной чертой женского стиля. Таблица 3 показывает, что мальчики формулируют свою точку зрения в вопросе на 40 % чаще, чем девочки.

Продемонстрированные расхождения по форме проведения дискуссии определяют результат, полученный для параметров, демонстрирующих стратегию использования содержания вопроса. Этот аспект был освещен с помощью использования классификации вопросов, предложенной Грубером. Как следует из таблицы 1, девочки и мальчики в рав-

ной степени прибегают к стратегии доминирования в вопросах, однако, в силу перечисленных выше различий, девочки могут позволить себе использовать большее количество вопросов-ловушек, что делает их стратегию более эффективной, так как такие вопросы придают туре вопросов зрелицность, а значит, повышают шансы убедить беспристрастного судью.

Для американских респондентов были получены несколько другие результаты, которые также подтверждают предположение о наличии гендерных коммуникативных стилей, обладающих, правда, несколько иными характеристиками. Основное различие между этими стилями заключается в степени использования стратегии доминирования. Необходимо отметить, что в отличии от украинских школьников стратегии использования вопросов не являются для американских мальчиков и девочек диаметрально противоположными.

Анализ использования общих и специальных вопросов показал, что для мальчиков расхождение между стратегиями, выбираемыми в зависимости от пола оппонента, составляет около 12 %, что можно считать незначительным в рамках данных исследований. В то время как для девочек количество общих вопросов в смешанной паре в три раза превышает количество специальных вопросов и на 25 % превышает количество общих вопросов в гендерно однородной паре (Таблица 2). Таким образом, половая принадлежность оппонента играет для девочек большую роль, а стремление ограничить свободу действий оппонента ярче проявляется в гендерно смешанной паре. В контексте этих результатов интересно отметить тот факт, что количество односложных ответов у мальчиков превышает этот показатель у девочек (Таблица 4). Соотношение общего вопроса и односложного ответа в ситуации, когда девочка задает вопрос мальчику в три раза превышает этот показатель в ситуации, когда девочка задает вопрос девочке (Таблица 4). Таким образом, мы наблюдаем значительную, хотя и не полную, как это было у украинских школьников, адекватность в реакциях мальчиков на вопросы девочек. Тем не менее, максимальной адекватности в реакциях на вопросы оппонента достигают девочки в смешанной паре, а минимальной тоже девочки, но в однородной паре (Таблица 4). Из перечисленного выше, мы можем заключить, что для девочек половая принадлежность оппонента играет решающую роль при выборе стратегии проведения дискуссии, а для мальчика этот фактор не является определяющим. Этот подход может быть спровоцированным расхождениями в других коммуникативных приемах.

Изложение своей точки зрения в вопросе у американских мальчиков на 60 % превышает аналогичный показатель у американских девочек (Таблица 3), из чего можно предположить, что именно этот фактор стал причиной более выраженной стратегической ориентированности в форме вопросов, задаваемых девочками.

Анализ вопросов по их содержанию также показывает, что американские девочки в два раза чаще используют вопросы способствующие установлению доминирования (Таблица 1).

В соответствии с проведенным сравнительным анализом стратегий, используемых украинскими и американскими школьниками, можно заключить, что в стратегии проведения дискуссии между украинскими мальчиками и девочками не наблюдается существенных отличий. Большая стратегическая ориентированность в сторону доминирования наблюдается в смешанных парах вне зависимости от того, кто проводит перекрестный опрос. Это можно объяснить тем, что в смешанных парах мальчики и девочки сталкиваются с непривычным для них коммуникативным стилем, что позволяет им прибегать к более решительным мерам. Среди американских школьников гендерная дифференциация значительна, причем американские девочки шире используют приемы, демонстрирующие стратегическую ориентацию. В отличии от мальчиков, для американских девочек существенную роль играет половая принадлежность оппонента. Как американские, так и украинские девочки эффективней используют выделенное время. Что касается реакций на высказывания оппонента, то более адекватная реакция на вопросы оппонента для украинских школьников наблюдается в однородной группе, а для американских в смешанной. Таким образом, можно предположить, что если для украинских школьников различия в гендерных коммуникативных стратегиях являются основным конфликтным фактором, то американские школьники, напротив, стараются преодолевать эти различия в смешанных парах.

Таким образом, результаты, полученные в ситуации, когда коммуникативное воздействие является не целью, а средством для утверждения своей позиции перед третьей стороной, позволяют утверждать, что мальчик и девочка используют различные коммуникативные стратегии. Украинские девочки в целом более подвижны и эмоциональны, а мальчики более агрессивны. Можно сказать, что в соревновательной ситуации девочки реализуют стереотип стратега, а мальчики - оратора. В смешанных парах эти два разных стиля могут провоцировать коммуникативный конфликт. Американские школьники, напротив, в смешанных парах демонстрируют гораздо большую адекватность и эффективность, что

может быть связано с желанием преодолеть возникающие конфликтные области, в то время как анализ однородных пар американских школьников говорит в пользу большей агрессивности и стратегической ориентированности девочек. Подобное различие объясняется существованием разных социолингвистических субкультур, взаимодействие которых может вызывать культурно-коммуникативный конфликт. Анализ причин возникновения таких конфликтов может способствовать их разрешению.

ЛІТЕРАТУРА

1. Gruber A. Question and Strategic Orientation in verbal Conflict Sequence / 6th International Pragmatics Conference - International Pragmatics Association. - 1998.
2. Maltz, Borker Daniel N. Maltz and Ruth A. Borker. A cultural approach to male-female miscommunication / Language and social identify, ed. by John J. Gumperz - Cambridge London New York: Cambridge University Press, 1982. - P.196-216.
3. Мартынюк А.П., Пищикова Е.В. Формирование коммуникативных стратегий полов // Вісник Харків. державного ун-ту. - 1998. - № 406. - С.95-100.
4. Мартынюк А.П., Пищикова К.В. Гендерні комунікативні стратегії в дискусії // Вісник Харків.ун-ту. - 1999. - № 424. - С.81-85.

CROSS-CULTURAL VARIATION IN THE USE OF APOLOGY SPEECH ACT STRATEGIES IN BRITISH AND AUSTRALIAN ENGLISH

Maslova N.I., Papovyants E.G.

The cross-cultural comparison of speech behaviour has attracted considerable interest in the past decade. Recently, empirical studies concerning the nature of such speech acts as requests and apologies have been conducted (Cohen and Olshtain 1981, Olshtain 1983, Olshtain and Cohen 1983, Blum-Kulka and Olshtain 1986, Clyne 1994), and as a result, there appeared extensive information base on these two speech acts.

The purpose of the present paper is to investigate cross-cultural variation in the use of apology speech act strategies by British and Australian speakers and to reveal the significance of cultural factors in determining variable patterns of "apology behaviour".

The speech acts of apologizing are viewed by researchers as post-event acts. It is emphasized that they signal that a certain type of event has already taken place (or the speaker is aware of the fact that it is about to take place) (Blum-Kulka and Olshtain 1986:207). By apologizing the speaker recognizes the fact that a violation of a social norm has been committed and admits to the fact that she/he is at least partially involved in its cause.

Hence, by their very nature, apologies involve loss of face for the speaker and support for the hearer. C. Faerch and G. Kasper have worked out three preconditions which must hold true for the apology act to take place:

- 1) Speaker did some action or abstained from doing some action (or is about to do it).
- 2) Action is perceived by Speaker only, by Hearer only, by both Speaker and Hearer, or by a third party as a breach of a social norm.
- 3) Action is perceived by at least one of the parties involved as offending, harming or affecting Hearer in some way.

(Faerch and Kasper 1984:35)

It is assumed that in order for the apology to materialize when these three preconditions exist, Speaker must be aware of all the preconditions and infer the need for him/her to apologize. By performing the apology, Speaker pays tribute to the social norm (recognizes precondition 2) and attempts to placate the Hearer (recognizes precondition 3).

If the violation has not been committed or if the Hearer is not yet aware of it, Speaker has various ways in which to break the news to Hearer (Blum-Kulka and Olshtain 1986:206).

The linguistic realization of the act of apologizing can take one or two basic forms or a combination of both:

1) The most direct realization of an apology is done via an explicit Illocutionary Force Indicating Device (IFID) which selects a retualized, formulaic expression of regret (a performative verb) such as: be sorry, apologize, regret, excuse pardon, etc. The IFID fulfills the function of signaling regret (on the speaker's part) for some action (violation), and thus is intended to placate the hearer (Faerch and Kasper 1984:154).

2) The other way in which one can perform an apology (with or without IFID) is to use an utterance, which contains reference to one or more elements from a closed set of specified propositions. The semantic content of these propositions related to the preconditions (mentioned above), which must hold true for the apology act to take place. Thus, an utterance which relates to: 1) the cause for violation; 2) speaker's responsibility for violation; 3) speaker's willingness to offer repairs for violation or of forbearance (that violation will never happen again) can also serve as an apology (Blum-Kulka and Olshtain 1986:207).

In A. Cohen and E. Olshtain's work of 1986 the notion of an "apology speech act set" is suggested to encompass the potential range of apology strategies, any of which (i.e. an IFID or reference to preconditions 1, 2, 3) may count as a realization of an apology.

Thus, in addition to the IFID, the apology speech act set includes four potential strategies for performing the act of apologizing:

- 1) an explanation or account of cause, which brought about the offence;
- 2) an expression of the speaker's responsibility for the offence or (= acknowledgement of responsibility);
- 3) an offer of repair;
- 4) promise of forbearance.

(Blum-Kulka and Olshtain 1986:208)

In most cases just one of the strategies is sufficient to perform the apology, but often two or three are combined together thus creating higher intensity of apology.

Let us dwell upon each of the four above-mentioned potential strategies in detail. The first of the potential strategies is "An Explanation or account of the situation which indirectly causes the apologizer to commit the offence". In some cultures this may be a more acceptable way of apologizing than in others. For example, in an environment where people have transport problems coming late to a meeting and giving an explanation like "The bus was late" might be perfectly acceptable. In other cultures, however, where transport is expected to run on a regular schedule, it is the person who is considered to be late, and not the bus. Therefore, the excuse of this type is less acceptable as an apology (e.g. in British or American culture).

The strategy "Acknowledgment of Responsibility" will be chosen by the apologize if the latter recognized his/her fault in causing the infraction. The recognition of the fault on the part of the apologize can be more or less intensive. The highest degree of intensity is felt when the apologize admits his fault directly, using the semantic formula "It's my fault".

Acknowledgement of responsibility is less pronounced if it is expressed in an indirect way with the help of semantic formulas conveying the meaning of "self-deficiency" (e.g. I was confused, I didn't see, I didn't expect) or lack of intent (e.g. I didn't mean to). The least intensive is an implicit expression of responsibility (e.g. "I was sure I have given you the right direction").

"An Offer of Repair" is a strategy whereby the apologized makes an attempt to carry out an action or provide payment for some kind of damage which resulted from his/her infraction. This strategy is situation-specific and is only appropriate when actual damage has occurred. It can be:

- 1) specified: "I shall pay for the damage" (D. Ireland);
- 2) unspecified: "I will see what I can do" (K. Knox).

"A Promise of Forbearance", whereby the apologize commits him/herself to not having the offence happen again, is situation-specific too.

e.g., "... Please, do not be so angry. This will not happen again, I swear..."

(D. Ireland "A Woman of the Future": 27)

For the cross-cultural comparison of the realization of apology strategy types we have collected 2000 examples of apologies from modern British and Australian literature.

Analysing the reasons which condition the choice of apology strategies taken by British and Australian speakers we lay emphasis on the importance of cultural factors in determining variable patterns of "apology behaviour".

The results of our investigation are presented in the following table.

Table

Distribution of Apology Strategy Types in British and Australian English.

	Strategy Type	British English	Australian English
1	Expression of apology	65%	52%
2	Explanation of cause	10%	12%
3	Acknowledgement of responsibility	8%	4%
4	Offer of repair	5%	30%
5	Promise of forbearance	12%	2%
	Total	100%	100%

The quantitative analysis of the distribution of the main apology strategy types in British and Australian English reveals that the prevalent strategy type in British

variety is a direct expression of apology. Its share is 65%. It can be assumed that the dominance of this strategy type in British English is motivated by the fact that British speakers prefer "positive politeness" because they appreciate the existing social norms and aspire to be considered valuable members of their society.

The same type of apology strategy in Australian English proves to be less preferable, with the Australian speakers constituting 52% of the corpus studied.

The proportion of such apology strategy types as "explanation of cause", "acknowledgement of responsibility", and "promise of forbearance" is approximately the same in British English (10%, 8% and 12% respectively).

It is necessary to emphasize that the highest degree of cross-cultural disagreement in the material under study is in the use of the apology strategy "offer of repair". In British English it is characterized by the lowest incidence (5%). That can be accounted for by the fact that Anglo-Saxons are more self-reserved than any other nation, being reluctant to offer help to each other.

The frequency of occurrence of the same apology strategy in Australian English is considerably higher. It amounts to 30%. A plausible explanation for that can be found in adherence of Australians to such a social value as "mateship or fellow feelings".

In contrast to that the most rarely used apology strategies within Australian English are "acknowledgement of responsibility" and "promise of forbearance" (4% and 2% respectively). That can be a proof of the fact that Australians are reluctant to take on responsibility or give promise that the same violation will never happen again due to their easy-going character. On the whole, Australians tend to reveal their "negative face wants" and do not care much what other people will think of them.

By way of generalization we say that, notwithstanding the fact, that apology strategies are universal, the two varieties of the polynational English language have revealed different preferences in their use caused by certain differences in cultural attitudes and socially relevant values.

LITERATURE

1. Blum-Kulka S., Olshtain E. Requests and Apologies CCSARP, 1986. in //Applied Linguistics, vol. 5, № 3, pp. 198-213.
2. Clyne M. Cultural Values in Discourse. CUP, 1994, 227p.
3. Andrew D. Cohen., Olshtain E. Developing a Measure of Sociocultural Competence: The case of Apology. In // LanguageLearning, 31 (1), 1981, pp. 113-134.
4. Andrew D. Cohen., Olshtain E., Advanced EFL Apologies: What Remains to be Learned. in //International Journal of Sociology of Language, № 60, 1986, pp. 55-74.
5. Faerch G., Kasper C. CCSARP: a Project Description, 1984. 160p. NewburyHouse.
6. Olshtain E. Sociocultural Competence and Language Transfer: the Case of Apology in //Gass S. and Selinker L., (eds), Language Transfer in Language Learning. 1983, pp. 232-249. Rowley, MA: Newbury House.
7. Olshtain E., Andrew D. Cohen. Apology: A Speech Act Set. in // Wolfson N. and Judd E. (eds). Sociolinguistics and Language Acquisition, 1983, pp. 18-35. Rowley, MA: Newbury House.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ МОДИФИКАЦИИ

Мизецкая В.Я.

Как известно, мы видим объекты во внешнем мире с помощью глаз, в получении информации о действительности также участвуют и другие органы сенсорного восприятия. Мозг получает то, что мы улавливаем, как энергетические сигналы. Таким образом, в сознании возникает некоторая модель мира, которая в силу субъективности восприятия не адекватна реальности.

Р.Джонс в книге «Физика как метафора» подчеркивал: «что бы мы ни описывали, человеческий ум не может отделиться от этого» (8:52). Р.Уилсон выразился еще точнее: «На что бы мы ни взглянули, мы должны увидеть прежде всего наш собственный «ментальный архив» — структуру программного обеспечения, который использует наш мозг для обработки и классификации впечатлений» (*ibid*). Под программным обеспечением подразумевается и язык, и лингвистические привычки, и общее «родовое» или культурное мировоззрение, которые Уилсон называет «туннелями реальности» и которые состоят из лингвистических конструкций и других символов.

Делались попытки отделить субъект восприятия от самого процесса и результатов этого восприятия, но это практически не возможно. Квантовая физика и квантовая логика с их признанием неопределенности как категории мироздания, с которой нельзя не считаться, заставило многих ученых еще категоричнее заявить, что восприятие заключается не в пассивном приеме сигналов, а в их активной интерпретации. Более того, оно является и некоторым творческим процессом. Физики аналогичный закон в квантовой теории формулируют так: нельзя исключить наблюдателя из описания наблюдаемого.

Нам представляется, что в художественном творчестве этот закон реализуется в полной мере. Фигура субъекта наблюдения, автора — это прежде всего фигура интерпретатора. Его вселенная, его картина мира — это именно одна из возможных интерпретаций того, что мы называем действительностью. Эту интерпретацию обычно и называют художественной картиной мира. Она неповторима у каждого автора и может меняться в каждом конкретном произведении. Однако в рамках одного и того же метода или течения наблюдаются некоторые универсальные особенности, которые характерны для художественного мира целой группы писателей.

Так, для авторов-реалистов характерно стремление к максимально точному, насколько это возможно, отражению реальной действительности в пределах аристотелевско-ньютоновского осмыслиения пространства и времени, с наиболее адекватным показом персонажей с опорой на возможности сенсорного аппарата человека. Здесь царит детерминизм с его жесткими причинно-следственными связями.

Иначе обстоит дело в произведениях постмодернизма и абсурдизма. Мир здесь скорее показан с позиций теории относительности с его искривленным четырехмерным пространством-временем, с его признаком недетерминированности, которая позволяет выйти за рамки жестких причинно-следственных связей. Правда, «отец теории относительности» не очень верил в случайность в отличие от Н.Бора, который эту случайность, а значит и недетерминированность, отстаивал.

Знаменитая теорема Белла, которая доказывает существование нелокальных корреляций, подтверждается экспериментальными данными квантовой физики, а это означает признание взаимодействия элементов без непосредственного воздействия одного на другой. Конечно же, жить в мире квантовой теории и не подвергаться ее, хотя бы опосредованному, влиянию, наверное, — трудно. Это не значит, что авторы-постмодернисты и абсурдисты хорошо разбираются в физике и т.д., но, может быть, чисто интуитивно они вышли на мироощущение, котороеозвучно новому пониманию реальности в науке.

Если глубоко проанализировать произведения Кафки, Гавела, Стоппарда, то нельзя не увидеть, как изначально они строятся на том, что называется нелокальными корреляциями, о которых писал Белл. Вполне вероятно, что все эти писатели и не отдают себе отчет в том, что пользуются данными понятиями. Сейчас уже никто не осмеливается отрицать у писателей творческого озарения, интуиции, природа которых не поддается четкому научному, а тем более математическому объяснению, поэтому такое точное попадание в природу явления вполне естественно.

Возьмем на себя смелость утверждать, что логика художественного текста не тождественна логике реального мира. Наличие специфического художественно-образного плана, который накладывается на любое «*ratio*» приводит и к смещению общепринятых логических подходов.

Существуют и разные взгляды на то, что следует считать логичным и алогичным. Как известно, мы живем в мире, где преобладает аристотелевская логика исключенным третьим. Это означает, что *S* есть *P*, либо *S* не есть *P*, — третьего не дано. С этой точки зрения, произведения абсурдизма остаются алогичными, так как в них трудно усмотреть аристотелевский подход к пониманию того, что есть логичным.

Логика художественного изложения даже реалистических произведений не всегда укладывается в рамки жесткой аристотелевской формулы. Анализируя поведение Раскольникова, Г.Померанц отмечает, что «убить двух женщин, а потом отдать все свои деньги Мармеладовым, полюбить Соню, раскаться, преобразиться — все это в аристотелевскую логику не укладывается» (5: 27).

В настоящее время получила распространение идея так называемой квантовой логики, поскольку квантовый мир просто не вписывается в аристотелевскую бинарную оппозицию «либо - либо». Квантовая логика это трехзначная логика, которую изобрел фон Нейман. Этот ученый добавил к двум вариантам для выбора «истинно» и «ложно» еще и третий вариант — «может быть».

Вопреки утверждениям о том, что квантовая неопределенность не имеет никакого отношения к повседневной жизни и существует только на субатомном уровне, она, тем не менее, очень хорошо применима к обычным событиям. Так, в состоянии «может быть» находится брошенная монетка до того, как она упадет и окажется орлом вверх или вниз. Именно данная ситуация, кстати, обыгрывается в пьесе Т.Стоппарда «Розенкрэнц и Гилденстэрн мертвы». Это не удивительно, так как автор пьесы как раз и относится к числу тех, кто не признает детерминизма. Его герои Гил и Роз фактически демонстрируют в своей игре теорию вероятности.

Наличие в литературе, — и особенно в поэзии, — произведений, выстроенных по принципу «если бы», что очень тесно соприкасается с неймановским «может быть», лишний раз доказывает, что аристотелевский подход оправдывает себя не всегда:

«Если бы я был богом океана,
Я б к ногам твоим принес, о друг,
Все богатства царственного сана,
Все мои кораллы и жемчуг»

/Толстой: 53/.

Очевидно, все искусство и литература это вообще макро-«может быть». Кажимость, реальные предметы, обретающие роль символов, мистика, сновидения, метафоры, все это признаки несводимости логики художественного мира и его восприятия к известной формуле исключенного третьего. Художественный мир и ложен и неложен, это мир, который «может быть».

Существуют и пятиэлементные логические схемы, которые также больше отвечают логической схеме художественного текста, чем аристотелевский двухэлементный принцип. Так, в Индии нет закона исключенного третьего. Там допускается пять правильных суждений: S есть P; S не есть P; S есть и P и не P; S не есть ни P, ни не P; S неописуем. Даже эта индийская логика может показаться более подходящей для передачи логиче-

кой структуры художественного мира. Во всяком случае, совершенно очевидным для литературного творчества остается тот факт, что его нельзя ограничивать жесткими рамками аристотелевско-ньютоновских представлений. В самом общем виде художественное творчество скорее соотносится с вариантом «может быть» из триады Неймана, чем с аристотелевской дихотомией «ложно-истинно».

Параболичность, кажимость художественного мира, допустимая множественность, открывающая дорогу образности и импликации, заставляют отказаться от абсолютизации аристотелевской логики.

Может быть поэтому мы с интересом читаем произведения абсурдизма с их нарушением привычных силлогизмов, интуитивно чувствуя иные, необычные логические структуры и принципы. То, что на первый взгляд кажется нелепым, на самом деле оказывается возможным, действительным в рамках особой логики; логики художественного мира.

Мы считаем, что можно выделить два крайних подхода к творческому освоению мира, — реализм и абсурдизм, — между которыми существует много переходных форм. Обозначим их основные отличия:

РЕАЛИЗМ	АБСУРДИЗМ
аристотелевско-ニュтоновское понимание пространства и времени	эйнштейновское понимание пространства и времени
признание жесткого детерминизма, наличия причинно-следственных связей во всех проявлениях бытия	признание недетерминированности мира, нелокальных корреляций
типовизация образов персонажей с сохранением всех антропоморфных признаков, которые воспринимаются сенсорно	наличие персонажей различных гибридных форм, например, антропоморфно-зооморфных (см. «Процесс» Кафки)
анализ мыслительных процессов и мотивации поведения героев на рациональном уровне	попытки проникнуть в область иррационального в психической деятельности человека
тяготение к аристотелевской бинарной логике	тяготение к неаристотелевским логическим структурам — трехчленной неймановской и индийской пятичленной

Множественность художественных миров лишь обогащает нас, позволяет и в нашем собственном восприятии мира найти новые грани и неиз-

веденные области, попристальнее взглянуть на то, что казалось очевидным, но на самом деле таит еще много неразгаданного и необъяснимого.

Вопрос о картине художественного мира тесно связан с проблемой субъектно-объектных корреляций.

Как известно, «сублимированное» отношение к собственной жизни свойственно многим писателям. Действительно, многие авторы, в том числе и XX в., отражают свой собственный жизненный опыт, свои переживания. К таким произведениям можно отнести «Дар» Набокова, который нередко называют романом-«самоизложением». Фактически, это хроника жизни самого молодого писателя в Берлине 20-х годов. Романы Ф. Кафки также представляют собой самоанализ писателя. Это прежде всего относится к его роману «Замок». Д. Джойс, описав в «Улиссе» жизнь в колледже Стивена Дедалуса, рассказал об одном из периодов своей жизни.

Однако многие авторы камуфлируют эту субъектно-объектную связь. Упомянутые писатели здесь не являются исключением. Вместо самого автора читатель имеет дело с образом автора-рассказчика, а в качестве знака отстраненности используется вымышленное имя. Тем не менее в самом общем виде субъект и объект в этом случае совпадают.

Интересное соотношение объекта и субъекта творческого процесса предполагает теория остраненности Брехта. Удивительное пересечение профанного и художественно-образного миров, которые частично перекрываются друг другом в пьесах немецкого драматурга, позволяют объекту и субъекту творческого процесса сходиться в неком третьем, специфическом гибридном мире. Субъект творчества здесь одновременно и реален и ирреален, поскольку принадлежит обоим мирам одновременно. Наличие в художественном произведении таких фигур, как персонаж от автора, рассказчик, повествователь, — при условии их участия в основных событиях, — всегда свидетельствует о подобном схождении двух миров — реального и художественного.

Художественное произведение в плане соотношения голосов субъекта (наблюдателя, рассказчика) и живого объекта (предмета наблюдения и анализа) все же в большинстве случаев похоже на игру симфонического оркестра с переплетением многих партий, тем, вариаций и т.д. Даже в лирике, где субъект и объект часто совпадают, возникают, хотя бы и эпизодически, голоса других персонажей.

Субъект изложения концентрирует вокруг себя ту часть текста, которая называется авторским повествованием, а персонажи-объекты изложения — ту его область, которая известна как персонажная речь или диалог. Соединение голосов автора и персонажей приводит к образованию так

называемой несобственно-прямой речи (НПР). Однако на практике, когда мы имеем дело с конкретными произведениями, при кажущейся ясности и простоте такой трихотомии, возникает множество проблем и вопросов.

В частности, трудность представляет определение четких границ при переходе к НПР и выходе из нее. Границы здесь нередко имеют расплывчатый, размытый характер. Что касается непосредственно НПР, то фокус показа в ней одновременно и авторский и персонажный. И в этой связи вновь возникают параллели с загадочными квантовыми волночастичами, которые существуют сразу в двух ипостасях. Такие переходные, смешанные формы в литературе все же позволяют сохранить ощущение некоторой объективности показа происходящего, хотя он и осуществляется «изнутри». Подобная форма позволяет автору держать персонажей под своеобразным контролем, как это делает, например, Дж. Голсуорси в своей знаменитой «Care о Форсайтах».

Представляется, что суть явления была бы передана точнее, если бы оно определялось как «авторско-персонажная речь», поскольку это наименование подчеркнуло бы наличие двух планов изложения.

Персонажная речь, как известно, бывает внутренней и внешней. Современная художественная проза освоила технику передачи как одной, так и другой. Нашла свои формы передачи внутренней речи и драматургия: это монологи-солилоквиумы, реплики в сторону, реплики, имитирующие речь в бредовом состоянии и др.

Хуже в драматургии обстоит дело с освоением форм, подобных НПР, так как сама художественная ткань пьесы сопротивляется их вводу. Наиболее удачными в этом плане можно признать эксперименты Брехта с его эффектом остраненности. Именно в этом случае возникает совмещение планов, однако здесь используются технические и лингвистические особенности, которые не сводятся к особенностям НПР.

Следует также отметить усилившуюся в XX в. тенденцию к рассмотрению и анализу самого творческого процесса, который стал теперь предметом не только научного исследования, но и художественного осмысливания. Отчасти здесь, по-видимому, кроется причина повышенного интереса к технике «потока сознания», поскольку читатель получает возможность ознакомиться не столько с готовым продуктом речемыслительной деятельности, сколько с механизмом порождения речи.

Не случайно, наверное, менее членораздельной стала и лирика. Словесная эквилибристика, муки поэта, пытающегося подобрать наиболее точное слово, — все это теперь нередко происходит на глазах читателя/слушателя. В частности, словесно-звуковые опыты М. Цветаевой, В. Хлеб-

никова, И.Северянина были подхвачены и поэтами более позднего времени.

Таким образом, художественная картина мира в последнее время значительно расширилась. В поле зрения литературы все чаще попадает не просто человек, совершающий конкретные поступки, которые определяют движение сюжета, но и внутренний мир человека, причем с обнажением самых сложных процессов мозговой деятельности. При этом делаются попытки постичь запредельное, иррациональное начало психики.

Выбор объекта художественного анализа обусловлен также различными представлениями этического характера. На разных этапах своего развития общество накладывает те или иные табу, выключая из художественной картины мира целые пласти жизни.

В частности, трудно представить себе, чтобы в поэзии Петрарки или в куртуазной литературе появились сцены, в которых бы царил грубый натурализм с его подчеркнутой физиологичностью. Вместе с тем, сцены и эпизоды, в которых подробно описываются различные физиологические процессы и отправления, воспринимались как неотъемлемая часть произведения и соответственно общей художественной картины мира в эпоху Возрождения.

По пути эротических откровений пошла и литература XX в. Для нее фактически нет запретных тем, хотя в обществе всегда есть слои, которые готовы поставить под сомнение подобное расширение поля художественного показа действительности. Не случайно, наверное, Джойсу был предъявлен судебный иск после появления третьей части его «Улисса». Размышления засыпающей женщины настолько эпатажны и временами циничны, что это показалось вызовом даже весьма терпимому западному читателю. Не менее болезненно встретило общество и «Лолиту» Набокова и романы Д.Лоуренса.

Таким образом, предметом творческого переосмыслиния становятся и самые сокровенные стороны жизни человека, хотя это не является приметой литературы только XX в. Однако если на предыдущих этапах ее развития на первое место выдвигались то одни, то другие стороны жизни, — в XX в. художественная картина мира стала охватывать самые разнообразные явления и физиологического и психологического характера, находя все новые приемы и способы для всестороннего показа жизни отдельного человека и всего общества.

Обращает на себя внимание и тот факт, что предметом творческого анализа все чаще становятся различные отклонения психического характера. В качестве центральных персонажей нередко выступают шизофреники, наркоманы, лица с нестандартной сексуальной ориентацией. Все это

приводит к появлению описаний галлюцинаций, психodelических состояний, кошмарных снов, фантасмагорических образов.

Итак, в целом современная художественная картина мира чрезвычайно широка и объемна. Она отличается гетерогенностью, синтезом и практическим отсутствием табуированных сфер, позволяя читателю проникнуть в любую область жизни как отдельного индивидуума, так и общества в целом.

Распространение различных форм и приемов показа действительности во многом произошло благодаря развитию науки, в частности логики, психологии, физики, которые помогают осмысливать процессы, касающиеся художественного творчества, пытаясь объяснить то, что на первый взгляд кажется иррациональным и мистическим.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Худ. лит-ра, 1975. - 309 с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М.: Высшая школа, 1971. - 239 с. 3. Выготский Л.С. Психология искусства. - М.: Искусство, 1986. - 572 с.
4. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. - М.: Высшая школа, 1977. - 322 с.
5. Померанц Г. До основания, а затем // Знание — сила. - 1993. - №1. - С. 24-28.
6. Толстой А.К. Избранные стихотворения. - Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1981. - 160 с.
7. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М.: Наука, 1977. - 574 с.
8. Уилсон Р. Квантовая психология. - К.: Янус, 1999. - 224 с.
9. Stoppard T. Rosencrantz and Guildenstern are dead. - N.Y.: Grove Press, 1967. - 126 p.

ПРОБЛЕМЫ ЗНАЧЕНИЯ В ТЕОРИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Минкин Л.М.

Светлой памяти Елизаветы Порфирьевны Мартыновой

Прагматизация значения слова связана с тем, что его семантика стала считаться неотделимой от коммуникативных целей речевого акта (2: 315), а также рассматриваться как орудие, посредством которого совершается действие. «Значение слова есть его употребление» (9: 97). Это, по мнению Л. Витгенштейна, касается большого класса слов. Развитие основной идеи ученого о значении слова пошло по нескольким направлениям. Одно из них представляет остиновская парадигма значения, в соответствии с которой семантическое (прагматическое) значение является функцией контекста, в котором употреблено слово, высказывание (23: 87). Единственным значением слова считается речевое, которое фактически противопоставляется значению как языковому феномену. Последнее, по определению Ф. Соссюра, является результатом внутренних отношений единиц в языковой системе (28: 146-150). Имеется в виду, прежде всего семантическая ценность, выявление которой осуществляется в соответствии с классическими принципами структурального анализа: сегментацией, пермутацией, коммутацией (37: 21).

Отметим, что лишь соссюровская парадигма значения признается некоторыми исследователями лингвистической, в то время как дискурсивный подход (парадигма Дж. Л. Остина) относят к экстралингвистической области (Op. cit.: 22). В стремлении преодолеть соссюровский подход к значению слова просматривается отказ от признания языковой системы, наряду с речевой, соответствующей лингвистической реальностью и, как следствие, не разграничиваются языковые и речевые значения знаков.

Реальность языковой и речевой систем признается, в частности, сторонниками широкого функционального подхода, при котором приоритетным является целе-речевое использование слова и высказывания (12: 9; 27: 56). В этом случае сохраняется классическое противопоставление: форма – значение – функция. Именно функциональное понимание позволяет каким-то образом определить все многообразие единиц языковой системы в речи. «Роль языка состоит в представлении для речи на основе имеющихся в системе форм большего или меньшего выбора контекстных значений. Значение одной системной формы предполагает

определенный диапазон контекстных значений в речи» (13: 83). Такое разграничение языковых и речевых значений основывается на двух лингвистических реальностях: виртуальной (потенциальной) языковой и актуализированной речевой (Op. cit.: 192).

В самых общих чертах парадигмы значения слова Ф. Соссюра и Дж. Л. Остина дополняют друг друга, и, в конечном счете, очевидно, могли бы быть синтезированы в одной научной теории. По существу таковой является теория психосистематики и психомеханики Г. Гийома. В отличие от Ф. Соссюра, Г. Гийом считает, что в речевой деятельности не суммируются, а интегрируются свойства языка и речи (13: 37). Именно такой подход позволяет говорить о взаимодействии языковых и речевых значений. Материальным субстратом такого взаимодействия является понятие *оперативного времени* (Op. cit.: 192). Это совершенно новое понятие, которое ввел в лингвистический обиход Г. Гийом, дает возможность аналитически представить в динамике когнитивных операций взаимодействие семасиологических (системных) и смысловых (денотативных, речевых) значений, и результат такого взаимодействия – в прагматике речи. Взаимоотношение этих значений складывается в субъективном процессе актуализации, в то время как конечный результат представляет объективный показатель праксематики речи. Такой синтезированный результат-знак обозначает реально существующий материальный предмет или идеальный образ этого предмета; а также – явления психической жизни людей, их взаимоотношения и т.д. Идеальный образ – это виртуальное значение, обозначение реального предмета или явления – это сфера актуализированного (речевого) значения. Виртуальное и актуализированное значения отличаются от соответствующего концепта (понятия) тем, что включает в себя не все его компоненты. Однако, в структуру значения могут входить и не концептуальные компоненты: экспрессивные, оценочные и др. – разного рода субъективные наслаждения (7: 7), которые, по мнению Е.И. Шендельс, покрываются общим термином «коннотация» (32: 35). Интеграция виртуального и актуализированного значений «представляет собой опосредованную сознанием соотнесенность с предметом обозначения, а знак как единство звучания и значения выступает в качестве средства его обозначения» (31: 28).

В процессе актуализации складываются разные отношения между семасиологическим и смысловым значениями. Взаимоотношения компонентов общего значения знака регулируется речевым намерением говорящего, его коммуникативной интенцией. Э. Бенвенист подчеркивает, что «для нужд анализа допустимо рассматривать две стороны (значения)

— Л.М.) знака по отдельности, но по отношению к процессу означивания знак всегда остается целостной единицей» (6: 87). Лингвистическая модель номинации семасиологическим и смысловым способами, которую Э. Бенвенист называет «двойным означиванием» (Op. cit.: 87), не имеет аналогий в других семасиологических системах, кроме языковой. Подобный подход к процессу номинации чрезвычайно важен для понимания самой природы изменений, происходящих в содержании знака, и в конечном итоге — в сфере взаимоотношения означаемого и означающего.

В языковой системе знак однозначен, потенциальная однозначность/ многозначность свойственна знаку в речи. Это объясняется тем, что в языковой системе знак находится вне референтных связей. Семиотический аспект значения знака независим от реальной референции. Семантический аспект значения знака принадлежит области высказывания, миру речи. Семантическое (денотативное) означивание основано на референтных связях (6: 88), денотативная основа которых может быть разной. Так, референтное повествование может не иметь соответствий в «объективной действительности», поскольку референтом повествования является, например, плод творческой фантазии автора и вера в его реальность. В этом случае говорят о «преобладании нереферентного типа повествования» (26: 8). Думается, что актуализированная пропозиция всегда сохраняет референтные отношения с содержанием реальной или идеальной (воображаемой) ситуации. Референциальная функция как явление внутрисемасиологического порядка (5: 448) связана с процессом номинации и является своеобразной «внешней» опорой лингвистической конструкции. В последней реализуются различные внутренние связи: дискурсивными (прагматическими) коннекторами, анафорическими местоимениями, эллипсисом и т.д. (40: 35). Характерно, что сам процесс актуализации в ограниченном пространстве оперативного времени недоступен нашему наблюдению, его возможно представить аналитически и судить о взаимоотношении семасиологического и семантического значений, рассматривая конкретные речевые реализации.

Семасиологическое и смысловое значения общего содержания знака находятся в отношениях дополнительного соответствия. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку соответствие как определенное отношение между взаимодействующими сторонами знака — фундаментальное свойство его организации. В таком понимании соответствие выражает связь (отношение) — качественную определенность в строении знака. Оно предполагает взаимное согласование существенных сторон объекта, их взаимодействие.

Соответствие как отношение включает в себя момент изоморфизма, так как всякое взаимодействие имеет место благодаря некоторому единству сторон. Соответствие включает в себя, в качестве вспомогательных, отношения симметрии/асимметрии плана содержания и плана выражения знака. Как правило, соответствие охватывает согласование всяких изменений плана содержания и плана выражения (20: 26-27). Попразному объясняют соответствие в языковом знаке Ф. Соссюра и Г. Гийом. Для Ф. Соссюра соответствие – это отношение означаемого и означающего в билатеральном языковом знаке (29: 147). Переход от языкового значения (*signifié de puissance*) к речевому (*signifié d'effet*) Г. Гийом представляет следующим образом: *signifié de puissance* → *signe* → *signifié d'effet* (36: 246).

По мнению Г. Гийома, «соответствие означающего означаемому основывается не на его материальности, а на условиях согласования со всем другого характера» (13: 74). Речь идет о согласовании психической (ментальной) и семасиологической систематизации для достижения наилучшего выражения. «[...] семасиология должна соответствовать психическому плану для того, чтобы быть оперативной; она должна достаточно воспроизводить психический план и, следовательно, стремиться к повторению установившейся там когерентности» (Op. cit.: 76). Согласование ментальной и семасиологической систем – один из аспектов общего соответствия категорий языка и мышления. Представляя компоненты языкового знака, Г. Гийом схематически показывает, что потенциальные возможности номинации языковым значением реализуются в интеграции с речевым значением. При этом происходит согласование языкового и речевого значений в рамках знака. Стало быть, знаковая симметрия и асимметрия устанавливается изначально в пределах означаемого, а не при согласовании самого знака и означаемого. Форма знака остается консервативной, динамично прежде всего его содержание. Двуаспектность последнего мотивирует свойство знака к двойной номинации.

Используемое в лингвистике понятие отношение означаемого и означающего знака возможно сохранить, если иметь в виду, что их симметрия/асимметрия обусловливается в конечном счете объемами семасиологического и смыслового значений в содержании знака. Именно в таком контексте может идти речь о соответствии/несоответствии означаемого и означающего знака.

Согласование плана содержания и плана выражения определяет не только потенциально-речевые, но так же и внутрисистемные свойства знака. Другими словами, существует определенная зависимость между

степенью соответствия означаемого и означающего знака и отношением знаков в поле языковой системы. При этом само соответствие становится системообразующим признаком – главным ориентиром при определении структурации единиц одного уровня языковой системы. Э. Бенвенуист и Ф. Соссюр полагают, что в языковой системе отношения знаков друг к другу – их значимости выявляются на основе противопоставлений, различий (6: 53). В своей теории психосистематики, которая предполагает воссоздание языковой системы, Г. Гийом использует методику «позиционной лингвистики». Сущность этой методики заключается в представлении каждого явления в первую очередь с точки зрения его развертывания по горизонтали (продольное развертывание) и в проведении его анализа в том виде, в каком это делает само мышление, т.е. с помощью поперечных сечений произвольного развертывания (13: 53). По мнению Г. Гийома, позиция языковой единицы в соответствующей системе – это ее понятийное значение, значение, которое фиксирует динамику мысли между двумя полюсами основных гносеологических категорий – общего и отдельного, общего и особенного, абстрактного (виртуального) и конкретного (актуального) (31: 35). «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове ...» (10: 306). При рассмотрении связи знаков с высшими когнитивными процессами необходимо учитывать принцип общности, который предполагает движение мысли от понятия к понятию, определение его меры общности по горизонтали и по вертикали всей системы понятий (Op. cit.: 283). Ср. позиционную методику Г. Гийома: векторное представление движения мысли и ее поперечные сечения. Динамика мысли фиксирует значение знака, его означающее (обобщенная форма) представляет определенную лингвистическую категорию слова. При этом форма знака воспринимается как итеративный компонент в пределах определенной лингвистической категории (36: 225).

Очевидно, изменяемость значения знака, в сравнении с его формой, имеет в виду А.В. Бондарко, утверждая, что объективным критерием системной группировки знаков является семантический (точнее, семасиологический) принцип (8: 4). Ф. Соссюр подчеркивает, что «соотношение «мысль-звук» требует определенных членений, и что язык вырабатывает свои единицы, формируясь во взаимодействии этих двух аморфных масс [...], в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть путем абстракции, что неизбежно приведет к чистой психологии, либо к чистой фонологии» (29: 145). Понимание означающего знака только как его акустического образа, который реально неотделим от представляемого им понятия, дает основание оп-

ределить систему лингвистических знаков – язык как форму, а не субстанцию (Op. cit.: 145).

Очевидно, если понятие формы знака не сводить только к акустическому образу (4: 159–160), а иметь в виду форму, представляющую (вместе со звучанием) определенную лингвистическую категорию, то возможно рассматривать соответствие означаемого и означающего как определенное соотношение компонентов знака, диалектика такого отношения становится реальной для анализа. Сам принцип соответствия приобретает характер метода исследования, ибо «в целом реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого объект определяется» (6: 129).

Разграничивая понятия значения и значимости языкового знака, Ф. Соссюр усматривает парадоксальность в том, что, с одной стороны, акустический образ знака находится в отношениях соответствия с его понятием, а с другой – в отношениях соответствия с другими знаками системы (29: 147). Думается, что, если рассматривать соответствие не как «нечто замкнутое, самодовлеющее в себе», а как динамическую характеристику отношений между означаемым и означающим, которые определяют позицию знака в поле языковой системы, то снимается вопрос о парадоксальности соответствия в плане строения знака и роли соответствия как системообразующего принципа композиции языковой системы. Другими словами, определяя место знака в поле языковой системы, соответствие/несоответствие означаемого и означающего равным образом указывает на отношение знаков друг к другу, т.е. на их значимости.

При таком подходе значимость, естественно, не может рассматриваться только как «атрибут формы знака» (6: 95). Языковая система объединяет знаки с экстремальным соответствием/несоответствием означающего и означаемого. Знаки с постоянным соответствием/несоответствием становятся фактом языковой системы. Очевидно, при полном соответствии как означаемое, так и означающее отвечают сущности определенной лингвистической категории. Такой знак концентрирует основные категориальные признаки и располагается в центре соответствующего поля языковой системы. Напротив, знак занимает периферийную позицию в случаях, когда он постоянно представляет полное или частичное несоответствие означаемого и означающего, когда значение знака в равной степени не отвечает признакам лингвистической формы в основном в грамматических конструкциях, и лишь частично в лексемах. Дело в том, что значение грамматического знака более мотивировано формой, в сравнении с лексическим знаком. Разграничение цент-

ральних и периферийных знаков в поле языковой системы возможно при признании общего позиционного принципа ее организации. Каждая языковая единица определяется по своей позиции в системе, которая предваряет ее оппозицию другим единицам (27: 9). Значимость содержит информацию не только о степени соответствия означаемого и означающего, но и о потенциальных свойствах знака. Есть все основания предположить, что центральные модели-знаки в речи могут быть однозначными или многозначными (реализовать постоянно не одно, а попеременно несколько значений), периферийные – только однозначными. Языковая и речевая однозначность знака различаются как обобщенное и конкретное значения, имеющие неодинаковую референтную ориентацию.

В основе соотношения между ограниченными (количественно) языковыми инвариантами и теоретически неограниченными речевыми лежит высший принцип экономии языковой системы (Op. cit.: 9).

Отметим, что языковые инварианты можно рассматривать как прототипические конструкции, соответствующие определенной ментальной единице, имеющей базовые категориальные признаки. Самы по себе такие конструкции моносемичны, в речевых вариантах (при возникновении прототипических эффектов) устанавливается относительное структурное и смысловое соответствие и не всегда речевая конструкция реализует только моносемию, иногда и полисемию (38: 283-397).

При рассмотрении знаковой функции предложения возникает несколько вопросов, связанных прежде всего со сложностью самого объекта анализа. Так, важно иметь следующую информацию: 1. можно ли считать предложение знаком языка или только знаком речи; 2. каково соотношение между синтаксической структурой и типовым значением предложения. Ряд исследователей определяют предложение только как единицу речи (см. подробней 20: 6-12). Г. Гийом ориентируется на слово как на языковой знак, реализующий свои потенции в предложении, которое, по мнению ученого, каждый раз воспроизводится заново в речи. Поэтому в отличие от слова предложение не относится к области устоявшегося – языковой системе. К последней принадлежат лишь лексикализованные синтаксические формы типа: 1. les on-dit; 2. les qu'en dira-t-on; 3. un m'as-tu vu и др., которые передают смысл слова «слухи» (1,2) и «похвальба» (3) (13: 92).

Выделение двух сторон предложения: того, что предопределется языковой системой, и того, что связано с использованием языка индивидуумом, снимает вопрос о принадлежности предложения только речи (24: 7). Вот такая чрезвычайно важная посылка вполне естественно за-

вершается определением предложения как полного знака, тогда как входящие в него элементы являются частичными знаками (11: 257-259). При этом объектом номинации слова остается элемент действительности, а предложения – определенный класс событий (Op. cit.: 258). Предложение, подобно слову, реализует две знаковые функции: языковую и речевую. Подобная двуединая (синтетическая) функция предполагает и двойную (событийную) номинацию.

Если аналитически представить сам процесс номинации события в виде модуля, то первый шаг обозначения осуществляется моделью предложения, которая включает синтаксическую форму и сигнifikативное значение. Синтаксическая форма и ее значение – «абстракции, являющиеся результатом обобщения определенного множества предложений (в речи – Л.М.), наблюдавшихся в употреблении, но взятых в существенном и типическом» (15: 25).

Возможен подход к трактовке образования синтаксической структуры предложения с позиций категориальных семантических потенций слова. Это обусловлено характером индиденции частей речи (41: 27) и их предикативным и транспредикативным статусом (39: 14-26). При этом аналитически фразообразование представлено в следующем порядке: слово → синтагма → фраза (предложение). В реальности интеграция свойств слов (на основе их языковых потенций) осуществляется по программе конструктивных возможностей предложения в пространстве оперативного времени, и обязательно в соответствии с определенной целевой установкой (41: 52). К сожалению, при таком подходе к объяснению интеграционных процессов в предложении, оно мыслится как единица речи. Вместе с тем интеграция «многочисленных значений, соприсутствующих в едином «аккорде» речевой цепи, их «интерференция», сведение многомерности к известному единству, происходит путем наслаждения грамматических значений на значение лексическое, которое является стержневым и на которое непосредственно направлено внимание участников речевого процесса» (1: 56).

Рассматривая перспективы интеграции слов в предложении, последователи Г. Гийома Р. Вален и Ж. Муанье, фактически имеют в виду его абстрактный образ, его обобщенную структуру. Напротив, В.Г. Адмони говорит об интеграции лексических и грамматических значений в конкретном предложении как единице речи, когда синтаксическая модель наполняется лексическим содержанием и оформляется интонационно. Именно такое предложение кроме сигнifikативного значения синтаксической структуры включает и денотативное содержание. Признавая смысловую двуплановость предложения, Г.А. Золотова различает лек-

сико-синтаксическую и структурно-синтаксическую номинацию. «Лек-
сико-синтаксическая номинация использует синтаксические средства
ради собственно номинации, структурно-синтаксическая номинация об-
ращена на службу синтаксису, результатом становятся синтаксемы: вир-
туальные единицы с их функционально-синтаксическими потенція-
ми» (14: 83). В процессе двойной номинации обнаруживаются раз-
ные степени соответствия сигнifikативного и денотативного значения
предложения. Такое согласование возможно, поскольку сигнifikатив-
ное значение (синтаксической формы) является обобщенным, структур-
но оформленным в языковой модели предложения отображением значе-
ния (смыслового) денотативного (22: 7).

Интеграция свойств языковой модели предложения и конкретной ре-
чевой пропозиции обуславливает согласование сигнifikативных и де-
нотативных значений в процессе двойной номинации при установлении
референтных связей. Подобно слову модель предложения как языкового
знака не имеет реальной референтной отнесенности. Поэтому, считает
Ж. Мёшлер, важно различать виртуальные и реальные референтные от-
ношения соответствующих структур предложения и высказывания (37:
161). Другими словами, виртуальная референция характерна для струк-
турно-семантического прототипа речевого высказывания, который П.
Атталь считает локутивным образцом (виртуальной моделью), относя-
щимся к области теории. Иллокутивные (металингвистические) вари-
анты представляют возможные реализации локутивной прототипичес-
кой модели. Естественно, иллокутивные варианты обусловлены разли-
чиями в представляющих их синтаксических формах (35: 67-71).

При таком подходе выделяются три составляющих предложения: син-
таксис, семантика и прагматика. Прагматика мыслится как теория реа-
лизации языка (см. подробней 18: 22). Описание контекстного значения
опирается на прагматическую теорию, которая обеспечивает вывод зна-
чения высказывания на основе значения соответствующей модели пред-
ложения (16: 334). Принимая такое определение прагматики, Ф. Киф-
фер считает, что ее описание предваряется описанием семантики, а опи-
сание семантики предваряется описанием синтаксиса; прагматика вме-
сте с семантикой опирается на синтаксис. Возможно описание этих трех
иерархически организованных уровней по двум (противоположным) на-
правлениям: синтаксис ↔ семантика ↔ прагматика. Подобное описа-
ние интерпретируется в контексте речи (Op. cit.). Предложенные пути
описания предложения (высказывания) основываются на принципе сум-
мирования составляющих высказывания. В исследовательских целях,
очевидно, можно использовать такой аналитический подход, но в реаль-

ности прагматическое значение остается непонятным, если неизвестно (информационное) семантическое содержание, в свою очередь оба значения зависят от синтаксической структуры. В актуализированном высказывании прагматическое значение не опирается, а интегрируется, взаимодействуя с семантическим значением (34: 16-18). Так, в контекстуально обусловленном высказывании: *У Вас есть часы?* говорящий не осведомляется, имеет ли действительно адресат часы, а реализует запрос о времени (11: 12). Здесь, при взаимодействии семантического и прагматического значений, вопросительная установка заменяется побудительной – изменяется аргументативная направленность высказывания. Ведущим оказывается прагматическое (аргументативное) значение.

П. Атталь не включает прагматическое значение в содержание абстрактной (виртуальной) модели, следуя, очевидно, определению прагматического значения только как контекстуально зависимого. Ученый фактически солидарен с Ж. Мёшлером, который, различая типовое высказывание (*enonce-type*) и разговорное (*речевое*) (*enonce-token*), считает, что для первого характерно семантическое значение, а для второго – прагматическое (37: 208). Это объясняется сосредоточением всех прагматических исследований в области лингвистики речи, хотя нет оснований отождествлять лингвистику речи с прагматикой (Op. cit.: 38). Если выйти за речевые рамки толкования прагматического значения, то его следует признать и компонентом содержания локутивного образца (модели прототипического) предложения. При этом прагматическое значение приобретает абстрактный характер. В локутивной структуре прагматическое значение проявляется в виде аргументации. В обычном смысле слова аргументация означает стратегии и механизмы, используемые говорящим, чтобы убедить его слушателей, его аудиторию. Поэтому, очевидно, Ж. Мёшлер считает, что основной стратегией анализа аргументативных особенностей высказывания является не оппозиция язык/речь, а оппозиция информативное/аргументативное значения (37: 27). Если числить аргументативное значение в содержании локутивной и иллокутивной частей пропозиций, то в данном случае оппозиция язык/речь не имеет смысла.

Говорящий аргументирует высказывание, представляя его в коммуникации. Реализуя интенцию, он создает речевое произведение, воплощая в нем определенное смысловое содержание. В речевой структуре область аргументативного значения значительно расширяется. Более того, одно аргументативное значение может заменяться другим – меняется аргументация локутивного прототипического предложения. Ж. Мёшлер называет последнюю «радикальной прагматикой», а речевую аргумента-

тацию – «слабой pragmatикой». Радикальная pragматика скорее всего принадлежит теории значимости (знака в языковой системе), чем к характеристике дискурсивной связности (37: 40).

Изложенное выше о предложении (высказывании) можно суммировать следующим образом:

ЯЗЫК		РЕЧЬ
Область теории	Локутивный образец (инвариант)	Область функционирования языка
Абстрактная (виртуальная) статическая модель предложения		Актуализированное (динамическое) высказывание
Ее составляющие: синтаксис семантика pragматика		Его составляющие: синтаксис семантика pragматика
Виртуальная референция		Реальная референция

В процессе интеграции взаимодействие аргументативного и информативного значений в языке и речи не одинаково: в прототипических структурах языковой системы такое взаимодействие является статичным, в металингвистических (речевых) вариантах – динамичным. Именно динамичное взаимодействие информативного и аргументативного значений создает основу для различного рода соответствий сигнификативного и денотативного значений знака. Степень согласования как результат двойной знаковой номинации определяется по содержанию денотативного компонента означаемого. В некоторых единицах языка уже сложилось устойчивое несоответствие содержательных планов. Ср. значение слова *mere* в сочетаниях *langue-mere*, *fusee-mere* (первая ступень многоступенчатой ракеты). Такие сочетания слов постоянно однозначны и приняты языковой системой. Их значения воспринимаются одинаково в различных контекстах. Напротив, в ряде случаев метафорическое значение возникает лишь в определенном контексте. Например, ср.

значение слова *bulldozer* в предложении *Robert est un bulldozer*, которое может имплицировать определенную характеристику действий, способностей и т.д. Робера. Слова *mere* и *bulldozer* в атрибутивной аргументативной функции сами по себе не референтны. Они лишь характеризуют признаковость имен *fusée* и *Robert*. Взаимодействие информативного содержания имен и аргументативных значений «определителей» не равнозначно: в сочетании *fusée-mere* оно статично в языке и речи, в предложении *Robert...bulldozer* — динамично, поскольку лишь при определенных дискурсивных импликатурах становится возможной содержательная конвенция слов *Robert* и *bulldozer*. Возникающие различия между референтными связями этих слов показывают, что предложение и имя имеют свои особые семантические характеристики. Денотацией, по мнению Н.Д. Арутюновой, обладает субъект (например, идентифицирующие имена), но не предикат предложения (2: 36). Поэтому в логической интерпретации предложение, выражающее конкретное суждение, лишено семантической однородности, поскольку именно субъект получает денотативное значение, предикат реализует сигнifikативное содержание. Не вдаваясь в обсуждение терминов «денотативное значение», «сигнifikативное значение» в их сугубо логическом осмыслении, отметим, что в центре суждения оказывается предикат, который сообщает аргументативную «признаковость» идентифицированным предметам или событиям (Op. cit.: 36). Ср. эту же мысль в собственно лингвистической интерпретации: «Грамматический субъект всегда лишен собственных свойств, он приобретает их только на время соединения с тем или иным предикатом» (30: 453). Это, в частности, находит отражение в грамматическом оформлении согласования сказуемого с подлежащим (17: 42–48).

В целом, речевая деятельность оказывается связанной, с одной стороны, с интегрирующимися объемами языка и речи, с другой, с субъектами речевой деятельности (32: 22).

Подведем некоторые итоги:

1. Признание языковой системы виртуальной лингвистической реальностью, а речи — актуализированной обуславливает разграничение в означаемом знака: семасиологического (сигнifikативного) и смыслового (денотативного) значений.

2. Соответствие (согласование) означаемого и означающего знака фактически реализуется в его содержательной сфере, между сигнifikативным и денотативным значениями.

3. Степень соответствия этих значений как системообразующий принцип композиции определенного уровня языковой системы определяет

позиционные отношения знаков и их потенциальную значимость по отношению к речи.

4. В языковой системе знак независим от реальных референтных связей, которые являются его опорой в речи.

5. Интеграция (взаимодействие) языкового (семасиологического) и речевого (смыслового) значений осуществляется при двойной знаковой номинации.

6. При двойной номинации степень соответствия сигнifikативного и денотативного значений высказывания обуславливается взаимоотношением его информативного и прагматического компонентов.

7. Возможна первичная корреляция между понятиями: во-первых, со стороны языковой системы – виртуальные референтные связи, целеустремление возможности (потенциальный план), прототипическое предложение (его модель) как локутивный образец со своим синтаксисом, семантикой и прагматикой; сигнifikативное (семасиологическое) значение, однозначность знака; во-вторых, со стороны речи (дискурса) – актуализированные референтные связи, целеустремление реализации, иллокутивные (металингвистические) варианты высказывания со своим синтаксисом, семантикой и прагматикой; денотативное (смысловое) значение, однозначность/многозначность знака; в-третьих, со стороны интеграции языковых и речевых свойств в речевой деятельности: двойная номинация, соответствие сигнifikативного и денотативного значений знака на основе взаимодействия его семантики (информации) и прагматики (аргументации).

8. Очевидно, нет оснований отождествлять лингвистику речи с прагматикой и сосредоточивать прагматические исследования только в области лингвистики речи.

ЛІТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построений. – Л.: Наука, 1973.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.
3. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностр. лит., 1955.
5. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
7. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
8. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984.
9. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985.
10. Выготский Л.С. Мысление и речь. – М.: Лабиринт, 1996.
11. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1977.
12. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы

мы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. 13. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс. Культура, 1992. 14. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. 15. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. 16. Кифер Ф. О роли pragmatики в лингвистическом описании. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. 17. Мартынова Е.П. Пособие по синтаксису современного французского языка. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1962. 18. Минкин Л.М. Аспекты синтезированной теории pragmatики // Вісник Київ. лінгв. ун-ту. Серія філологія, 1998. – № 1. – С. 20-24. 19. Минкин Л.М. К вопросу о многоаспектности предложения и композиции языковой синтаксической системы // Иностр. яз. в школе. – 1980. – № 4. 20. Минкин Л.М. Синтаксическая симметрия/асимметрия и знаковая природа предложения // Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1987. 21. Минкин Л.М. Соответствие как отношение и принцип в организации языковой системы // Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод. Тезисы докладов и сообщений. – Орел, 1987. 22. Минкин Л.М. Функциональные типы сложных предложений в современном французском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: Ин-т языкоznания АН СССР. – Москва, 1981. 23. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Вып. XVII. – М.: Прогресс. 24. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев: Вища школа, 1971. 25. Сгалл П. Значение, содержание, pragmatика // Новое в зарубежной лингвистике. — 1985. — Вып. XVI. – М.: Прогресс. 26. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. – Белгород: Изд-во БГУ, 1998. 27. Скрелина Л.М. Систематика языка и речевой деятельности. Лекция. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. 28. Слосарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981. 29. Соссюр Ф. Труды по языкоznанию. – М.: Прогресс, 1977. 30. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. — 1978. — Вып. VIII. – М.: Прогресс. 31. Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. 32. Шевченко И.С. Историческая динамика pragmatики предложения. Английское вопросительное предложение 16 – 20 вв. – Харьков: Константа, 1998. 33. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. – М.: Наука, 1970. 34. Anscombe J.-Cl. Et Ducrot O. L'argumentation dans la langue. – Liege-Bruxelles: P. Mardaga, 1988. 35. Attal P. Questions de semantique. Une approche comportementaliste du langage. – Paris: Peeters, 1994. 36. Guillaume G. Langage et science du langage. - Paris: Librairie A.-G. Nizet, Québec: Presses de l'université Laval, 1969. 37. Moeschler J. Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle. – Paris: Armand Colin, 1996. 38. Moeschler J., Reboul A. Dictionnaire encyclopédique de pragmatique. – Paris: Seuil, 1994. 39. Moignet G. Systématique de la langue française. – Paris: Klincksieck, 1981. 40. Reboul A. La pragmatique à la conquête de nouveaux domaines: la référence // L'information grammaticale, n° 66, 1995. 41. Valin R. Perspectives psychomécaniques sur la syntaxe. – Québec: Les presses de l'université Laval, 1981.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Условные обозначения: с – сочинительный союз, Пв – повествовательная часть, В – вопросительная часть, Во – общевопросительная часть, Вч – частновопросительная часть, Пб – побудительная часть, Ва – альтернативновопросительная часть.

ПЕРЕВОД КАК ОБРАБОТКА

Науменко А.М.

Многое в сегодняшней теории перевода и еще больше в его практике не может не подвести вдумчивого исследователя к выводу о том, что к процессу перевода следует подходить принципиально по-новому. Прежде всего необходимо обратить более пристальное внимание на оригинал и принять за основу, что его содержание и форма воплощают некую концепцию в том смысле, в каком ее понимают многие искусствоведы (например, Ю.Б. Борев (Борев 1978:63), утверждая, что концепцию художественного произведения никогда нельзя передать адекватно никакими иными средствами кроме тех, что уже использовал его творец. Впрочем, многие гении искусства и сами хорошо осознавали невозможность передать концепцию иначе, чем это они уже сделали. Так, Л.Н. Толстой однажды на просьбу пояснить, о чем, собственно, его роман "Анна Каренина", заметил, что для ответа на этот вопрос он должен еще раз написать тот же роман.

Если "концепцию" признать конечной целью и основным средством процесса перевода, то можно сформулировать новый подход к нему как к концептуальному переводу. Для него, разумеется, важно, чтобы итог соответствовал нормам языка перевода, чтобы его лингвистические особенности (т.е. лексические, морфологические, синтаксические и прочие средства) совпадали с их эквивалентами в оригинале, чтобы экстралингвистические явления исходного текста были точно перенесены в перевод и т. п. Все это важно для концептуального перевода, но, однако, второстепенно, ибо решающую роль в нем играет лишь сохранность концепции. Если она сохранена, то читатель имеет дело с истинным, т.е. точным, адекватным переводом, если же нет - тогда перед ним лежит всего лишь обработка оригинала, т.е. новое, самостоятельное произведение на тот же сюжет.

Кто рискнет, к примеру, утверждать, что "Дон Жуан" француза Мольера, немца Гофмана, швейцарца Фриша, "Каменный гость" россиянина Пушкина или же "Кам'яний господар" украинки Леси Украинки являются переводами пьесы испанца Тирсо де Молина "Севильский обольститель, или Каменный гость", а не обработками этого испанского сюжета рубежа 16-17 столетий?! А ведь так утверждать вполне резонно, если опираться на основополагающие постулаты традиционного переводоведения: нормы языка перевода названными авторами не нарушены, местами у них можно встретить очень адекватные переводы частностей оригинала! Утверждать так можно, но очень рискованно, ибо легко по-

нять, что Тирсо де Молина и разработчики его сюжета имели в виду совсем разные концепции образа Дон Жуана.

Однако именно сохранность концепции не устанавливается во многих исследованиях. Нельзя не сказать о том, что чаще всего в них переводы оцениваются как блестящий результат (или же как его противоположность) в сфере языка перевода: то есть констатируется, нарушил ли перевод нормы родного языка переводчика - и в зависимости от ответа на этот вопрос переводчики превозносят или же нещадно критикуют.

Нетрудно понять, что нередко одного и того же переводчика за один и тот же перевод то превозносят до небес, то опускают в преисподнюю. И происходит это не из-за переводческих принципов критиков, а в зависимости от их вкусовых пристрастий. При этом чаще всего переводы оцениваются как соответствие или же несоответствие отдельных языковых или смысловых единиц их эквивалентам в оригинале, и на этом основании делается вывод о том, что непереведенные частности оригинала будут обязательно переведены в последующем, ибо эти частности, мол, - всего лишь временные трудности. Так рассуждают, например, европейские переводоведы на протяжении всего XX ст.: от М. Лангкавел в 1902 г. (Langkavel 1902) о французских переводах "Фауста" через В.М. Жирмунского в 1937 г. (Жирмунский 1937) о русских переводах и Д. Статковича в 1964 (Statkow 1964) о болгарских до А.Хсия в 1993 о китайских (Hsia 1993).

Очень редко переводы анализируются как следствие перевода: т.е. "перевез" ли переводчик смысл и форму оригинала с "берега" иностранного языка на "берег" своего собственного. Но даже и в этом случае кропотливого сопоставления чаще всего предпринимаются те же меры: хвала переводчику за его удачи и поругание его за недостатки, которые - опять-таки! - воспринимаются критиками как "ляпсы" переводчика, легко устраниемые, по мнению критиков, в последующем. Так думают, например, В. Жила в Германии (Zyla 1989), А. Ященко в России (Ященко 1964), Н. Бондаренко в Украине (Бондаренко 1968), К. Липински в Польше (Lipinski 1990), Такаши Х. в Японии (Takashi 1993) и многие другие.

Очень редко при этом говорят, что эти "ляпсы" есть следствие объективных трудностей не у переводчика, а в самом процессе перевода и что они должны возникать всегда, ибо принципиально неразрешимы. На такой точке зрения стоят например: В. Поль (Pohl 1962) и К. Бриглеб (Briegleb 1994) в Германии, С.С. Прокопович (Прокопович 1982) в России, Э. Хеллер (Heller 19840 в США и некоторые другие. Я уже не говорю много о том, что сами переводчики часто признаются в невозможности

сти адекватного перевода оригинала из-за его художественной сложности.

Исследовав 62 восточнославянских перевода “Фауста” Гете на русский, украинский и белорусский языки, среди которых - 22 полных перевода (16 русских, 5 украинских и 1 белорусский), 10 суммарных (т.е. составленных из творений разных переводчиков: 9 русских и 1 украинский) и 30 фрагментарных (23 русских, 5 украинских и 2 белорусских), я имею логическое право сделать общетеоретические выводы о концептуальном переводе. Я не могу вслед за американцем С. Аткинсом (Atkins 1989:5) заявить, что все украинские переводы “Фауста” Гете свидетельствуют о значительных успехах их авторов; я не могу сказать и о том, что восточнославянские переводы гетевского шедевра великолепны и в целом соответствуют оригиналу, как это делает А. Хсия в отношении китайских переводов (Hsia 1993:126); но я не имею права и утверждать, что переводческие ошибки лежат полностью на самих переводчиках, как это пишет К. Липински о польских переводах (Lipinski 1990:216). Я разделяю точку зрения японского гетеведа Н. Кимуры (Kimura 1993:43) о том, что расхождения между оригиналом и переводом есть следствие объективных закономерностей.

Разделяю, потому что его мысль отвечает общим законам искусства, о которых, правда, сам Кимура ничего не говорит. А надо бы. Законы эти сложны и наукой постигаются с большим трудом, потому что в основе научного познания лежит ratio, а искусство нельзя описать языком логики. Среди множества его законов я хочу сейчас затронуть только три самых главных: философский, психологический и лингвистический.

Философский аспект художественных законов состоит в том, что художественный образ должен восприниматься как модель ему современной действительности и как модель вневременной целостности Бытия. Иначе говоря, художественный образ следует воспринимать как основной инструмент познания, более точный, более объективный, чем наука.

Психологический аспект художественных законов состоит в том, что замысел произведения возникает в голове автора задолго до начала непосредственной работы над произведением, т.е. до воплощения концепции в соответствующий “сырьевой материал” (т.е. в слово в беллетристике, в звук в музыке, в краску в живописи, в твердое вещество в ваянии и т.п.). Но ее диалектика, позволяющая образу развиться, свидетельствует, что концепция, существующая в голове автора уже до начала работы над ее воплощением, но ощущаемая автором всего лишь как осознание, реализуется только в процессе творчества и обозримой становится после его завершения.

По этой причине автор создает компоненты своей будущей панорамы не по произволу господина Случая, а под неизбежным давлением и под постоянным контролем замысла. Именно поэтому его возникающие составные части не есть простая математическая сумма, т.е. не есть набор строительных материалов, которые легко переставлять и даже заменять аналогичными структурами; совсем наоборот, эти компоненты составляют некое единство, синтез, всестороннее взаимопроникновение до такой степени, что любое их укорачивание или удлинение так же смертельно для концепции, как Прокрустово ложе для живого человека.

Только что мною названные законы искусства носят общетеоретический характер. Однако оно обладает еще одной закономерностью, обусловленной соответствующим сырьем. Для беллетристики таковым является слово. И хотя мысль автора определяет выбор каждого слова, а не наоборот, и хотя слово в беллетристике есть всего лишь одна из многих форм воплощения идеи (есть и другие: например, архитектоника мысли как очередность слов), все же связь между словами и, значит, окончательная форма произведения, а вместе с нею и его концепция в значительной степени зависят от лингвистических законов, а не только от одних эстетических, которые проявляют языковую одаренность поэта, тогда как лингвистические удерживают его в рамках национальных традиций.

Эти три закона действуют и в сфере перевода, поскольку оно тоже творчество, но в нем они осложняются оригиналом. Парадокс переводческой деятельности состоит в том, что она тем успешнее, чем дальше перевод отстоит от оригинала (например, переводы Жуковского из Шиллера или Лермонтова из Гете, являющиеся общепризнанными шедеврами переводного и оригинального творчества).

Рассмотрим этот парадокс пристальнее. Три фактора формируют его, и они соответствуют трем названным законам искусства.

Во-первых, в переводе сущностно изменяется философский аспект творчества. Если автор оригинала воплощает в произведении только свою собственную модель мира и делает ее тем самым средством, и источником познания конкретной действительности, то переводчик должен обуздывать в своем произведении уже две истины о двух действительностях: о своей собственной и об авторской. А это изменяет сущностно концепцию оригинала.

Во-вторых, переводчик еще до начала своей творческой деятельности знает концепцию оригинала в форме предложенного текста, хотя у него в голове еще нет никакого переводческого замысла. Образно говоря, он может и должен строить свое произведение от крыши до фунда-

мента, поскольку все компоненты и строительные леса для него уже изготовлены автором оригинала; в то время как сам автор оригинала строит от фундамента до крыши, потому что до конца своего вдохновения он никогда не знает, к какому финалу оно его приведет. Персонаж оригинала может совершить нечто неожиданное для автора (Татьяна Ларина у Пушкина "выскочить" за генерала, Анна Каренина у Толстого броситься под поезд, Эмма Бовари у Флобера наесться мышьяка и т.п.); для персонажей перевода всякие неожиданности запрещены категорически.

Зависимость автора от замысла, который может реализоваться по-разному, совсем не соответствует зависимости переводчика от концепции оригинала, которая не позволяет никаких вольностей, тогда как психология творческого акта их не только допускает, но и требует! Ведь концепция перевода становится обозримой лишь по его завершению, а в его процессе она не постигаема, хотя и должна быть сопоставима с уже оформленной концепцией оригинала.

Это психологическое противоречие, не позволяющее привести в соответствие существующую концепцию оригинала с еще незавершенной концепцией перевода, принципиально изменяет в переводе содержание оригинала.

И, наконец, в-третьих, лингвистический аспект играет значительную роль при переводе Речь идет о том, что каждое слово в любом национальном языке обладает не только семантическим, но и валентным полем, т.е. способностью вступать в морфолого-синтаксические связи с другими словами. Все это придает слову особое ассоциативное пространство, которое никогда не бывает идентичным аналогичному пространству у соответствующего слова в иностранном языке и уводит переводчика в ложную семантическую ситуацию, которая сущностно изменяет концепцию оригинала. Я уже подробно не говорю о непереводимости грамматического своеобразия оригинала, на что еще в 1961 году указал Р. Якобсон (Якобсон 1981:631).

Под давлением этих трех факторов перевод всегда отличается от оригинала тремя признаками: несоответствием социальной действительности, неадекватностью идей, нетождественностью языковых средств.

Все это позволяет мне заявить, что любой перевод с любой степенью приближенности к оригиналу есть всего лишь обработка чужого сюжета, т.е. самостоятельное произведение на языке перевода.

ЛІТЕРАТУРА

- Бондаренко Н.І. До історії української фаустіані // Архіви України.- К., 1968.- №1.-С.69-76.
2. Борев Ю. Природа и структура метода литературоведения // Методология современного литературоведения. - М., 1978. З. Жирмунский 1937:

Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. - Л.: хл, 1937.- 671с. 4. Прокопович С.С. Адекватный перевод или интерпретация текста?// Тетради переводчика. Вып.17.- М.,1982.- С. 37-48. 5. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии //Jakobson, Roman. Selected Writing. III.- New York: Mnton, 1981. 6. Ященко А.Л. "Фауст" Гете в интерпретации русской критики и переводах. -Горький, 1964.-843с. 7. Atkins, Stuart. Vorwort in: Zyla, W. Goethe in der ukrainischen Literatur. - München:FUU, 1989.-S.5-6. 8. Briegleb, Klaus. Von Engen ins Weite: Zur Übersetzbarekeit des „Faust“// Ponyok-Yongu- Übersetzungsforschung.- Seoul 1994, H.Z.- S.7-46. 9. Heller, Erich. Zweideutigkeit von Goethes „Faust“ // Aufsätze zu Goethes „Faust I“ / hrsg. Von Werner Heller.- Darmstadt 1984.- S. 82-84. 10. Hsia, Adrian. Goethes „Faust“ in 4 chinesischen Übersetzungen // Zur Rezeption von Goethes „Faust“ in Ostasien/ hrsg. von A. Hsia. - Bern: Lang, 1993.- S.107-145. 11. Kimura, Naoji. Problem der japanischeb „Faust“-Übersetzung // Zur Rezeption von Goethes „Faust“ in Ostasien/ hrsg. von A. Hsia. - Bern: Lang, 1993. 12. Langkavel, Marta. Die französischen Übersetzungen von Goethes „Faust“-Straßburg: Trübner, 1902. - 153s. 13. Lipinski, Krzysztof. Goethes „Faust“ als Übersetzungsvorlage.- Krakow 1990. -244s. 14. Pohl, Wilma. Russische "Faust"- Übersetzungen. - Meisenheim: Hain, 1962. -186s. 15. Statkow, Dimiter. Probleme bei einer bulgarischen "Faust"- Übersetzung // Goethe. Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft. Bd.26. - Weimar 1964. - S. 266-276. 16. Takashi, Hashimoto. Übersetzungen zur Faust-Dichtung in Japan // Symposium "Goethe und die Weltliteratur". - Berlin 1993. - S. 112-124. 17. Zyla, Wolodymyr T. J.W. von Goethe in der ukrainischen Literatur. - München: Freie ukrainische Universität, 1989. - 96s.

СЛОВОТВІРНА МОДЕЛЬ ЯК КОРЕЛЯТ АБСТРАКТНОГО І КОНКРЕТНОГО

Нікітіна Ф.О.

Походження абстрактної лексики та її взаємовідносини з конкретною залишається їй досі одним з “вічних” питань лексичної семантики. Звертання до матеріалу мов, що слугували колись невеликій спільноті людей, а потім отримали статус світових, може прояснити певні особливості переходу конкретної, “предметної” лексики в абстрактну. Багато прикладів такого роду дає латина. Первінно це була мова невеликого племені латинян, яке займалося землеробством та скотарством, а потім вона довгий час перебувала офіційною мовою величезної Римської імперії. Очевидною і безсумнівною є роль латини в історії світової культури і цивілізації, так само, як загальновідомим є використання латинських слів та окремих лексических елементів у різних сучасних наукових і технічних термінологіях. Проте у римських авторів різних епох зустрічаються скарги на лексичну бідність рідної мови.

Автор знаменитої філософської поеми “Про природу речей” Лукрецій Кар, якому для опису епікурейського вчення знадобилося вживати філософські терміни, при їх перекладі з грецької на латину говорив неодноразово про *patrī sermonis egestas*. Через сто років після Лукреція це твердження повторив Сенека, поскаржившись на те, що в рідній йому мові немає слова для відбиття такого основного філософського поняття, що зустрічається у греків, як *օսτα “сущність”*.

Як відзначав відомий дослідник історії латинської мови (і античності взагалі) І.М. Тронський, латині “на світанку історії ще дуже не вистачало абстрагованої сили” [I:132]. Навіть Ціцерону, зразковому представникові “золотої” класичної латини, доводилося передавати грецький термін двома координованими латинськими словами: *політіχον* як *civile atque populare*, *μεφόδος* як *via ac ratio* та ін. У періоди, попередні Ціцерону, було ще менше слів для передавання абстрактних понять. В архаїчний період, як про це свідчать літературні джерела, фізичні та моральні якості римляни передавали позначенням тої частини тіла, которую вони пов'язували з цією якістю: брова (*supercilium*) означала “суворість” або “пиху”, жили (*nervi*) або м'язи (*lacerti*) — “ силу”, жовч (*bilis*) — дражливість. Своєрідним лексичним засобом для передавання абстрактних понять стало використання слова *res* у поєднанні з різними прикметниками: *res gestae* (буквально “зроблені речі, справи”) — історія, *res divinae* (“божественні справи”) — культ, релігія, *res secundae* (“вдалі справи”) —

щаствя, *res novae* ("нові справи") — переворот, *res familiaris* ("сімейна справа") — майно та ін.

Крім таких "застиглих" словосполучень, де абстрактне передається через сукупність предметних, конкретних назв, латина посідає значний шар слів, у яких колишня, "речова" оболонка окремого слова стала використовуватися для позначення абстрактних понять та явищ. У ряді випадків при цьому колишнє конкретне значення було забуте. Воно відновлюється етимологічно, за зв'язком із спорідненими словами; вказівку про походження іноді можна знайти й у латинських авторів. Наприклад, слово *finis* було утворене від діеслова *ingo* "встромляю, вбиваю" і мало колись вигляд **fingnis* та означало "кілок, що вбивається в землю" (та позначає межу земельної ділянки). Наявно була кореляція форми і змісту мотивуючого та мотивованого слів: *ingo* "вбиваю, встромляю" — **fingnis* "кілок, що вбивається (в землю)". Потім і семантична, і формальна кореляція були порушенні: **fingnis* перетворилося на *finis* (із спрошенням групи носових приголосних, що легко пояснюється фонетично) і стало означати "кінець". Розвиток значення також легко розгадується: кілок як позначення кінця земельної ділянки → кінець земельної ділянки → кінець (взагалі). У цьому останньому значенні слово *finis* стало здобутком класичної та народної латини, перейшло до романських мов, з яких було запозичене мовами інших груп, зокрема англійською, з якої значно пізніше було запозичене як спортивний термін.

Про те, що процес не є однобічно спрямованим (від конкретного до абстрактного) свідчить доля нащадків цього слова в нових мовах (наприклад, *finiš* як кінець дистанції), тобто тут відбувається вже вторинна па відношенню до латинського першоджерела конкретизація.

Шлях від конкретного до абстрактного пройшло також слово *segredo*. Його первинне значення легко визначається значенням мотивуючого слова *greh* "череда"; *segredo* означало спочатку "відокремлюю від череди", а потім набуло значення "відокремлюю" взагалі. Зв'язок між мотивуючим та мотивованим словом довгий час зберігався у пам'яті носіїв мови. Це ж слід сказати й про слово *gregales*, похідне від того ж *greh*. Обидва значення *gregales*, конкретне й абстрактне, зберігалися в класичній латині: 1) коні одного табуна; 2) товариші, приятелі; спільники, поплічники; див., наприклад, у Ціцерона *gregales Catilinae* "поплічники Катіліни".

Іменником *greh* мотивується також прикметник *egregius* "відмінний, чудовий". Його первинне значення — "той, що виділяється з череди (є *grike*), наприклад *bos egregius* ("чудовий бик"). Семантичні зрушенні тут також є прозорими: "той, що виділяється серед інших тварин чере-

ди” → “той, що виділяється взагалі” → “відмінний, чудовий”. Звичність другого етапу такого семантичного розвитку підтверджують етимології слів з тією ж семантикою з інших, сучасних мов, наприклад, рос. *отличный*, яке має два значення: 1) не схожий на інших, 2) дуже добрий; нім. *ausgezeichnet* від діс слова *auszeichnen* “відрізняти, виділяти”.

У слові *gregales* легко вгадується переосмислення, викликане, певно, його іронічним вживанням. Це ж можна простежити в асиметрії, що мало при наймні два значення: 1) вістря, лезо (пізніше й проникливість); 2) хитра вигадка, виверт.

Лат. *delirium* “божевілля, безумність” (що згодом увійшло до складу медичної термінології), *delirare* “позбуватися розуму, божеволіти” походить від іменника *lira* “борозна”. Таким чином первинне значення *delirare* “виходити з борозни” (про бика при оранні) з наступним переосмисленням, свідчить про вплив експресивності на зміну значення лексеми.

Спорідненість латинського дієслова *сегно*, *crevi*, *cvetum*, *сегнере* “розрізняти, розбирати, помічати” з іменником *сібрум* “сито, решето” говорить про первинне конкретне значення цього дієслова — “просівати” — тим більше, що це значення зафіксовано у словосполученні *farinam сібро сегнере* “просівати борошно ситом”.

Конкретне, “землеробське” походження має й слово *nihil* “ніщо” з пе + *hilum* (буквально: “ані на бадилінку”). Цікаво, що іменник *hilum*, який увійшов до складу *nihil*, набуло також згодом менш “предметного” значення: “дрібничка, дурниця”.

В латинській мові можна знайти доволі таких прикладів, що ілюструють перехід конкретної лексики в абстрактну, а також свідчать про існування у певних слів водночас конкретного і абстрактного значень. До розглянутих можна додати *iungo* “запрягаю в ярмо; з’єдну”.

Кореляція абстрактного і конкретного у межах однієї словотвірної моделі зустрічається дуже часто і в сучасних мовах. Так російські іменники з суфіксом *-ние* використовуються не лише для позначення явищ та процесів, але й конкретних предметів навколошнього світу (наприклад, *здание, строение, сооружение* та баг. ін.). Часто такі іменники передають як абстрактне, так і конкретне значення, наприклад, *учреждение: учреждение новой премии и официальное учреждение; сопротивление: сопротивление консервативных сил и остеклованное сопротивление (радиотехн.); сооружение: сооружение промышленных объектов и величественное сооружение.*

Значення процесу і предмета передає й суфікс *-ка*: *обработка, укладка, наладка* та ін. як позначення процесів, *верстка* як позначення і про-

цесу і предмета (наприклад, листи верстки), упаковка, що вживається також водночас у двох значеннях (упаковка товарів і товар в красивої упаковке).

У зв'язку з такою “двозначністю”, або двофункціональністю суфіксів **-ние** та **-ка** Г.О. Винокур пропонував у свій час розподілити їх функції: “...якість віддієслівного слова у власному розумінні, яке може означати процес, що проходить у часі, найкраще зберігається за словами на **-ние**”, “...суфікс **-ка** є надзвичайно підходящим для того, щоб закріпити за ним значення вже цілком визначених процесів, тобто значення предмета, що є знаряддям або результатом дії” (2, 26, 60). Проте ці “нормалізуючі” пропозиції не вплинули на вживання згаданих суфіксів: змішання значень утрималося в них. Слова, утворені з їх допомогою, можуть означати і процес, і результат процесу, і конкретний предмет. Це певною мірою стосується й українських слів з суфіксами **-ния**, **-ття**, які можуть утворювати іменники як з абстрактним, так і з конкретним значенням.

Певну функціональну двозначність мають і деякі суфікси інших мов, наприклад, французький суфікс **-age**. Слова, в складі яких він перебуває, можуть означати як конкретне, так і абстрактне, наприклад, *courage* “хоробрість, мужність, сміливість, бадьорість”, *forçage* “примушенння”, *couplage* “з’єднання, підключення”, *grîppage* “тертя, заїдання” та баг. ін. Конкретне значення посідають такі іменники, як *fromage* “сир”, *feuilletage* “листкове тісто”, *plumage* “пір’я, оперення” та деякі інші. Є навіть деякі приклади використання однієї лексичної оболонки (з цим афіксом) для передавання і конкретного, і абстрактного значень. Так, є *grillage* “смаження, випалювання” і *grillage* “дротяна решітка, сітка”. Але на відміну від російської мови, де “подвійне” функціонування суфіксів **-ние** (-ание, -ение та ін.) та **-ка** є широкорозповсюдженім явищем, у французькій мові **-age** явно “тяжіє” до сфери абстрактного, тобто переважно слугує для позначення явищ та процесів. У деяких випадках, при вживанні в словах конкретної лексики, **-age** передає поняття узагальнення: *laineage* “овечя вовна; вовняні тканини, вироби з вовни” (поряд із *laine* “вовна”), *laitage* “молочні продукти від *lait* “молоко”.

Невеликий (порівняно з російськими суфіксами) ступінь неоднозначності афікса **-age** знайшов певне відбиття в російській мові, де цей афікс (так само, як **-ёр** з **-eur**) став “рідним”: з його допомогою утворюються іменники як конкретної лексики (листаж, сенаж), так і абстрактної (подхалимаж).

Послдують у собі значення абстрактного і конкретного також французькі іменники з суфіксом **-ment**. Поряд з абстрактним значенням властивості або процесу у деяких іменників (наприклад, *mecontentement*

“незадоволення”, *perсement* “свердлення, буріння; проривання” та ін.) існують і слова з цілком конкретним, “предметним” значенням: *condiment* “приправа”, *appartement* “квартира, приміщення”, *ligament* “зв’язка”, *logement* “квартира” та деякі інші. Іменники *developpement*, крім значення “розвиток, розгортання” має (серед деяких інших) і значення “креслення споруди”. Не можна не згадати за асоціацією, що російський іменник *разворот*, крім абстрактного, має й цілком конкретне значення — “широкий аркуш паперу, що дорівнює двом звичайним”.

В німецькій мові також можна знайти приклади вживання деяких суфіксів у двох значеннях — конкретному і абстрактному. Це можна простежити на прикладі навіть такого мотивованого суфікса, як *-schaft*, за допомогою якого утворюються іменники, що належать до абстрактної лексики. *Wirtschaft* має, крім значення “господарство, економіка”, й вужчі значення: “господарство (наприклад, садиба), *Musterwirtschaft* “зразкове господарство”, а також “корчма, ресторан”. *Meisterschaft* крім “майстерність, уміння” означає також: 1) звання майстра; 2) чемпіонат.

У більш експліцитній формі зв’язок абстрактного і конкретного виявляється в німецьких іменниках із суфіксом *-ei*. Одні з них означають особливості характеру, поведінки тощо, наприклад, *Rederei* “базікання, балаканина”, *Großrederei* “порожнє красномовство”, *Kinderei* “дитинність, хлоп’яцтво”, *Schweinerei* “свинство, неохайність” та баг. ін. Інші із більш конкретними — позначають майстерні, цехи, назви виробництв, наприклад, *Druckerei* “типографія, вибивний цех”, *Farberei* “фарбарня”, *Bäckerei* “хлібопекарня, булочна”.

Поєднання абстрактного й конкретного в іменників з суфіксом *-ei* обумовлене, крім усього іншого, значенням слів, від яких вони походять — *nomina agentis* з суфіксом *-er*, — проте найбільше впливає семантика відповідних дієслів.

Використання словотвірних моделей для передавання абстрактного і конкретного є переконливою ілюстрацією твердження, висловленого Е.Бенвеністом: “Безперечно, в процесі наукового пізнання світу думка всюди йде однаковими шляхами, якою б мовою не здійснювався опис досвіду”. (3: 114).

Поряд з переходом конкретної лексики в абстрактну вже з найдавніших часів помічено й зворотний переход. Приклади цього можна знайти в латинській мові. *Fiducia*, крім значення “впевненість, надійність” мало й цілком конкретне значення: “річ, яка продається з правом її зворотної купівлі впродовж певного часу; заклад”. Вище ми наводили приклад такого зворотного “перевтілення” в російській мові, коли іменник “сопротивление” набув конкретного, “речового” значення в радіотехнічній

термінології. Лексико-семантичний аналіз слів різних мов (особливо латинської, де рух від конкретного до абстрактного і навпаки можна простежити через віки формування літературної, державної мови) свідчить про те, що перехід конкретної лексики в абстрактну і протилежний процес — конкретизація абстрактної лексики — можна розглядати також як різні прояви мовної метафоризації, переосмислення, прояви, що базуються на відображені в мові особливостей асоціативного мислення. Оскільки ж воно (мислення) є динамічним (див. у Е.Бенвеніста: “Більш плідним є вбачати в мисленні потенційну та динамічну силу, а не жорсткі структурні рамки для досвіду” (3: 114), а також відрізняється багатоспрямованістю та різноспрямованістю, — тому “перетікання” лексики з одного виду до іншого теоретично не може мати меж, практично ж обумовлене взаємодією різних мовних та позамовних факторів.

Безрезультатність спроб впровадити “нормалізацію” у словотвірні моделі, закріпивши за одними абстрактні, за іншими — конкретні види номінації, є очевидною. Вона обумовлюється тим, що пропозиції та настанови “нормалізаторів” (подібно до згаданої пропозиції Г.О. Винокура) вступають у суперечність з динамізмом мовних систем, однією з причин якого (можливо, й основною) є динамізм асоціативних зв’язків мислення. Перехід конкретної лексики в абстрактну, так само, як і протилежний процес, є універсальною мовою тенденцією, яка має своєрідні прояви в кожній конкретній мові і не піддається будь-якій штучній регламентації або парадигматизації.

ЛІТЕРАТУРА

1. Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. — М. ; Л., 1953. Изд-во АН СССР. — 271 с. 2. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Труды МИФЛИ. — М., 1939. — Т. 5. — С. 26, 30. 3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., “Прогресс”, 1974. — 447 с.

СПЕЦІФІКАЦІЇ ТЕСТУ НАВЧАЛЬНИХ ДОСЯГНЕНЬ З ІНОЗЕМНОЇ МОВИ

Петрашук О.П.

Ефективність контролю у навчанні іноземної мови залежить від якості тестів. Особливе значення має дотримання правильної процедури розробки тесту, метою якого є визначення навчальних досягнень учнів протягом конкретного відрізу навчального процесу (наприклад, уроку, серії уроків, чверті тощо). Ми пропонуємо методику розробки стандартизованого тесту з іноземної мови, яка має шість етапів: 1) проектування майбутнього тесту, 2) розробка матриці тесту, 3) складання за цією матрицею пілотного варіанту тесту, 4) пілотування тесту (тобто випробування якості), 5) статистичний аналіз результатів пілотного тестування та визначення необхідних коректив, 6) складання остаточних варіантів тесту.

Розглянемо детальніше специфікації тесту, які визначаються в ході розробки його матриці з позицій комунікативного підходу.

Специфікації будь-якого тесту з іноземної мови повідомляють про те, що і яким чином вимірює цей тест, і є його офіційною характеристикою. Вони визначаються ідеологією розробки і використання даного тесту. Визначення специфікацій означає детальний опис усіх компонентів майбутнього тесту, аби забезпечити максимально можливу відповідність характеристик тестових завдань характеру очікуваних мовленнєвих дій тестованого, а значить і отримання очікуваних результатів.

Розрізняють специфікації тесту та тестового завдання. До специфікацій тесту відносяться його цілі, типи тестових завдань, конструкт, що вимірюється тестом, особливості контингенту тестованих та план оцінювання тесту, а до специфікацій тестового завдання - його мета, характеристики сегінгу, подачі матеріалу та очікуваної відповіді, взаємозв'язки між подачею матеріалу та очікуваною відповіддю, інструкції по виконанню тестового завдання, розподіл часу, відведеного на його виконання та метод оцінювання відповідей.¹ Розглянемо детальніше перелічені специфікації.

Специфікації тесту

Цілі тесту навчальних досягнень з іноземної мови формулюються на основі визначення головних завдань тесту, провідної функції тестування та статусу результатів, що будуть отримані в ході тестування. Основною метою тесту з іноземної мови є вимірювання рівня комунікативної компетенції тестованих у процесі здійснення іншомовного спілкування.

¹ Bachman L., Palmer A. *Language Testing in Practice*. - Oxford: Oxford University Press, 1996.

Таке спілкування відбувається під час вирішення комунікативних завдань, які моделюють типові ситуації реального життя.

При визначенні типів тестових завдань необхідно враховувати, що вони мають співвідноситися з комунікативними ознаками, які є характерними для конкретних ситуацій спілкування. Відбір ситуацій спілкування для цілей тестування повинен здійснюватись на основі аналізу потреб тестованих як майбутніх користувачів іноземної мови. За такої умови забезпечуються ті результати тестування, які покажуть рівень здатності тестованих здійснювати іншомовну діяльність. Типи завдань у тесті з іноземної мови ми класифікуємо за видами мовленнєвої діяльності: аудіювання, читання, писемного мовлення, говоріння.¹

Наступна специфікація тесту з іноземної мови стосується визначення конструкту, який вимірюється. Конструктом називається психолінгвістична модель опанування іншомовного матеріалу. В теорії та практиці тестування прийняті різні підходи до визначення конструкту, що вимірюється під час тестування.² Вибір підходу залежить від характеру висновків або рішень, які будуть прийматися на основі отриманих в ході тестування результатів. Визначення конструкту дає можливість розробникам тесту уточнити компоненти комунікативної компетенції, що підлягають тестовому контролю. Конструкт обумовлює типи тестових завдань, а також критерії оцінювання відповідей тестованих. Конструктом, що вимірюється тестом навчальних досягнень з іноземної мови, є мовленнєва компетенція тестованого в різних видах мовленнєвої діяльності.

При визначенні специфікацій тесту з іноземної мови описуються особливості контингенту тестованих, які можуть значно впливати на успішність його виконання. До таких відносяться особистісні характеристики тестованого, рівень його загальної ерудиції, рівень підготовки з іноземної мови та емоційне ставлення до тестування.

До основних якісних характеристик тесту відносяться валідність, надійність, складність, дискримінаційна здатність і практичність тесту. Згадані характеристики, окрім останньої, визначаються шляхом статистичного аналізу, який включає математичну обробку результатів тесту-

¹ Див.: Петращук О.П. Типи тестових завдань для контролю іншомовного

говоріння учнів середньої загальноосвітньої школи // Іноземні мови. - 1999. - № 1. - С. 14-18; Петращук О.П. Тестовий контроль у навчанні письма учнів середньої загальноосвітньої школи // Іноземні мови. - 1999. - № 3. - С. 11-14.

² Bachman L., Palmer A. Language Testing in Practice. - Oxford: Oxford University Press, 1996. - P. 116.

вання.¹ Практичність тесту навчальних досягнень визначається зручністю його використання.

Специфікації тестового завдання

Мета тестового завдання визначається характером конструкту, який вимірюється. При комунікативному підході таким конструктом є іншомовна мовленнєва компетенція тестованого. Вона виявляється у процесі виконання тестового завдання в мовленнєвій поведінці тестованого через макро- і мікромінія в усному та писемному мовленні. Отже метою конкретного тестового завдання є визначення рівня сформованості окремого вміння або групи вмінь іншомовного мовлення.

Характеристиками сетінгу є фізичні умови, в яких відбувається тестування, а також учасники цього процесу.

При тестуванні враховуються такі фізичні умови як місцезнаходження та освітлення приміщення, рівень шумів, температура та вологість повітря, робочі місця тестованих. Фізичні умови тестування повинні сприяти успішності виконання тесту. До учасників тестування відносяться тестовані, а також особи, які несуть відповідальність за коректність тесту – розробник тесту, адміністратор тестування та екзаменатор. Для забезпечення ефективності тестування ці особи повинні мати спеціальну підготовку.

Важливими специфікаціями тестового завдання є характеристики подачі матеріалу та очікуваної відповіді, а також характер взаємодії між ними. Подача матеріалу описується в таких поняттях як формат і характеристики мовного матеріалу. Формат включає такі параметри як канал подачі, форма подачі, мова подачі, обсяг матеріалу, тип матеріалу, ступінь швидкості опрацювання матеріалу, спосіб опрацювання матеріалу.

Канал подачі матеріалу може бути зоровим, слуховим або комбінованим. За формуєю матеріал може подаватися тестованим вербально і невербально (малюнки, таблиці тощо). Якщо матеріал подається вербально, то мова може бути рідною, іноземною або ці мови поєднуються.

Обсяг матеріалу, який може варіюватись від кількох слів до розширеного дискурсу, впливає на кількість зусиль тестованого для його успішного опрацювання.

Матеріал може подаватися у вигляді пункту завдання або опори (наприклад, розклад руху автобусів тощо). Пункт завдання є насыченим

¹ Див.: Коккота В.А. Лингводидактическое тестирование: Науч.-теорет. пособие. - М.: Выш.шк., 1989. - 127 с.; Alderson J.C., Clapham C., Wall D. Language Test Construction and Evaluation. - Cambridge: Cambridge University Press, 1995. - 310 p.

мінімальним відрізком вербальної або невербальної інформації, поданої для опрацювання в тестовому завданні з рецептивних видів мовленнєвої діяльності (наприклад, у тестах з множинним вибором, на заповнення пропусків тощо).

Опора виступає в тестах у вигляді директиви, метою якої є спонукання тестованого до самостійного створення розширеного дискурсу. Прикладом такої опори може бути завдання написати відповідь на листа. Такий тип подачі матеріалу притаманний тестам з продуктивних видів мовленнєвої діяльності.

Ступінь швидкості опрацювання матеріалу визначається індивідуальним темпом тестованого.

Спосіб подачі матеріалу може бути натуральним, як це відбувається в дійсності, відтвореним на аудіо- чи відеоапаратурі, або комбінованим.

Мовний інформаційний компонент тестового завдання включає характеристики мовного матеріалу і тематики. В тестах в середній загальноосвітній школі зміст мовного інформаційного компонента співвідноситься з програмним матеріалом з іноземної мови та змістом базового підручника.

Характеристики мовного матеріалу включають організаційні та прагматичні характеристики. Організаційні характеристики включають елементи дотекстового і текстового рівнів. Прагматичні характеристики діляться на функціональні та соціолінгвістичні.

Характеристики тематики передбачають визначення виду інформації, наприклад, особистої, навчальної, культурної, країнознавчої.

Наступна специфікація тестового завдання визначає характеристики очікуваної відповіді тестованого. Поняття “очікувана відповідь” відокремлюється від поняття “реальна відповідь”, оскільки припускається, що тестований може не зрозуміти інструкцію або відповісти не так, як передбачалось розробниками тесту. У цьому випадку, відповідь тестованого не покаже рівень сформованості тих умінь, які підлягали вимірюванню. За своєю суттю очікувана відповідь тестованого повинна бути подібною реальній, але вона “планується” заздалегідь у процесі розробки тесту. Для цього визначається її формат, тип і ступінь швидкості отримання відповіді від тестованого. Формат очікуваної відповіді визначає спосіб, яким вона повідомляється і описується в термінах форми, мови, типу, обсягу та швидкості її видачі. Типи очікуваної відповіді класифікуються нами як вибіркова (вибір правильної відповіді із запропонованих) і конструйована – напівпродукована (від одного слова до окремого речення) та продукована (надфразового і текстового рівнів). Очікувана відповідь надходить від тестованого з різною швидкістю, що

визначається часом, який потрібен тестованому для планування та видачі відповіді. В тестах навчальних досягнень очікувана відповідь може видаватись вербально (іноземною та рідною мовами) або у вигляді чисел, літер, знаків.

Визначення специфікації тестового завдання передбачає уточнення взаємозв'язку між подачею матеріалу та очікуваною відповіддю, який визначається характером спрямованості, способом та обсягом взаємодії між характеристиками подачі матеріалу в тестовому завданні та характеристиками очікуваної відповіді тестованого.

В практиці тестування розрізняють три види тестових завдань залежно від спрямованості цієї взаємодії: а) завдання із зворотною спрямованістю (reciprocal tasks), б) завдання із незворотною спрямованістю (non-reciprocal tasks), в) завдання з адаптивною спрямованістю (adaptive).¹

Тестові завдання із зворотною спрямованістю передбачають безпосередню залежність відповіді від подачі матеріалу. Їм властиві наявність прямого зворотного зв'язку і взаємодії двох партнерів по спілкуванню. Прикладами таких завдань є усна бесіда/інтерв'ю, рольова гра та інші. Тестові завдання із незворотною спрямованістю не передбачають безпосередньої взаємодії між партнерами (наприклад, читання/аудіювання тексту, написання диктанту тощо).

Тестові завдання з адаптивною спрямованістю є одним з останніх досягнень практики тестування, суть яких полягає в тому, що складність кожного наступного завдання тесту залежить від відповіді тестованого на попереднє. Спочатку пропонується тестове завдання середньої складності. Якщо воно виконується, тестованому пропонується ускладнене завдання. Якщо перше завдання не виконується, тестованому пропонується завдання з меншим ступенем складності. Тобто кожне наступне тестове завдання адаптується до реакції тестованого на попереднє завдання. У цих завданнях відсутній зворотний зв'язок, але зберігається взаємодія у плані зміни складності завдання в залежності від якості виконання попереднього.

На нашу думку, останній вид тестових завдань має як переваги, так і недоліки. До переваг можна віднести те, що такий метод тестування допомагає підвищити демократичність тестового контролю, він органічно вписується в методику комп'ютерного тестового контролю. Недоліками таких тестових завдань є зниження об'єктивності отриманих результатів, які мають знаходитись у межах вимог програми, трудоемкість

¹ Bachman L., Palmer A. *Language Testing in Practice*. - Oxford: Oxford University Press, 1996. - P. 55.

у підготовці таких завдань і тестів, а також складність у підрахуванні балів, що знижує практичність тесту.

Обсяг взаємодії між подачею матеріалу та очікуваною відповіддю визначається обсягом матеріалу, який має опрацювати тестований, щоб дати очікувану відповідь. Обсяг взаємодії може бути широким (що передбачає опрацювання великого за обсягом матеріалу) і вузьким (що передбачає опрацювання обмеженої кількості матеріалу). Прикладом тестового завдання першого типу є визначення головної думки в прослуханому або прочитаному тексті, а прикладом завдання другого типу — виконання одного пункту граматичного або лексичного тестового завдання з вибірковою відповіддю.

Взаємодія між подачею матеріалу та очікуваною відповіддю може бути прямою або опосередкованою. Пряма взаємодія реалізується тоді, коли очікувана відповідь базується виключно на поданому матеріалі. При непрямій взаємодії очікувана відповідь містить додаткову інформацію, відсутню в поданому матеріалі. Наприклад, тестованому пропонується щось прокоментувати. Звичайно, такий коментар буде містити мовний та мовленнєвий матеріал, за допомогою якого тестований зможе пояснити власне бачення проблеми. Тут необхідно зауважити, що в цьому випадку йдеться не про "заплановану" очікувану, а про гіпотетичну відповідь тестованого, яка, в силу своєї специфіки (широка продуко-ваність), може тільки прогнозуватися розробником тесту, оскільки відповідь кожного тестованого буде мати виражену індивідуальність. Результати наших експериментів показали, що в цьому випадку некерованою стає вся мовленнєва поведінка тестованого. У зв'язку з цим тестові завдання з непрямою взаємодією потребують ретельно продуманих критеріїв оцінювання відповідей тестованих.

Наступною специфікацією є інструкція, проблема якої є однією з центральних. Через інструкції повідомляється процедура виконання тесту, цілі та об'єкти тестування, критерії оцінки відповідей. Отже метою інструкції тесту виступає пояснення тестованому всієї процедури тестування, послідовності виконання тестових завдань, характеру очікуваної відповіді, форми її фіксування на бланку для відповідей та критеріїв оцінювання цих відповідей. Інструкція допомагає тестованому зорієнтуватися у виборі адекватної стратегії виконання тестового завдання. Через інструкцію відбувається спілкування тестованого з розробником тесту, що дозволяє управляти діями тестованого під час виконання ним тестового завдання. Інструкція може формулюватися як до всього тесту (загальна інструкція), так і доожної його частини або кожного тестово-го завдання (спеціальна інструкція).

При формулюванні інструкції необхідно враховувати: мову пред'явлення інструкції тестованим (рідна, іноземна), модальність пред'явлення (слухова, зорова, комбінована), специфіку процедури виконання всього тесту і окремого тестового завдання, тип тестового завдання, характеристики подачі матеріалу та очікуваної відповіді, ступінь деталізації, вікові особливості тестованих, наявність прикладу виконання тестового завдання, необхідність інструкції до кожного завдання, частини тесту, цілого тесту.

Специфікації тестового завдання передбачають визначення часу, який відводиться на виконання тестового завдання. Розподіл часу на виконання тестових завдань в тесті з іноземної мови залежить від цілей тестування і може бути обмеженим або необмеженим. У першому випадку адміністратор тестування кожного разу оголошує кінець виконання тестового завдання, частини або цілого тесту. При необмеженості часу тестованим дозволяється виконувати тестові завдання в індивідуальному темпі, але протягом відведеного для тестування часу. Необмежений час відводиться на виконання поточних тестів з іноземної мови. При виконанні офіційного тесту час обмежується та жорстко контролюється адміністратором тестування.

Останньою специфікацією є метод оцінювання відповідей тестованих. У сучасній практиці тестування застосовують два основні підходи до оцінювання відповідей тестованих – за ключами (об'єктивний метод) та за критеріальною рейтинговою шкалою (суб'єктивний метод).

Метод оцінювання визначається в залежності від характеру відповідей, що очікуються. Коли очікувана відповідь має однозначний характер, тобто існує лише один варіант правильної відповіді, застосовують об'єктивний метод оцінювання. Цей метод передбачає визначення за залегідь правильних відповідей (ключів), з якими потім зіставляються отримані відповіді. Об'єктивний метод оцінки результатів є найпростішим, він має високий ступінь надійності.

При проведенні тестування з говоріння і писемного мовлення відповіді тестованих мають індивідуальний характер. У цьому випадку для оцінки відповідей тестованих застосовують критеріальні рейтингові шкали, застосування яких дозволяє оцінити відповідь, яка є, по суті, усним або писемним дискурсом, побудованим тестованим при здійсненні іншомовного спілкування. Оцінювання відповіді тестованого залежить від суб'єктивних суджень екзаменатора. Надання цій процедурі якомога більшої об'єктивності потребує спеціальної підготовки екзаменаторів та удосконалення процедури розробки критеріальних рейтингових шкал.

СИНЕРГІЯ
ЯК ПРИРОДНА ВЛАСТИВІСТЬ СТИЛЮ
(на матеріалі німецької байки)

Піхтовнікова Л.С.

Моєму Вчителю професору
Г.В. Ейгеру присвячую

“Той факт, що в останні роки ні читачі, ні письменники, ані видавництва майже не виявляють бажання займатися саме байкою, пояснюється неосвіченістю та упередженістю стосовно цієї літературної форми. В усякому разі причина цього недоліку полягає не в художніх можливостях байки, а в відсутності фантазії та мужності на власну думку; адже писати злободенні байки - це вимагає рішучого висловлювання байкаря про події сучасності. Лише за таких умов байка, як і в періоди її блискучого розквіту, буде здатна також і сьогодні своєю актуальністю звеселяти і переконувати”

В. Лібхен, 1990, Німеччина.

(Переклад вільний – Л.С.)

Ці взаємодоповнюючі висловлювання великого ідеолога німецької Реформації, перекладача Біблії німецькою мовою М.Лютера (33, 29) і одночасно байкаря (34, 35), який ставив байку поруч з Біблією, а також сучасного німецького дослідника байки та байкаря В.Лібхена (30, 31, 32) свідчать про значення жанру байки для духовного розвитку суспільства. Як і кожне багатогранне явище, що існує і розвивається протягом віків, байка відноситься до гатунку чудес і звертає на себе увагу своєю одночасно і стійкою, і мінливою формою, яка може узгоджуватися з багатьма іншими малими формами, а також бути згорнутою моделлю будь-якого більшого за обсягом епічного твору (3, 14). Це й є головною причиною життєздатності байки. Щодо сутності та структури цього жанру завжди велись нескінченні дискусії, які переходили із сторіччя в сторіччя. Найбільш незавершеною є дискусія про долю сучасної байки, про її місце в літературі та суспільстві, про її межі поряд з іншими спорідненими жанрами. При цьому майже не беруться до уваги зовнішні відбитки сутизмістового плану жанру, а саме ознаки стилю, стильові риси, стильові

різновиди, архетипи (9, 20, 21, 26), які тісно пов'язані зі змістовим аспектом і чутливо реагують на зміни в потребах соціуму. В ствердженнях багатьох німецьких дослідників байки про „кінесь, відмірання, розмивання, розпадання жанру“ спостерігається елементарна недбайливість в обробці літературних фактів, які за нашими спостереженнями свідчать саме про протилежну тенденцію. Завдяки вивченю літературних джерел, одержаних безпосередньо з німецької бібліотечної мережі ІНТЕРНЕТ, вдалося з'ясувати, що жанр байки не „вмирає“, а навпаки, саме в 80-90-ті роки демонструє значну плідність і користується популярністю в німецькому суспільстві. У зв'язку з цим стилістичні дослідження жанру байки в діахронії та в системному аспекті з урахуванням позалінгвістичних компонентів ми вважаємо дуже актуальними на наш час.

Поняття стилю в лінгвістиці розглядалось багатьма видатними, відомими вченими в минулому та сучасними дослідниками. Такі питання як стилістика, аспекти стилю, стиль, структура, мова й поетика, жанр, типологія, еволюція жанрів залишаються темою дискусій і на сучасному етапі. Ще недостачно досліджено соціально-психологічний аспект стилю; питання ж самоорганізації (синергії) стилю взагалі не поставлено.

Соціально-культурна роль стилю – бути сукупністю засобів вираження загальнозначущої ідеї. Стиль існує для гармонії між власною своєрідністю і завжди мінливим середовищем. Соціально-психологічна роль стилю полягає в самоорганізації культурних феноменів, символічно викарбованіх у художніх образах. Утворення стилю окремої епохи починається, як правило, зі свідомого або несвідомого наслідування окремим зразкам культури. При цьому носіями і творцями стилю сприймається лише частина відповідної естетичної інформації, а взаємовплив авторів залишається далеко неповним. Сприйняття загальної ситуації, соціального замовлення на початковому етапі формування стилю не під силу одному митцю; воно може бути сприйнятим і відтвореним лише сумісно, тобто всім соціумом. Пристосування ж до вимог соціальної ситуації йде спонтанно за допомогою групових стереотипів проб (5). Цілеспрямованість у виникненні стилю зростає разом з розвитком сумісної діяльності (клуби, журнали тощо). Обмін інформацією породжує динамізм, мінливість індивідуальних стилів і, нарешті, формує загальний стиль. Період розквіту стилю закінчується, як правило, плеядою епігонів і появою “новаторів”, що відкидають “архаїстів”.

Синергія стилю, що позначена тут, властива йому природно. Стиль – це надсистемний об'єкт, який не піддається вимірюванню. Однак, можлива об'єктивна оцінка “відбитків” стилю, його проявлення у відповідних системах (мові, жанрах, текстах). Це й є стилеві риси, наприклад,

експресивність, сатиричність, образність, дидактичність тощо, які реалізуються в текстах на всіх його рівнях (формальному, формально-змістовому, змістовому, образному).

Отже, стиль як системоутворюючий фактор являє собою сукупність різнопривнесених мовних засобів втілення соціально значущих ідей і в специфічному длякоїні сфері ракурсі виявляється та описується у вигляді певного набору стилевих рис, найбільш адекватних початковому соціальному замовленню.

Синергія стилю – це його невід’ємна властивість, без якої неможливим є баланс між естетичною та прагматичною інформацією як в окремому літературному тексті, так і в усьому літературному жанрі даної епохи. Еволюція стилю літературного жанру, звісно, не тотожна еволюції самого жанру, однак відображає його адекватно. Давню думку еволюціоністів: “З плином часу стиль переходить в архетип” – можна вважати афоризмом. І цей афоризм повною мірою підтверджує еволюцію жанру байки. Отже, досліджаючи еволюцію стилю байки, ми можемо спиратися на зміни соціальних замовлень суспільства і, значить, на еволюцію стилевих рис і стилевих архетипів.

Необхідність синергетики як нової парадигми для досліджень жанру байки в еволюції очевидна. Універсальна наука про саморозвиток – синергетика дає загальні закони та поняття для систем, що еволюціонують. Вплив синергетики на різноманітні системні науки цілком відчутний. Настав час обґрунтування можливості та необхідності синергетики в лінгвістиці і, зокрема, в дослідженні розвитку стилю. Застосування синергетики до стилістики здійснюється не просто шляхом аналогії з іншими науками, а з урахуванням загальної теорії утворення міждисциплінарних понять. Універсальні поняття синергетики, такі як нелінійність розвитку, атрактор, дисипативні системи, моделювання та компресія інформації, наповнюються конкретним змістом стилістики і служать для подальшого поширення погляду на еволюцію жанру.

За основу досліджень еволюції стилю німецької байки нами прийнята наступна ідея. Еволюція жанру з боку стилю формується розвитком різних засобів метафоризації, за допомогою яких утворюється образ-символ байки. Механізм метафоризації має в будь-якому дискурсі фіксовані стапи, але їх реалізація за сторіччями – різна. Це зумовлено “соціальним замовленням” суспільства, а з другого боку, вимагає зміни у композиції, у стилі байки.

Таким чином, в дослідженні еволюції стилю повинні бути відображеніми “різні поверхні” системи “суспільство – байка” та їх взаємодія. Такі загальні поняття як соціальне замовлення, образ-символ тощо за-

допомогою синергетичних понять “атрактор”, “взаємне моделювання частин системи”, “компресія інформації” та інших стають більш точними й оперативнimi. Саме поняття еволюції жанру завдяки синергетиці набуває чітко зумовлених меж.

Відповідно до пропонованого підходу видається недоцільним, зайвим і, навіть, перешкоджаючим прогресу, чітке розмежування лінгвістичного та літературознавчого аналізу в філологічних дослідженнях. Методичний ідеал - не відокремлення, а саме їх кооперація і навіть їх органічне злиття на новій якісній основі (18). Інтуїтивно і свідомо цей принцип кооперації, що саме є спорідненим синергії, завжди дотримувався раніше; виконується він і в багатьох сучасних філологічних дослідженнях (2, 10, 13, 16, 22, 24, 27, 28, 36).

Вивчення стилю, структури художнього твору або типу тексту та його мовних засобів, обумовлює аналіз відповідних теорій, які можна розглядати як результат пізнання та осмислення навколошнього світу. Це логічно означає, що дослідження стилю, а тим більше еволюції стилю всього жанру чи типу тексту не може розглядатися у відриві від певної історичної епохи, від того середовища, яке формує вимоги, соціальні замовлення і породжує відповідний стиль. Всі лінгвістичні компоненти стилю є результатом екстралінгвістичних умов певної епохи .

Стиль епохи та індивідуальний стиль пересікаються, бо жоден поет не може уникнути впливу формотворчих тенденцій часу, соціальних вимог та замовень, які охоплюють всі сфери духовної активності суспільства. Наскільки творчий суб'єкт, поет або письменник, є здатним сприйняти в себе всю сукупність соціальних вимог, настільки його індивідуальний стиль буде відтворювати стиль часу; цію мірою та індивідуальними особливостями й здібностями визначається талант та творча доля кожного поета.

Головна мета дослідження еволюції стилю полягає не в тому, щоб скласти генеалогію німецької байки, яка переплетена з генеалогією байок в інших літературах та сягає в прадавні літератури Далекого Сходу, а в тому, щоб виявити найважливіші тенденції еволюції стилю й прослідкувати їх розвиток та народження нових тенденцій до 90-х років 20 ст. Стиль - це образно-символічний відбиток певної епохи, її оціально-культурного рівня та суспільних відносин. Тому єдино доцільним є виклад еволюції в системно-синергетичному аспекті, тобто з урахуванням соціально-історичних обставин, які формують вимоги та характер духовного розвитку суспільства, і з чого народжуються індивідуальні стилі та інтенції авторів літературних та інших творів. Екстралінгвістичні

умови та лінгвостилістичні фактори повинні розглядатися як синергія взаємопов'язаних складових одного цілого, що саморозвиваються.

Теоретичні основи дослідження еволюції підготовлено працями багатьох вчених-еволюціоністів, фахівців з системних досліджень (4, 5, 6, 8, 11, 12, 15, 17, 19, 23, 24, 25 та інші).

Необхідно назвати ще одну парадигму розвитку систем (TPB3) (1), яка в нашому дослідженні також знайшла застосування до жанру байки. Це – загальний закон прагнення систем, що розвиваються (в тому числі нематеріальних, якою є, наприклад, байка), до ідеального кінцевого результату (ІКР). Названа парадигма дає ключ до пояснення того, яким чином байка 20 ст., часто стиснена майже до афоризму, зберігає головну структуру і свій вплив. Парадигма розвитку систем дозволила звернути нашу увагу на незавершені образи-символи байок, роль афоризмів в їх утворенні та відповідність такої форми байки інтелекту читача й загальній соціодинаміці європейської культури 20 ст. Наведені парадигми синергії та ТРВЗ відкривають нові перспективи в дослідженні еволюції стилю як байки, так і інших малих жанрів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. – М.: Сов.радио, 1979.–189с.
2. Васильева А.Н. Художественная речь. М.: Русский язык, 1983. – 256 с.
3. Auaionee E.N. Ineoieiaey eneonpoaa. - I.:Eneonpoai, 1986. - 572 п.
4. Добронравова И. Синергетика. – К.: Либідь, 1990. – 146 с.
5. 4. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Системотехника. – М.: Радиосвязь, 1985.–200 с.
6. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.:Наука, 1997. – 285 с.
7. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
8. Лосев А.Ф. Хаос и структура. – М.: Мысль, 1997. – 831 с.
9. Любарский Г. О стиле жизни // Знание - сила. - 1992. № 3. - С.47-55.
10. Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. - Днепропетровск, 1980. - 230 с.
11. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. – М.: Евразия, 1997. - 430 с.
12. Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры: Очерки из истории филолог. Науки. – М.: Наука, 1989. – 238 с.
13. Перлина Ю.Г. Композиционно-стилистическая структура эпиграммы как типа текста (на материале немецкой эпиграммы 17-20 вв.): Дисс. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1995. – 251 с.
14. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С.464-559.
15. Сазонова Л.И. От басни барокко к басне классицизма. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России 17-нач.18в." – М.: Наука, 1989. – 237 с.
16. Сакулин П.Н. Филология и культурология / Сост. Ю.И.Минералов – М.: Высшая школа, 1990. – 248 с.
17. Синергетика. – Сб.статей под ред. Б.Кадомцева. – М.: Мир, 1984. – 248 с.
18. Степанов Г.В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста. – Изв. АН СССР. Сер. Лит-ры и языка, т.39. -1980.- № 3. – С.195-204.
19. Тертерян А. Опыт анализа теории самоорганизации. - М.: АН СССР, 1990.-52 с.
20. Товстенко О.О. Специфика притчи как жанра художе-

ственного творчества: (Причча как архетипическая форма литературы // Вест.-Киев.ун-та: Романо-германская филология. – 1989. – Вып. 23. – С.121-124. **21.** Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с. **22.** Художественный текст: структура, язык, стиль. Ред. И.М.Воскресенская. – С.-П.: С.-П.ГУ, 1993. – 182 с. **23.** Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. – М.: Наука, 1990. – 271 с. **24.** Чаковская М.С. Взаимодействие стилей научной и художественной литературы (на материале герм. яз). – Учебное пособие. – М.:Высш.школа, 1990. – 159 с. **25.** Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М.: Знание, 1990. – 46 с. **26.** Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. – 1988. – № 1. – С.135 –149. **27.** Язык и наука конца 20 в. Сб. науч.тр.– М.:Ин-т языкоznания РАН, 1995. – 420 с. **28.** Язык и общество: роль экстралингвистических факторов в развитии лексических подсистем. Межвуз. научн. сборник. – Саратов: Саратовск.ГУ, 1989. – 135 с. **29.** Die Bibel. Nach der Übersetzung Martin Luthers. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1985. – 905/306/82 S. **30.** Liebchen W. Der witzige Reineke Fuchs. Die fabelhafte Erzählung. - Ron-Grabfeld/Kilianshof: Fabel-Verlag Gudrun Liebchen, 1989. - 224 S. **31.** Liebchen, W. Die Fabel: das Vergnügen der Erkenntnis; Fabel, Gleichnis, Parabel, Witz; mit einer Abhandlung über die Formkriterien dieser Gattung. - Kilianshof: Fabel-Verl. Liebchen, 1990. - 203 S. **32.** LiebchenW., Prohl, K.-J. Die Fabel heute: Realität und Argument; rhetorische Fabeln; mit einer Abhandlung über das Fabelschreiben und über die Stilarten der Fabel. - 1-Aufl. - Kilianshof: Fabel-Verl. Liebchen. 1992. - 144 S. **33.** Luther M. Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. – Berlin, 1886. - 264 S. **34.** Martin Luthers Fabeln./ Neu hrsg.von W.Steinberg. - Halle (Saale): VEB Max Niemeyer, 1961. – 92 S. **35.** Martin Luthers Fabeln und Sprichwörter / mit Einl. u. Kommentar, hrsg. von R.Dithmar. – 1-te Aufl. – Frankfurt am Main: Insel-Verl., 1989. - 247 S. **36.** Ockel E. Textdidatik. Umgang mit Texten – eine Verbindung zwischen Sprach-und Literaturwissenschaft // Muttersprache. - Jg. 103. – 1993. – S. 152-159.

ДОСТОВЕРНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Почепцов Г.Г.

В настоящей статье изложено содержание доклада профессора Г.Г.Почепцова на международной конференции «Когнитивные/коммуникативные аспекты английского языка» (Черкассы, 27-29 мая 1999 г.). Автор выражает благодарность И.С.Шевченко за подготовку материала к печати.

В нашем анализе коммуникативного и pragmaticального аспектов высказываний исходим из того, что следует различать понятия *истинности* и *достоверности* высказываний. Вывод об истинности или ложности того или иного высказывания предполагает сопоставление его содержания с объективной реальностью, то есть определение характера связи между тем, что говорится, и тем, что реально существует. Напротив, установление достоверности высказывания основано на сопоставлении содержания высказывания с его «источником», то есть говорящим. Фактически, понятие *достоверности* может быть определено как *истинность с точки зрения слушающего*.

Говорящий несет ответственность за достоверность своего сообщения, что в значительной степени освобождает слушающего от необходимости самому верифицировать правдивость сказанного: говорящий, как правило, преподносит свое сообщение как истинное. Отдельные случаи заведомого нарушения этого принципа маркируются. Так, завершение своей речи фразой типа «I'm kidding» «Я шучу» и т.п. служит сигналом для переосмыслиния высказывания. В основном, такие маркеры недостоверности выступают в роли постпозитивов.

Оценка достоверности высказывания осуществляется слушающим в первую очередь на основе его/её уверенности в надежности говорящего как гаранта достоверности передаваемой информации. Нередко в силу невозможности верификации истинности/ложности высказывания пользователям языка приходится удовольствоваться презумпцией достоверности. Однако для нужд повседневного общения эта презумпция оказывается коммуникативно достаточной, ср. определение достоверности сведений — «не вызывающие сомнения, подлинные, реальные» и истинности — «то, что соответствует действительности, правда», а также «то, что соответствует сущности явления, устанавливается научно» (1). Очевидно, что подобно истинности понятие достоверности связано с реальным ми-

ром, но в отличие от первого оно более ориентировано на человеческую коммуникацию. Достоверность — категория субъективная: именно от слушающего зависит, верить тому или иному сообщению или нет.

Понятие достоверности высказывания вносит существенную корректировку в его прагматическую трактовку. Традиционно речеактевые характеристики высказывания рассматриваются с позиции говорящего. Поскольку достоверность высказывания определяется нами как его истинность с точки зрения слушающего, это свидетельствует о важности учета мнения адресата в процессе прагматической интерпретации речевых актов. Достоверность высказывания накладывает существенные ограничения на перлоктивный эффект таких речевых актов, как констативы, директивы, причем в последнем случае негативная оценка слушающим достоверности высказывания иниционтика/реквестива приводит к ослаблению его иллюктивной силы побуждения.

Оценивая достоверность информации, передаваемой высказыванием, слушающий опирается на ряд характеристик говорящего, прежде всего параметры возраста, образования, знания предмета сообщения, искренности и открытости, умственного и физического здоровья, национально-культурной принадлежности, а также учитывает свое личное и социальнопротиворечивое отношение к собеседнику (сопоставляет ситуативные и статусные роли).

Говорящий очерчивает в своей речи область (фрейм), в рамках которой высказывание воспринимается как достоверное. Говорящему принадлежит активная роль в выборе предмета сообщения: соответствие с интенцией говорящего осуществляется выбор количества и качества передаваемой информации, способ ее передачи — прямо или в скрытой форме, что особенно наглядно в сфере средств массовой информации. Другим примером зависимости достоверности высказывания от интенции говорящего служит речевая стратегия обманчивости, двусмысленности в шутках, в анекдотах.

Вышеназванные параметры говорящего каждый слушающий иерархически организует по-своему, отдавая предпочтение тем или иным факторам в зависимости от своих личностных характеристик. Параметр социального статуса можно считать тем ведущим критерием, который налагает ограничения на параметры, располагающиеся «ниже» в этой иерархии, а в отдельных случаях и полностью лишает их релевантности. Между иными параметрами существуют гибкие отношения, их местоположение в иерархическом ряду подвижно. В частности, параметр возраста для некоторых групп коммуникантов, (например, детей) может в одних случаях обуславливать нерелевантность прочих параметров достоверности

высказываний, или, наоборот, усиливать степень достоверности, в других.

Отдельные характеристики говорящего, используемые для определения достоверности высказываний, оказываются в равной степени приложимы и к слушающему и к говорящему, например: возраст, умственное и физическое здоровье, опытность, знания.

Особого упоминания заслуживают предрассудки и предубеждения. Они также способны оказать влияние на оценку говорящим достоверности сообщения, причем наличие одного из данных параметров может привести к появлению другого: например, предвзятое мнение слушающего относительно достоверности высказывания может быть результатом его недостаточной осведомленности или игнорирования общепринятых стереотипов.

Достоверность высказывания базируется на общей презумпции истинности сообщения. В противном случае ложь была бы практически невозможна. Феномен достоверности в его когнитивном и прагматическом аспектах находится в центре внимания не только лингвистов, но и юристов, психологов, логиков.

Языковые и речевые особенности высказываний также относятся к числу компонентов коммуникативного акта, определяющих их достоверность, наряду с компонентами говорящего и слушающего. Оценивая достоверность сообщения, слушающий принимает во внимание, среди прочих, такие характеристики сообщения, как тип передаваемой информации (документ или частная информация, описание или заключение и пр.) и способ передачи сообщения (письменный или устный).

Особого внимания исследователей достоверности высказываний заслуживают лексические, грамматические и лексико-грамматические единицы, образующие функциональное поле достоверности (такие как allegedly, likely, indubitably, rumor has it..., according to...). Особенную великую роль этих элементов в формировании перспективы достоверности высказывания, в определении степени его достоверности, в глубинной дистрибуции достоверности в высказывании. В то же время, культурно-специфичные особенности понятия достоверности могут стать объектом специального исследования.

ЛІТЕРАТУРА

Словарь русского языка: В 4-х т. // АН ССР: Ин-т рус. яз.: Под ред. А.П. Евгеньевой. - М.: Русский язык, 1985 - 1989.

ЛЮДСЬКІ СТОСТУНКИ І НОМІНАЦІЯ В ТЕКСТІ

Прокопчук О.О.

Творення художнього тексту є складним, багатогранним процесом. Одним із складників цього процесу є означення, об'єктування концептуальних комплексів, елементів, серед яких називають думку, ідею, поняття, враження, образ тощо. Ці останні характеризуються, на думку лінгвістів і представників інших наук, своєю дифузністю, недискретністю.

С.Л.Рубинштейн пише, що буває так, що ми ніби шукаємо мовне формулювання для нашої думки, думка ніби вже є, а мовного її вираження ще не знайдено. У процесі цих пошуків ми приймаємо не будь-яке мовне формулювання; ми відхиляємо те, що нам спочатку прийшло в голову, як таке, що не відповідає нашій думці. Якщо б думки, для якої спочатку не знайдено мовного формулювання, взагалі не було, то вона не могла б контролювати пошуки відповідного мовного формулювання (Рубинштейн 1959: 111-112). Водночас підкреслюється, що структури мислення не слід ототожнювати з елементами мови (мовлення), вони не співпадають з мовленням, але спираються на мовлення (Рубинштейн 1957: 47). Мислення і мова співвідносяться так, що думка завжди знаходить своє вираження за допомогою мови, і не існує відставання мовних засобів від гносеологічних потенцій мислення (Колшанский 1984: 47).

Комуникація за допомогою художнього тексту, сімісловна структура, яка постає в результаті творення тексту, характеризується декількома рівнями. На найвищому рівні художній текст сприймається як поетичний мовленнєвий акт, за допомогою якого з боку автора робиться спроба реального спілкування з адресатом, публікою (Schutte 1993: 130). У сімісловій структурі художнього тексту у відповідності до цього акту розрізняється ідейний (образний, образно-ідейний) рівень, який базується на нижчому рівні, предметному (фабульному, денотативному) (Купина 1981: 6-7; Анисимова 1996: 149-150). У ситуації спілкування (комунікації) за допомогою художнього тексту нижньому рівневі відповідає вигадана автором і різноманітно представлена комунікація персонажів твору (*fiktive Kommunikation zwischen Figuren*) (Schutte 1993: 130).

Означення на предметному (поверхневому) сімісловому рівні здійснюється так, що відтворюється не тільки певна предметна ситуація, але й створюються передумови для того, щоб підібрані лексичні одиниці в контексті фрагментів або цілого тексту набували певних „естетичних властивостей, зображенських і оцінних за свою природою” (Грицотен-

ко 1985: 27). Такий цілеспрямований підбір лексичного матеріалу автором у сполученні з художнім мисленням читача робить можливим перевід від конкретно-чуттєвих образів до художньо-образного смыслу, ідеї твору. Отже, лексика, яку використовує автор художнього тексту, є важливим чинником творення і пізнання смыслової структури тексту.

Дослідники лексики вже давно звернули увагу на те, що для позначення певного персонажу, явища навколошнього світу, часу, місця тощо в одному й тому ж тексті використовується не завжди те саме слово, словосполучення. Авторові тексту не досить один раз знайти влучний вираз, щоб потім його вживати кожний раз, коли згадується відповідний референт (Гак 1987: 138-144; Арутюнова 1977: 304-357; Vater 1994: 133-154). У тексті певний персонаж, предмет може позначатися різними лексичними одиницями, в результаті чого для одного референта постає номінативний ланцюжок (Анисимова 1996: 150), ономасіологічна парадигма назв (Алексеенко 1997: 179-180).

При дослідженні таких текстових груп найменувань увага лігвістів зосереджується насамперед на їх кількісних та якісних характеристиках.

Х.Бергман, наприклад, вивчаючи вживання дієслів поля „їсти” у середньоверхніонімецькому віршованому епосі Reineke de Vos (1498 р.) та перекладах цього епосу, зроблених Готшедом (1752 р.) і Гете (1793 р.), на підставі кількісних показників дає графічне зображення поля „їсти” для кожного із варіантів твору. Поля відрізняються одне від одного кількістю вжитих дієслів, ступенем варіативності (Bergmann 1989: 590-591, 595-596). На підставі результатів кількісного аналізу автор переходить до якісного аналізу досліджуваного поля: лексико-стилістичного та літературознавчого.

Про наявність взаємозв’язку між кілкісними і якісними характеристиками у групі назв свідчать також інші дослідження. Довжина номінативного ланцюжка, на думку О.О.Анісимової, може бути ознакою, за якою визначається значущість персонажів, реалізується протиставлення між головними і другорядними персонажами. Найменування головних персонажів утворюють значно довші номінативні ланцюжки, ніж найменування другорядних персонажів (Анисимова 1996: 150-151).

Власне якісний аналіз ставить своїм завданням виявлення тематичних підгруп, відношень між лексичними одиницями, що належать до груп (полів) найменувань у тексті. окремі назви певного референта можуть поділятися передусім на узагальнено- класифікуючі (*людина, істота, створення*) та індивідуально-характеризуючі. Серед цих останніх розрізняються підгрупи за ознакою національно-етнічної сфери, за

місцем проживання, фахом, діяльністю, віком, за зовнішніми та внутрішніми ознаками тощо. Розрізняються також назви об'єктивно-характеризуючі та суб'єктивно-або кваліфікативно-характеризуючі. В ономасіологічному аспекті існує теж поділ на первинні й похідні (вторинні) найменування (останні виникають на підставі метафоричних, метонімічних переносів), називні та дейтичні (вказівні). За свою формую найменування можуть бути синтетичними та аналітичними. Будь-які дві назви певного референта є рівнозначні (синонімічні) або ж відносяться одна до одної як гіперонім-гіпонім чи гіпонім-гіперонім, стилістично марковане слово-стилістично немарковане слово (Гак 1987: 138-145; Анисимова 1996: 151-154; Алексеенко 1997: 178-181).

Щодо чинників, які впливають на вибір найменування в тексті, то існують різні точки зору. Деякі дослідники вказують на намагання авторів уникати повторів у найменуванні при другому, третьому згадуванні референта. В.Г.Гак підкреслює, наприклад, що така тенденція в більшій мірі характеризує французьку мову, ніж російську (Гак 1987: 138-139). Близька відстань до попереднього називного слова вимагає при повторному згадуванні референта вживання особового займенника (Vater 1994: 134-137). М.Алексеєнко з посиланням на О.О.Потебню вважає, що існує протиріччя між прагненням номінатора до неповторності, індивідуальності номінації, з одного боку, та неминучістю відтворення уже існуючих номінатів, з іншого. Вибір ознаки найменування в конкретній мовленнєвій ситуації залежить від номінатора, його комунікативних інтенцій, адресата, сфери комунікації, стилю розповіді, прагматики людського буття, естетичних норм відповідного соціуму. В процесі номінації знаходить своє очевидне відображення соціальний фактор — стосунки між учасниками комунікації та умови спілкування (Алексеенко 1997: 178-179).

Особливо важливого значення при описі текстової номінації набуває врахування специфіки творення тексту, специфіки текстологічних категорій, обумовлених відповідною текстовою структурою. Незважаючи на те, що висловлення у формі речення теж може бути текстом, більшість конкретних категорій, характерних для певних типів текстів (наприклад, функції народної казки в розумінні В.Проппа; категорії вступу / експозиції, ускладнення / комплікації, ланцюжка подій / ситуацій, розв'язки, повчання / моралі тощо у розвовідному тексті) реалізується не в реченнях-текстах, а в текстах більш складної будови. Саме в цих останніх найбільш проявляється ознака динамізму, текстового руху, якою текст кардинально відрізняється від речення, і яка має суттєвий вплив на номінацію в тексті.

Однією з перших на існування зв'язку між номінацією, з одного боку, і синтаксичними, комунікативно-прагматичними чинниками, з іншого, звернула увагу Н.Д. Арутюнова. Вона пов'язує типи номінації з їх синтаксичною позицією, комунікативною функцією, характером референції, реалізованої за допомогою номінації і розрізняє вступну / інводуктивну, ідентифікаційну, предикативну номінації та номінацію-звернення. Звернення спонукає адресата до сприйняття висловлення і є водночас засобом вираження міжлюдських стосунків (Арутюнова 1977: 304-357). Справді, важливість наведених чинників для вибору найменування референта безсумнівна. Разом з тим аналіз номінації у художньому розповідному тексті показує, що особливого значення при цьому набуває врахування специфіки розгортання тексту, специфіки його членування. Фабула (die Handlung) розповідного тексту — це ланцюжок складників (ситуацій / подій, Handlungselemente), особливістю яких є те, що кожен з них обумовлений попереднім і сам обумовлює наступний. Фабула постає на підставі сукупності персонажів (Konfiguration). Складники фабули упорядковані за принципом „перед цим” — „після цього” у лінійну послідовність на осі часу. Фабула може трансформуватися з одного зображенувального медіуму в інший (наприклад, фільм) (Link 1974: 235, 256-263). Фабула тексту розгортається від одного складника (ситуації / події) до іншого і нагадує процес гри в шахи: після кожного ходу ситуація на шаховій дошці змінюється, змінюється також ситуативна вартість окремих фігур.

На думку В.Клейна і Х. фон Штуттергейм, кожне нове висловлення містить комплекс даних про місце, час, дію, особу (особи) тощо, дані про різні семантичні, інакше референційні, сторони (Referenzbereiche). Наступне висловлення зберігає частину цих інформацій і вводить нові. Таке розгортання інформації від висловлення до висловлення автора називають референційним рухом (referentielle Bewegung). Автори розрізняють 5 основних референційних сторін: інформація про часові властивості (T), про просторові властивості (L), про дійові особи (P), про події (A), про модальність (відношення до дійсності) (M). В іншій праці цих авторів до 5 референцій долучається 6-та — інформація про обставини (reference to circumstances) (Klein, von Stutterheim 1987: 166, 169-174; Klein, von Stutterheim 1991: 24). Позначимо цю інформацію знакою (C).

Ситуацію, складника фабули, можна представити як сукупність зазначених інформацій: $S_i = (T_i)(L_i)(P_i)(A_i)(M_i)(C_i)$. Наступна ситуація (S_j) може включати ті ж типи інформації, тільки з частково іншими значеннями, наприклад: $S_j = (T_j)(L_j)(P_j)(A_j)(M_j)(C_j)$.

Існують модифікації ситуацій, які обумовлюють зміни в стосунках дійових осіб. Такі модифікації пов'язані найчастіше зі зміною темпоральних, обставинних, акціональних значень ситуації, що в свою чергу може призводити до модифікації компоненту (P), інформації про персонажів. Ця остання має складну структуру, оскільки серед іншого включає інформацію про міжлюдські стосунки (пор.: Watzlawik et al. 1969; Sager 1981). У ситуаціях S_i та S_j можуть бути представлені одні й ті ж діючі особи (P), але якщо їх стосунки в S_i та в S_j відрізняються, то є підстави для ситуації S_i подати значення (P_{ix}), а для ситуації S_j — значення (P_{jy}). Індекси x, y показують різницю у стосунках персонажів — учасників цих двох ситуацій.

Між характером стосунків персонажів і їх найменуваннями існує залежність. Індикатором змін у стосунках персонажів найчастіше виступають зміни у їх позначенні. У повісті Г.Белля „Die verlorene Ehre der Katharina Blum” в одному із розділів йдеться про те, що коли б прослухати пілівку з підслуховуваними телефонними розмовами, то можна було б по найменуваннях довідатися про стосунки певних осіб: Wie — oder ob überhaupt intim etwa Frau Else Woltersheim mit Konrad Beiters ist. Was bedeutete das Wort Freund, wenn es um die Beziehung dieser beiden geht? Nennt sie ihn Schatz, Liebling, oder sagt sie nur Konrad oder Conny zu ihm; welche Art verbaler Zärtlichkeiten tauschen sie, wenn überhaupt, miteinander aus? Чим більше змін стосунків дійових осіб у розмові, тим довші номінативні ланцюжки можна прогнозувати для такого тексту, ланцюжки, які „скріплюють” „тканину” тексту. Найдовший з них, як правило, утворюють позначення головного героя (Vater 1994: 137). Різноманітність складу найменувань у ланцюжку відбиває історію стосунків персонажів, яка розігрувалася в текстовому просторі (Prokopcuk 1998).

Для ілюстрації наведених положень звернемося до роману Й.Р.Бехера „Abschied” (Berlin: Aufbau-Verlag, 1958), головними персонажами якого є хлопчик (потім юнак) Ганс Петер Гастль, його батьки, шкільні товарищи, люди, пов’язані з родиною Гастлів. Ганс, головний герой, є одночасно розповідачем, розповідь ведеться від першої особи. Аналізуючи окремі ланки в ланцюжку найменувань персонажів, слід враховувати сукупність семантичних складників у відповідній ситуації (S_i), номінатора й номіната, їх стосунки як похідну величину від ситуації. Ролі номінатора і номіната можуть мінятися, між ними може бути відношення взаємності. Так, за особливих обставин (святкування Нового року, літній відпочинок) батьки Ганса називають один одного Heinrich, Betty. Коли ж починається буденне життя (zmіна (C), інформації про обставини), вони вживають звернення Vater, Mutter.

Номінаторами по відношенню до Ганса в романі виступають сам Ганс, батько, мати, прислуга, Христина, Ксавер, Франц Гартінгер, старий Гартінгер, Нойберт, учитель, бабуся, Фек, Фрайшлаг, учні, Клерхен, Гасль, Фанні, слідчий, Р. Демель та деякі інші. Для батька Ганс в залежності від ситуації — unser Münchener Kind, du, so einer wie du, unverschämter Kerl, ein Hund (предикативна номінація), Gymnasiast, solch ein Kerl, ein halbes Kind, Schmarotzer, Taugenichts, unser Kriegsfreiwilliger, unser Sohn, ein junger Mann, der, Schuft, Hund, dieser Kerl, nicht mein Sohn (предикативна номінація), verkommenes Subjekt du, du Drückeberger, ein Gemütsmensch, (іронічно) ein feiner Sohn.

Для Ганса батько — (mein) Vater, (в минулому) Bauernbub, Stadtvater, Frühaufsteher, (уві сні: lieber Herr Vater, lieber Herr Staatsanwalt, hochverehrter Erbe und Nachkomme), ein höherer Staatsbeamter (предикативна номінація), (іронічно) der kühne Bergsteiger, Spargelfresser, Herr Oberstaatsanwalt, Dr. Heinrich Gastl, Strammsteher, Köhler (порівняння), du verdamtes Hunnengesindel, (у думках: Lump, Schuft, Hund). Навіть не будучи знайомим зі змістом роману, можна зауважити, що стосунки між батьком і сином укладаються не найкращим чином.

Відносно короткий ланцюжок найменувань Ганса (der Herr, Sie, du, so ein junger Mensch wie du, (іронічно) ein feiner Kavalier, ihr Männer, so einer, so ein Scheusal, kein Feigling (предикативна номінація), du dummer Goldjunge, du mein Freundchen) відбиває його короткочасне знайомство з Фанні, молодою повією. Коже з найменувань обумовлене ситуацією, розвитком стосунків. Знайомство починається зверненням der Herr, Sie, але Фанні швидко переходить на „ти”. Номінація du dummer Goldjunge обумовлена тим, що Ганс розповів Куніку, злодію і знайомому Фанні, де знаходяться цінні речі у батьківському домі.

В ситуаціях, дійовими особами яких виступають Ганс і Ксавер, оприданарець майора Боннета, Ганс спочатку вживав звернення Xaver, Sie. З часом їхні стосунки стають дружніми, і Ксавер пропонує учневі Гансу, щоб він звертався до нього на „ти”. Ганс не відразу призвичаївся до цієї форми звернення: Das Du zu Herrn Xaver, die einem Sie gefolgt war, hatte (...) etwas Außerordentliches, Feswägliches. „Sie — Du!” blieb lange die Anrede (S. 104). Ксавер у розмовах з Гансом з самого початку вживав du і інші, часто жартівліві, найменування: du Depp, du; Herr General, Lausbub. Погіршення стосунків з Францем Гартінгером, вплив батьків, думки Ганса про свою соціальну вищість відбилися і на його стосунках з Ксавером: обое переходят на „ви”. Ганс: Sie, Sie Herr Sedlmayer, Xaver, der Offizierbursche. Ксавер: du — Pardon — nein Sie Herr Hosenscheißer, Sie! Ganz der Herr Vater, der „gnädige Herr Staatsanwalt” im kleinen! Du Nichtsnutz, du dreckiger, ihr Großkopfeten, ihr (S. 107-109).

Прислуга Христина виняньчила матір Ганса і самого Ганса. Найменування, які вона дає Гансові, свідчать про теплоту й близькість їхніх стосунків. Навіть коли вона сердиться і називає Ганса *du Lumpentierle*, *du*, він сприймає це без образі. Свої почуття до Христини Ганс вкладає в слово *du*: *Das Du zu Christine war ein langgezogenes Du und hieß eigentlich: „Du, liebe, liebe Christine, du...”* (S. 104). З часом звертанням Христини до матері Ганса стає *gnädige Frau, Sie*, а після того як Ганс склав вступний іспит до гімназії, Христина вперше звертається до нього: *gnädiger Herr, Sie* (S. 113).

Наведені приклади (тут можна було б додати приклади з I-ї частини трагедії Гете „Фауст”, які ілюструють спілкування Мефістофеля з Фаустом і теж утворюють послідовність *Ihr — du — Ihr — du*), не підтверджують положення Гумперца про те, що якщо перехід від „ви” до „ти” у певній мірі залежить від волі членів суспільства, то зворотний перехід від „ти” до „ви” взагалі не передбачається. Гумперц підкріплює свою тезу прикладом: подружжя бере розвід, і для обох „ти” перестає бути знаком „стосунку солідарності” (*solidarische Beziehung*), оскільки обоє не можуть зносити одне одного, але вони, видимо, залишаються на „ти”, бо нема іншого вибору (Gumperz 1999: 168).

Релевантними чинниками для переходу від „ви” до „ти” чи, навпаки, від „ти” до „ви” є зміни в часі (T), обставини (C), ситуативний та соціальний статус дійових осіб (P). Модальні значення (M) у художньому тексті теж можуть впливати на вибір найменувань. Розповідний текст характеризується модальним значенням *fiction*, тобто тут йдеться про вигаданий світ, але в межах цього вигаданого світу може бути інший вигаданий світ: мрії, сни персонажів; стан, коли стирається межа між „дійсністю” твору і маренням героя. У романі „Abschied” Ганс уві сні втілюється в свого предка, трактирщика, страченого в 1546 році. Батько Ганса вирвав з родинної хроники листок, присвячений цьому предкові, намагаючись стерти будь-яку пам’ять про нього. Звертання *lieber Herr Vater, hochvererter Erbe und Nachkomme, lieber Herr Staatsvater* (асоціація з *Staatsanwalt, Oberstaatsanwalt*) свідчать про роздвоєння особи, яка звертається до батька. Ці звертання не відповідають логіці роману (батько по відношенню до Ганса не є спадкоємцем і нащадком: *Erbe und Nachkomme*), не узгоджуються з загальною модальністю роману (M_1), але вони стають зрозумілими в контексті відповідного фрагменту з його власною модальністю (M_2).

Отже, різноманітність найменувань референтів (кореференція) у розповідному тексті обумовлена не тільки намаганням автора уникати повторів, прагненням варіювати назви, але передусім референційним ду-

хом, який є суттєвою ознакою таких текстів і наслідком якого є зміна стосунків між дійовими особами.

Стосунки можуть покращуватися, погіршуватися, стабілізуватися, змінюватися з врахуванням соціального рангу (вищий-нижчий). Індикатором референційного духу виступають перш за все часові значення, рух на осі часу. Спосіб зображення референційного руху в розповідному тексті поки що не є досконалим, тому вимагає верbalного опису різних аспектів порівнюваних ситуацій, подій.

ЛІТЕРАТУРА

1. Алексеенко М. Полиноминальность как ономасиологическая категория текста. // *Słowo. Tekst. Czas. Materiały z II Międzynarodowej Konferencji Naukowej*. — Szczecin, 16-17.10.1997 — с. 175-183.
2. Анисимова Е.А. Иерархия наименований лица на различных уровнях смысла художественного текста (на материале рассказов В.Маканина). // *Styl a tekst*. — Opole, 1996 — с. 149-157.
3. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст. // Языковая номинация. Виды номинаций. — Москва, 1977.
4. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. — Москва, 1977.
5. Грицютенко І.Є. І.Франко і питання теорії художньо-образного мовлення. / *Мовознавство* — №2 — 1985.
6. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. — Москва, 1984.
7. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа. — Красноярск, 1982.
8. Рубинштейн С.Л. К вопросу о языке, речи и мышлении. / *Вопросы языкоznания* — № 2 — 1957.
9. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. — Москва, 1959.
10. Bergman Ch. Zur Anwendung quantitativer und qualitativer Ermittlungsverfahren bei textgebundenen Wortfelduntersuchungen. / *Zeitschrift für Germanistik* — № 5 — 1989 — S. 589-596.
11. Gumperz J.J. Kontextualisierung. // Peter Auer. Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern. — Tübingen, 1999. — S. 164-174.
12. Klein W., Stutterheim Ch. von. Text structure and referential movement. / Sprache und Pragmatik — № 22 — 1991 — S. 1-32.
13. Link J. Literaturwissenschaftliche Grundbegriffe. Eine programmierte Einführung auf strukturalistischer Basis. — München, 1974.
14. Prokopczuk O. Veränderlichkeit zwischenmenschlicher Beziehungen in der Kommunikation. // *Wschód — Zachód. Słowianie i Niemcy. Kultura. Język. Dydaktyka. Materiały z I Międzynarodowej Konferencji Naukowej*. — Słupsk, 1998 — S. 216-221.
15. Sager S.F. Sprache und Beziehung. Linguistische Untersuchungen zum Zusammenhang von sprachlicher Kommunikation und zwischenmenschlicher Beziehung. — Tübingen, 1981.
16. Schutte J. Einführung in die Literaturinterpretation. — 3. überarb. u. erweit. Aufl. — Stuttgart, Weimar, 1993.
17. Vater, H. Einführung in die Textlinguistik. Struktur, Thema und Referenz in Texten. — 2. überarb. Aufl. — München, 1994.
18. Watzlawik P., Blavin J.H., Jackson Don D. Menschliche Kommunikation. Formen, Störungen, Paradoxen. — Bern, Stuttgart, Wien, 1969.

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛИТЕЛЬНЫХ И ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сердюк В.Н.

Вопрос о категориальной принадлежности сочетаний “be + причастие I”, “be + причастие II” (непереходных глаголов), “have + причастие II” не нашел однозначного или хотя-бы общепринятого решения среди исследователей, изучающих английский язык как в синхронии, так и в диахронии.

Прежде всего, есть одно существенное различие между подходами грамматистов западных школ и отечественной школы в языкоznании. В западном языкоznании большинство ученых (Jespersen 1935:39; Sweet 1952:112) не принимают понятия “аналитическая форма глагола”, поэтому упомянутые выше конструкции традиционно рассматриваются в разделе “Синтаксис”. Примечательно, что западные языковеды часто пользуются терминами *progressive forms*, *continuous forms* (длительные формы), *perfect forms* (формы перфекта) и называют *be* и *have* “auxiliaries” (вспомогательные глаголы), но при этом оставляют их за пределами морфологии.

В отечественном языкоznании в грамматику (в модифицированном виде) широко внедрялась концепция оппозиций, разработанная Н.С. Трубецким для его фонологической теории (Трубецкой 1960:26). Одним из первых русских грамматистов, попытавшихся описать категории английского глагола с помощью бинарных оппозиций, был А.И. Смирницкий (1959:219).

Другое противоречие состоит в том, что английские длительные и перфектные формы пытаются приравнивать к видовым формам глагола в других языках, например в русском. В некоторых случаях это объяснимо, например, в типологических или сопоставительных исследованиях приходится иметь дело с разноуровневыми языковыми явлениями.

В результате поисков появились основания для сравнения: из-за необходимости привести в какое-то соотношение глагольный вид, предельность/непредельность, способы действия и т.п. была выдвинута концепция аспектуальности как функционально-семантической категории или функционально-семантического поля (Бондарко 1984:5).

Известны попытки описания видо-временных форм английского глагола в терминах направленности/ненаправленности действия на дости-

жение предела; достигнутости/недостигнутости действием предела; динамичности/статичности действия; результативности действия; временной локализованности/нелокализованности действия; зависимой/независимой ориентированности действия во времени; обобщенности факта (Акимова 1984:71).

В западной лингвистической литературе обращает на себя внимание одна попытка описать длительные и перфектные формы в рамках единой категории вида. Б. Комри понимает вид (*aspect*) как способ представления ситуации с точки зрения ее внутреннего развития во времени. Его описание длительной формы идеально вписывается в данное определение, но, как он признает, перфект отличается от других видовых форм временной отнесенностью, потому что связывает два временных плана: время состояния как результата предшествующей ситуации и время этой предшествующей ситуации, иными словами — перфект содержит элемент относительного времени (Comrie 1976:85). Следовательно, по Б. Комри, перфект — это видовая форма, но он отличается от других видовых форм тем, что выражает относительное время. Возможно это находит оправдание в том, что взаимодействие категории вида с близкой ей категорией времени является особенно тесным.

Мнение это довольно распространенное. Многие исследователи рассматривают категорию вида в тесной связи с категорией времени. Например, М.К. Курбанов (Курбанов 1978:83) говорит о неправомерности отделения категории вида от категории времени, преувеличения ее независимости. Г.Т. Сильницкий (Сильницкий 1970:151) также считает, что временные и видовые значения английских глаголов гораздо теснее связаны между собой, чем в русском языке.

Но различия между аспектологическими сферами английского и русского на самом деле гораздо более глубокие. В русском языке морфологически закреплено основное противопоставление совершенный/несовершенный вид. В отличие от русского, в английском языке вид не является морфологической категорией в традиционном понимании.

При аспектологическом сопоставлении языков, например, германских с русским, многие лингвисты опираются на противопоставление предельности/непредельности. Это в какой-то мере помогает описывать видовые отношения в сопоставляемых языках, но не следует смешивать видовой характер глагола и грамматическую категорию вида.

Попробуем, тем не менее, убедиться насколько сопоставимы видовые формы русского глагола с длительными и перфектными формами английского глагола.

Обзор существующих концепций позволяет вывести общую точку зрения, согласно которой наиболее специфичным положительным признаком прогрессива является признак процессуальности, конкретности протекания действия (Смирницкая 1977:5). Признак незаконченности является второстепенным, хотя в некоторых случаях он пропускает более отчетливо, не снимая при этом общего значения процессуальности.

Таким образом, упомянутые выше основные семантические характеристики прогрессива сужают область тех значений русского несовершенного вида, которые могут передаваться длительными формами английского глагола. Кроме того, по этому признаку не могут быть противопоставлены длительные и простые формы английского глагола, так как простые (*simple*) или, как их еще называют неопределенные (*indefinite*) формы также могут передавать несовершенность, незаконченность действия (в случае непредельных глаголов), ср.:

How they toiled and sweated to get the hay in! But their efforts were rewarded, for the harvest was an even bigger success than they had hoped (George Orwell. *Animal Farm*, 7)

Если же сравнить русские формы совершенного вида и английские формы перфекта, то вновь обнаружатся существенные, на наш взгляд, расхождения.

Отвлекаясь от варьирующегося количества признаков, которые находят у перфекта, остановимся на основном - предшествование действия моменту речи (Present Perfect), моменту или действию в прошлом (Past Perfect), моменту или действию в будущем (Future Perfect). На первый взгляд, можно было бы провести параллель между формами русского совершенного вида и английского перфекта.

Существенное отличие русской формы совершенного вида состоит в том, что одна и та же форма (например, "сделал") может соотноситься как с моментом речи, так и с каким-либо моментом в прошлом (сделал к моменту, когда я это говорю и сделал вчера / перед тем, как пошел в кино). В английском же языке перфект настоящего времени и перфект прошедшего времени — две разные формы.

Далее, если предположить, что совершенность и законченность действия — одно и то же, то, например, форма настоящего времени перфекта не всегда выражает законченность. Например, предложение "I have lived here for two years" переводится на русский язык в зависимости от контекста как "Я прожил здесь два года" и "Я живу здесь два года", а предложение "I have known him for two years" можно перевести на русский язык только как "Я знаю его два года". С другой стороны, неперфектная форма будущего времени в английском языке может передавать

те же значения, что и форма совершенного вида в русском языке, ср.: *He will go there tomorrow. Он пойдет туда завтра.*

Кроме того, в русском языке нет форм, соответствующих перфекту и длительному перфекту будущего времени английского языка. Ср.:

Sooner or later all the souls in Purgatory will have earned themselves a place up in Heaven. (Mary O. Malley. Once a Catholic, 75)

The register will have been running for a year in May (Cobuild 1990:316)

Значение глагола в первом предложении при переводе на русский язык может быть передано с помощью будущего времени совершенного вида — “заслужат”, а при переводе второго приходится прибегнуть к лексико-синтаксическим трансформациям — “В мае исполнится год, как издается этот журнал”.

Таким образом, английские прогрессив и перфект, противопоставленные индефинитным формам, ни вместе, ни в отдельности не аналогичны оппозиции совершенный/несовершенный вид в русском языке. Поэтому лучше считать, что слово “вид”, входящее в состав термина “категория вида” в русском языке и слово “вид”, входящее в состав термина “категория вида” в английском языке, являются лишь омонимами.

Лишь сравнительно недавно прогрессив и перфект стали относить к категории вида (Радченко 1980:149; Quirk 1982:77).

В отечественной англистике первым был отделен от времени прогрессив (Смирницкий 1959:230), перфект же относили то к категории вида (Иванова 1981:119), то к особой видо-временной категории, которую называли категорией временной отнесенности (Бархударов 1975:83, фазы (Joos 1964:118).

Как уже отмечалось, теория оппозиций и дистрибутивный анализ вначале были разработаны в фонологии.

В применении к грамматике наиболее распространенными являются бинарные привативные оппозиции, состоящие из маркированного и немаркированного членов. Большинство грамматических категорий английского языка строится на бинарных привативных оппозициях, и только категория глагольного времени как-будто представлена трехчленной оппозицией. Эта трехчленная оппозиция иногда рассматривается как “эквиполентная”, т.е. как оппозиция, в которой все три члена маркованы по какому-либо признаку, хотя и категорию времени в английском языке можно представить в виде нескольких привативных бинарных оппозиций: прошедшее — не прошедшее; настоящее — не настоящее; будущее — не будущее.

Кроме того, до сих пор нет достаточно аргументированного доказательства такой возможности.

Дистрибутивный анализ — необходимое условие для установления категорий английской грамматики. Различают три вида дистрибутивных отношений (Харрис 1964:40): 1) если элементы А и Б встречаются в одном и том же окружении, но различают значения единиц, в состав которых они входят; то они находятся в отношении контрастной дистрибуции (и образуют привативную бинарную оппозицию); 2) если значения элементов А и Б идентичны, и их окружения совпадают, но в окружении элемента А всегда присутствует элемент Х, не встречающийся в окружении элемента Б, то считается, что они находятся в отношении дополнительной дистрибуции; 3) если элементы А и Б всегда встречаются в одинаковом окружении и их значения не различаются, то они находятся в отношении свободного варьирования.

Длительные и перфектные формы не удовлетворяют первому виду дистрибутивных отношений ввиду их совместной встречаемости. Таким образом, они не могут быть членами привативной бинарной оппозиции. Они не находятся в отношении дополнительной дистрибуции по той же причине совместной встречаемости, а также потому, что в аналитической форме длительного перфекта категориальные признаки длительности и относительного предшествования сохраняются. Именно поэтому прогрессив и перфект не являются свободными вариантами одной и той же грамматической формы.

Следовательно, на основании дистрибутивных признаков прогрессива и перфекта заключаем, что они не образуют общей грамматической категории.

Большинство упомянутых и других отечественных языковедов, выделяющих перфект в особую категориальную форму, исходят из принципа взаимоисключаемости грамматических значений, противопоставляемых в бинарных оппозициях (Бархударов 1975: 111) — как известно, прогрессив и перфект могут совмещаться в аналитических формах настоящего, прошедшего или будущего времени.

Мы считаем целесообразным придерживаться бицентрической или двухфокусной модели при описании видо-временной системы английского глагола. Будем считать, что формы перфекта, противопоставленные неперфектным формам, образуют категорию временной отнесенности, а оппозиция “длительные/недлительные формы” представляет категорию вида.

ЛІТЕРАТУРА

1. Акимова Т.Г. Семантические признаки в сфере качественной аспектуальности и функционирование видо-временных форм английского глагола // Теория грам-

матического значения и аспектологические исследования. — Л., 1984. — С. 71 – 91. 2. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. — М.: Высш. шк., 1975. — 156 с. 3. Бондарко А.В. Теория значения в аспектологических исследованиях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. — Л.: Наука, 1984. — С. 5 – 21. 4. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. — М.: Высш. шк., 1981. — 285 с. 5. Курбанов М.К. О месте категории футуральности в системе английского глагола : Межвуз. тем. сб. Грамматические и лексико-семантические исследования в синхронии и диахронии. — Калин. гос.-ун-т, 1978. — С. 83 – 99. 6. Радченко Д.Г. Видовое значение длительных форм глагола в современном английском языке. — М.: Высш. шк., 1980. — 279 с. 7. Сильницкий Г.Г. О категориях вида и временной соотнесенности // Учен. зап. Смоленск. пед. ин-та. — 1970. — Вып. XXV. — С. 151 – 154. 8. Смирницкая О.А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. — М.: Наука, 1977. — С. 5 – 127. 9. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. — М.: Изд-во иностр. лит., 1959. — 440 с. 10. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. 11. Cobuild. Collins Cobuild Students Grammar. — London and Glasgow: William Collins Sons and Co Ltd., 1990. — 486 p. 12. Comrie B. Aspect. Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976. — 142 p. 13. Harris Z.S. Distributional Structure // The Structure of Language / Ed. by Fodor and J. Katz. Englewood Cliffs. — N.Y.: Prentice-Hall, 1964. — P. 33 – 49. 14. Jespersen O. Growth and Structure of the English Language. — Oxford: Basil Blackwell, 1935. — 239 p. 15. Joos M. The English Verb // Form and Meanings. — Madison: Milwaukee, 1964. — 251 p. 16. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. — Moscow, 1982. — 391 p. 17. Sweet H. A New English Grammar Logical and Historical. P. 2. Syntax. — Oxford: Clarendon Press, 1952. — 211 p.

ТЕРМІНИ, ЩО ВИРАЖАЮТЬ НОВІ ЗНАННЯ, У СТРУКТУРІ АНГЛОМОВНИХ НАУКОВИХ ТЕКСТІВ

Скорохідко Е.Ф.

Головним структуротвірним елементом наукового тексту є термін. Проте терміни не є однорідними як за своєю будовою і семантикою, так і за функціями у тексті. З комунікативного погляду на особливу увагу заслуговують особливості терміна, пов'язані з його призначенням повідомляти нову інформацію.

Для читача новими є ті знання, якими він не володів до прочитання тексту, які збагачують його інформаційний потенціал. Дещо спрощено можна вважати, що науковий текст несе інформацію про певні поняття та про зв'язки між ними. Отже, існують два типи нових знань: інформація про нові поняття та інформація про нові зв'язки між поняттями (звичайно, коли вводиться нове поняття, йдеться також і про зв'язки між поняттями. Але у цьому випадку акцентуються зв'язки між новим поняттям та тими поняттями, що існували раніше. У другому випадку йдеться лише про зв'язки між "старими" поняттями).

Відповідно до цього можна виділити два базові типи наукових текстів. Перші мають за мету повідомити про нове поняття, і вся структура тексту підпорядкована цьому завданню. Мета текстів другого типу — ознайомити читача з новими зв'язками між поняттями, які були знайомі йому раніше.

Прикладом тексту першого типу може слугувати стаття "Data Categorization Using Decision Trellises" (1). У ній запропоновано нове поняття "decision trellises", яке визначається як узагальнена сітка Байеса, побудована на лінійному ланцюжку прихованих змінних, що використовується для видобування знань із бази даних. Зміст статті — розкриття цього поняття, його обґрунтування, можливості використання.

Інша стаття з цього ж номеру журнала — "Building Hypertext Links By Computing Semantic Similarity" — є представником текстів другого типу. Тут не введено жодного нового поняття (що не робить її менш цінною), натомість пропонується використання одного відомого поняття (обчислення семантичної подібності) для реалізації іншого відомого поняття (автоматичної побудови гіпертекстових зв'язків).

Ще два приклади. Текст першого типу — стаття "Learning Translation Templates From Examples" (2). Тут запропоновано нове поняття "generalized exemplar based machine translation", яке трактується авторами як метод

автоматичного перекладу, що ґрунтуються на формуванні автоматичною системою узагальнених типових конфігурацій вхідної та вихідної мов, у яких певні структурні компоненти замінено спеціальними змінними величинами, між якими встановлено зв'язок. Текст другого типу — стаття "The MaStA [Massachusetts St Andrews] I/O Cost Model and its Validation Strategy" (3), присвячена опису співвідношення між способом відновлення даних (data recovery mechanisms) та системними витратами (costs або overheads).

Абсолютно новим поняттям є таке, що його вперше введено у певному тексті. Можна говорити також про квазінове поняття, тобто про таке, яке було запропоновано (автором тексту чи іншим автором) раніше, використовувалося у кількох публікаціях, але ще не увійшло в науковий обіг. В обох випадках таке поняття невідоме практично всім фахівцям у відповідній галузі. У контексті цієї статті новими поняттями вважаються обидві типи.

Обов'язковими формальними ознаками нового поняття є наявність у досліджуваному тексті його дефініції та відсутність такої у фахових словниках. В той же час ці ознаки не є достатніми. По-перше, авторам наукових текстів часто доводиться уточнювати, в якому саме значенні вони використовують той чи інший багатозначний термін. По-друге, лексикографічні джерела, як правило, взагалі не фіксують вузькоспеціальні та рідко вживані поняття.

Різниця між двома типами нових знань відбувається у доборі мовних засобів, що вживаються у науковому тексті. Тексти, в яких йдеться про нові поняття, містять неоніми. За формулою неонім — це слово або слівосполучення (зокрема, розгорнутий опис відповідного об'єкту). Автор тексту, вводячи нове поняття, дає йому дефініцію. Цим самим він включає його до певної системи наукових понять. Тому неонім задовільняє двом головним вимогам до терміна — дефінованості та системності. Проте окажіональність вживання не дозволяє зарахувати його до термінів. Неонім — це лише потенційний термін (прототерм). Очевидно, що закріплення нового поняття у поняттєвій системі відповідної галузі знань, розширення сфери його вживання поступово переводить неонім до категорії уstanовлених термінів.

В текстах, де йдеться про нові зв'язки між відомими поняттями, неоніми відсутні. Фахова лексика в них представлена нотонімами — термінами, що виражают відомі поняття. У наведених вище прикладах терміни *decision trellises* та *generalized exemplar based machine translation* є неонімами, а *hypertext link*, *semantic similarity*, *data recovery mechanism*, *cost* та *overhead* — нотонімами. До речі, нотоніми *cost* та *overhead* (у відповідних значеннях) відсутні у фахових словниках, а нотоніму *semantic*

similarity, часто вживаному, але нечітко визначеному, автор дає свою дефініцію.

Отже, неонім виражас поняття, яке є новим практично для будь-якого читача. Але для кожного окремого читача новим може виявитися і поняття, виражене нотонімом. Припустімо, що текст лінгвістичної статті містить речення: *для обґрунтування гіпотези про з'язок між семантикою слова та його структурною складністю використано метод компонентного аналізу, а також такі методи статистичного аналізу, як кореляційний, дисперсійний та Краскела-Уоліса*. Тут немас жодного неоніма. Новим знанням є інформація про з'язок (інструментальний) між “старими”, тобто такими, що існували до появи цього тексту, поняттями “семантика слова” та “структурна складність”, з одного боку, і “компонентний аналіз”, “статистичний аналіз”, “кореляційний аналіз” тощо, з іншого. Але з великою ймовірністю можна припустити, що поняття “дисперсійний аналіз” та “аналіз Краскела-Уоліса” для пересічного мовознавця невідомі, а “статистичний аналіз” та “кореляційний аналіз” він розуміє дещо спрощено.

Отже, можливі три випадки сприйняття терміна конкретним читачем: до прочитання тексту а) читачеві було невідомо про існування відповідного поняття (значення терміна було йому невідоме), б) знання читача про відповідне поняття були не повні або не точні (значення терміна в його розумінні було неповним або неточним), в) читач мав фахове розуміння поняття (повністю володів відповідним термінологічним значенням).

Таким чином, новизна поняття для людини — категорія не бінарна (“відоме / не відоме”), а градуальна, від повної необізнаності навіть з існуванням відповідного об’єкту чи явища через його поверхове розуміння до професійного, досконалого володіння поняттям.

Поняття визначається своїм змістом, тобто необхідно і достатньою сукупністю ознак, які характеризують відповідний предмет (явище, дію, якість тощо) та виділяють його поміж інших предметів. Отже, ступінь новизни певного поняття для конкретної особи можна трактувати як різницю між дійсним змістом поняття, і тим змістом, яке приписує йому читач. Віддзеркаленням змісту поняття у семантиці терміна є інтенсіонал його значення. Тому ступінь новизни поняття (і терміна, що його виражас) можна визначити, порівнюючи ієрархічно упорядковану сукупність семантичних складників, яка відбиває дійсне значення терміна, з аналогічною сукупністю, що відбиває розуміння терміна читачем.

Припустімо, що до ознайомлення з певним текстом читач розумів термін *market* як “gathering of people for buying and selling goods” (згідно з попу-

лярним тлумаченням у загальнолітературних словниках). У відповідності з цим розумінням значення терміна *market* має таку структуру:

Семантичні складники першого рівня (безпосередні) — ‘gathering of people’, ‘buying and selling goods’.

Семантичні складники другого рівня (опосередковані через безпосередні) — ‘gathering’, ‘people’, ‘buying goods’, ‘selling goods’.

Семантичні складники третього рівня (опосередковані через складники другого рівня) — ‘buying’, ‘selling’, ‘goods’ (про методику виділення семантичних складників і побудови структури значення — семантичного коріння — детальніше у (5).

Ознайомлення з текстом сформувало у читача розуміння терміна, на близжене до його термінологічного значення — “any group of people representing potential buyers for a product or service, usually classified according to age, sex, income, and other demographic factors” (4). Згідно з ним структура терміна має такий вигляд:

Семантичні складники першого рівня — ‘group of people representing potential buyers for a product or service’, ‘classification according to demographic factors’.

Семантичні складники другого рівня — ‘group of people’, ‘potential buyer for a product or service’, ‘classification’, ‘demographic factor’.

Семантичні складники третього рівня — ‘group’, ‘people’, ‘potential buyer’, ‘product or service’.

Семантичні складники четвертого рівня — ‘potential’, ‘buyer’, ‘product’, ‘service’.

Семантичні складники п’ятого рівня (отримані шляхом декомпозиції значення ‘buyer’) — ‘person’, ‘buying’.

Отже, до значення терміна *market*, яке сформувалося у читача після ознайомлення з текстом, увійшли додатково складники ‘classification according to demographic factors’, ‘potential buyer’, ‘service’. Оскільки було застосовано бінарну декомпозицію значення, на кожному кроці виділялося по два семантичні складники. Тому питому вагу семантичного складника у структурі значення можна обчислити за формулою $W = 1/2^d$, де d — рівень складника. Згідно з цією формулою питома вага безпосереднього складника ‘classification according to demographic factors’ дорівнює 0,5; а опосередкованих складників ‘potential buyer’ та ‘service’, відповідно, 0,125 і 0,0625. Таким є їхній внесок у значення терміна. Сума цих цих величин є мірою неповноти розуміння терміна до прочитання тексту. Вона ж визначає приріст знання щодо відповідного поняття після ознайомлення ³ з текстом.

Ймовірність того, що значення певного терміна-нотоніма виявиться не повністю відомим тому чи іншому читачу, залежить від його семантичної складності (5). Семантична складність лексичної одиниці визначається у першу чергу загальною кількістю її семантичних складників (безпосередніх та опосередкованих) у межах відповідного лексико-семантичного угруповання. У стосунку до терміна семантичну складність можна інтерпретувати також як інформаційну насиченість (6). В середньому чим більша семантична складність (інформаційна насиченість), тим більша ймовірність того, що термін виявиться зовсім або частково незнайомим читачу (це стосується, перш за все, фахівців у суміжних галузях знань, а також тих, хто не працює у тій вузькій ділянці, до якої належить відповідне поняття).

Терміни з великою (максимальною та близькою до максимальної) семантичною складністю можна назвати інформативними маркерами. Як правило, вони виражаюти вузькоспеціальні поняття.

Інформативні маркери мають дві характерні риси: по-перше, вони виражаюти поняття, невідомі (або не досить відомі) частині читачів; по-друге, зв'язки саме між цими поняттями найчастіше формують нову інформацію у текстах другого типу.

У певному розумінні їхньою протилежністю є індикативні маркери — терміни з великою кількістю безпосередніх та опосередкованих семантичних дериватів (семантичний дериват певної лексичної одиниці — це слово чи словосполучення, значення якого містить значення цієї одиниці як семантичний складник. Наприклад, дериватами *buying* є *buyer, potential buyer, market*). Індикативні маркери мають найбільшу семантичну продуктивність у тому розуміння, що їхні значення містяться в семантиці більшості членів відповідної терміносистеми. Семантичну продуктивність терміна можна інтерпретувати як його когнітивну вартість. Головна дискурсна функція індикативних маркерів — позицювання змісту тексту у семантичному просторі відносно системи певних базових координат.

Таким чином, у науковому тексті можна виділити такі категорії термінів:

- неоніми (терміни, які виражаюти нові поняття, тобто поняття, невідомі всім фахівця відповідної галузі знань або переважній більшості таких фахівців, за винятком авторів та їхніх учнів чи послідовників);
- інформативні маркери (терміни-нотоніми, які виражаюти складні вузькоспеціальні поняття, ймовірність неповного або неточного розуміння яких є досить великою);
- індикативні маркери (терміни-нотоніми, які виражаюти базові поняття відповідної галузі знань);
- решта нотонімів.

Між інформаційною насиченістю та когнітивною вартістю терміна, з одного боку, і його позицією в лінійно-композиційній структурі тексту, з іншого, існує певний зв'язок (6; 7). В середньому інформаційна насиченість термінів дещо збільшується, а когнітивна вартість — зменшується із збільшенням відстані від початку текста. Останні дослідження показали, що положення терміна у тексті (порядковий номер речення, у якому він міститься) на 20 відсотків визначається саме цими його характеристиками. Головну роль відіграє інформаційна насиченість терміна: її внесок складає 15 відсотків.

Інформативні маркери концентруються переважно у центральній частині наукової статті, в межах розділу — в центральних абзацах, в межах абзацу — в центральних реченнях.

Неоніми розташовано у тексті наукової статті практично так само. Це пояснюється, очевидно, тим, що нові поняття, запропоновані автором тексту, розглядаються паралельно із відомими раніше, усталеними поняттями.

В той же час різниця у концентрації неонімів у різних розділах статті є більшою, порівняно з нотонімами усіх типів. Тому неоніми, очевидно, можуть бути використані як маркери теми дискурсу.

ЛІТЕРАТУРА

1. Knowledge and Data Engineering. - Vol. 11. - No. 5. - September 1999.
2. Information Systems. - Vol. 23. - No. 6. 1995.
3. Advances in Databases and Information Systems. — Springer, 1995.
4. Cross, Wilbur. Prentice Hall Encyclopedic Dictionary of Business Terms. — Prentice Hall, 1995.
5. Сороходько Е.Ф. Сіткове моделювання лексики: лінгвістична інтерпретація параметрів семантичної складності // Мовознавство. — 1995. — № 6. — С. 19 - 28.
6. Сороходько Э.Ф. Семантическая продуктивность и семантическая емкость слова в общеупотребительной и терминологической лексике: некоторые количественные характеристики // Научно-техническая информация. Сер. 2. — 1997. — № 2. — С. 1 - 13.
7. Скопюк Т. Г. Термін у семантичній структурі англомовного наукового тексту: Автореф. дис... канд. фіолол. Наук: 10.02.04 / Київський ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 1997. — 20 с.

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ В ДРАМЕ

Солощук Л.В.

С тех пор как лингвисты заинтересовались возможностями и особенностями невербальной коммуникации, было выявлено множество удивительных вещей. В наше время уже никто не выражает сомнения в том, что искусство общения должно трактоваться как единство вербального и невербального (12). Невербальные элементы коммуникации (НВК) являются неотъемлемой частью человеческого общения, так как речь не может быть освобождена от семантики жестов, мимики, взглядов, телодвижений, интонаций. Не учитывать НВК при изучении коммуникативного процесса – “значит в значительной степени упростить (если не исказить) картину реальной коммуникации (7 : 464). В реальной ситуации общения НВК воспринимаются зрительно и на слух. При передаче их в письменном тексте они переводятся в словесные выражения, хотя Д.Н.Шмелев и отмечает, что “бумага бессильна передать ... игру и тембр голоса, манеру произношения, мимику, жесты, а главное – интонации” (10 : 21). Следовательно, даже при полной передаче пропозиционального компонента часть информации о коммуникативной направленности высказывания будет утрачена, если при передаче диалога в письменном тексте найдут отражение лишь реплики персонажей. Их речь покажется несвязной и нелогичной. В драматургическом произведении здесь на помощь приходит ремарка, которую Дж.Остин охарактеризовал как “изощренное средство, способное прояснить силу высказывания или то, как в единственном смысле ее следует воспринимать...” (6 : 70). Авторская ремарка в драматургическом произведении свидетельствует о наличии НВК в диалоге драмы. Таким образом, история развития ремарки в составе диалога драмы – это своеобразная иллюстрация развития роли НВК в процессе организации коммуникативного процесса.

В Древнем мире, в Средние века, в Эпоху возрождения, когда пьесы предназначались прежде всего для сцены, а драматурги часто сами были и актерами, и режиссерами, и могли лично давать указания актерам, ремарки были немногочисленны и кратки (появление персонажей на сцене, удаление со сцены, важнейшие их действия). Даже в драматургии Эпохи Просвещения ремарки, а вместе с ними и НВК в составе диалога, еще не получают интенсивного развития. Например, в “Школе злого

словия” Р.Б.Шеридана сводятся буквально к трем вариантам: “Enter Servant/ Re-enter Servant. Exit Servant. Going.” Вариации составляют лишь имена персонажей, упоминаемых в данных ремарках. Изредка встречаются адресатные ремарки, указывающие, кому обращена речь того или иного персонажа. Роль НВК, таким образом, сведена к минимуму, что придает диалогу некоторую искусственность и неестественность. Реплики персонажей затянуты и сложны для восприятия. Ш.Балли писал: “Если бы мы каждый раз должны были выражать мысли во всей своей полноте и с указанием всех существующих взаимосвязей, то речевое общение между людьми стало бы невозможным. Человеческий ум постоянно стремится к замене громоздких скоплений речевых фактов более краткими лингвистическими символами.” (2 : 23).

В.В. Одинцов указывает на возрастающее внимание к диалогу в художественной литературе 70-80-х годов ХХ века и отмечает, что начинают широко использоваться многоточия и черточки для показа взлобованности персонажа, а также появляются черточки для отделения реплик друг от друга. Это было уже признаком отделения ремарки от реплики, осознание самостоятельности ремарки, ее выразительных возможностей, а значит это было одним из первых признаков признания необходимости участия НВК в коммуникативном процессе. “Ремарка отрывается от реплики, оформляется как самостоятельное предложение и предшествует (“возвещающая ремарка”) реплике или следует за ней” (5 : 65). И хотя в “Литературной энциклопедии” 1935 года издания еще отмечается, что “...ремарки ничем своего присутствия в спектакле не обнаруживают и остаются лишь неким инородным, чуждым драматургическому произведению беллетристическим привеском” (4 : 601), развитие драматического искусства подтвердило право ремарки (а значит и НВК) на существование, определило ее значение и необходимость в драматургическом произведении. Стремление максимально имитировать реальный разговорный процесс приводит к тому, что неполные предложения, эллиптические конструкции, инверсионный порядок построения предложений в репликах становятся синтаксической нормой драматургической диалогической речи. Восполнение недостающей информации, связность, эмоциональность общения обеспечиваются также факторами, лежащими вне словесной коммуникации. Начиная с XIX века ремарки становятся все более подробными и многообразными по стилю и функциональной направленности.

Следует отметить, что в драматургическом произведении автор имеет возможность “предстать” перед читателем непосредственно только в ремарке. В реплике точка зрения автора выражается опосредованно, через

речь его героев. В драме “Недоразумение” А.Камю для воплощения невыразимого, необъяснимого, незримо присутствующего и вершащего произвол в делах своих используются невербальные средства коммуникации (жесты, мимика, взгляды, значимые паузы, техника умолчания и т.п.), которые находят описание в ремарках. Символ судьбы, который можно сравнить с всесильным “Некто” в символической драме, воплощен в “Недоразумении” в образе Старого слуги. На протяжении всей пьесы Старый слуга произносит только одно слово. Его сценическая судьба отмечена в ремарках : то он время от времени возникает где-нибудь в рамке двери, то стоит под окном, то бесшумно, как тень, пересекает сценическую площадку. Но всегда его появление связано с узловыми, поворотными моментами драмы. (9 : 32-33). Таким образом, персонаж, сценическая жизнь которого представлена лишь невербальными средствами коммуникации, становится практически основным действующим лицом пьесы. В пьесе “Чайка” А.П.Чехова персонажи, обозначенные в перечне действующих лиц как “повар”, “горничная”, далее в тексте появляются только в авторских ремарках, проживая на сцене жизнь, представленную невербальными средствами коммуникации.

Б. Шоу считал необходимым расширять изобразительные возможности драматургии за счет изменения характера ремарки: “Дело, стало быть, не в том, чтобы напечатать и выпустить в свет диалог пьесы, а в том, чтобы полностью донести содержание до читателя... и в пьесах краткая и сухая мизансцена разовьется в целую главу или даже ряд глав...” (11 : 14). В 60-е годы XX века возникает термин “беллетризованные ремарки” (1 : 47), содержанием которых становится не только описание невербальных действий персонажей, на присутствие которых реагирует структура и семантика непосредственно связанных с ними реплик. Беллетризованные ремарки представляют собой довольно объемные авторские отступления и рассуждения по ходу действия пьесы, которые имеют характер повествования и занимают относительно независимое положение по отношению к самому драматическому диалогу. Беллетризованные ремарки имеют законченный смысл и структуру даже без учета реплик персонажей и служат обеспечению связности уже не отдельных реплик персонажей, а целых сцен и актов. Такие ремарки напоминают повествование автора в романах и повестях. Однако, законы драматургического жанра все же способствуют развитию и совершенствованию тех ремарок, которые вплетаются в ткань речевого общения, являя собой единство вербального и невербального. Назначение последнего связано с раскрытием внутреннего содержания диалога. Внешнее слово комментируется внутренним событием в виде мимики и жестов. В отличие от слова жест

выражает и подсознательное, отмечает Брандес М.П. (2 : 146). Язык жестов дополняет и углубляет диалог, делает его образным. Ремарки же обеспечивают полноту высказывания в репликах диалога и одновременно обеспечивают его лаконичность. Анализ произведений Б.Шоу показывает высокую вариативность ремарок, используемых им. В его произведениях представлены все классы ремарок согласно нашей классификации, осуществленной на базе современных драматургических произведений и представленной в (8) . (Ср.: В произведениях У.Шекспира, Р Шеридана представлены практически только адресатные ремарки и один подкласс акциональных ремарок – сообщение о появлении на сцене и удалении со сцены. Удельный вес ремарок иного плана ничтожно мал.) Возрастающая роль ремарок в организации диалога в современном драматургическом произведении, их количество и объем являются одним из доказательств возрастающей роли НВК в процессе организации коммуникативного процесса. Обратите внимание на то, как часто вы сами обращаетесь к этому способу передачи информации и воздействия на партнера по коммуникации a wide smile, a fake smile, a genuine smile, a sly, evil smile, a nasty smile, a short, plastic smile, a forced smile, a mocking smile, a patented grandfather's smile of complete trust and wisdom and reassurance, a patronizing smile, a nervous glance, a shocked stare, a look of earnest hope on the face, a questioning look, to gaze with the gentlest bewilderment, calculated to melt a heart of stone, to look with hostility and suspicion, to stare at somebody blankly until he repeats the order/ question, to stare with wide, lost eyes, a quick glance. НВК передают информацию настолько точно и быстро и имеют такую силу воздействия, что для идентичного словесного выражения потребовалось бы гораздо больше времени и вербальных затрат. Роль взглядов в межличностной коммуникации трудно переоценить : he refused to look at him, he avoided her eyes, he looked away красноречиво свидетельствуют об отсутствии намерения установить речевой контакт. Взгляд может передать многое, и коммуниканты стремятся читать по глазам, так как считается, что глаза никогда не врут: "ask him and see if his eyes can convince you of the truth", her eyes asked, she pleaded with her eyes, she drilled a hole in him with her tiny fierce eyes, the eyes shot desperately. Не менее важны для создания целостности, гармоничности, эмоциональности и успешности коммуникативной деятельности жестовое и просодическое поведение коммуникантов : to shrug approval, to give somebody an affectionate pat, with a gesture of despair, with a deprecating gesture, to say apologetically, proudly, viciously, ironically, irritably, etc.

Иногда человек намеренно сообщает другому некоторую вербальную информацию с целью увидеть его непосредственную реакцию, так как зачастую НВК более истинны и правдивы, чем вербально оформленное высказывание. Адресант может позволить себе передать невербально даже больше информации, чем ему положено, достигая при этом двух целей: передать информацию и обезопасить себя от негативных последствий за ее передачу : He smiled sheepishly, another trademark. When the answer was yes, but he couldn't say it, but he wanted to send a message anyway, he just grinned at the reporters and said, "I can't comment on that". Письменные аналоги НВК, как видно из примеров, отличаются многообразием стилистических и синтаксических ресурсов, которые еще требуют своего исследования.

Обобщая изложенное выше, следует отметить, что вступая во взаимодействие друг с другом, коммуниканты во многом опираются на невербальные средства коммуникации. И это неудивительно. Люди зачастую обращают больше внимания на жесты, мимику, интонацию, внешность, манеры друг друга, чем на то, что обсуждается при этом. Владея НВК, мы владеем эффективным оружием, позволяющим нам добиться успеха в общении, произвести хорошее впечатление, понять намерения, мысли и чувства окружающих. Этим, очевидно, и объясняется тот факт, что в настоящее время исследование возможностей использования НВК и особенностей их представления в структуре письменного текста проникает в круг приоритетов.

ЛІТЕРАТУРА

1. Апушкин Я.В. Драматическое волшебство. – М.: Мол. гвардия, 1966. – 175 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. – 396 с.
3. Брандес М.П. Стилистический анализ (на материале немецкого языка). – М.: Высшая школа, 1972. – 192 с.
4. Литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – Т.9.
5. Одинцов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1973. – 104 с.
6. Остин Дж.Л. Слово как действие \\ Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С.22 – 129.
7. Русская разговорная речь (под ред. Е.А.Земской). – М.: Наука, 1973. – 488 с.
8. Солощук Л.В. Структурно-семантические и прагматические характеристики ремарок в драматургическом произведении (на мат-ле английского языка). – Дисс... канд. филол. наук. – Киев: Киевский госуниверситет, 1990. – 172 с.
9. Шерванидзе В.В. Ранняя драматургия Альбера Камю // Филологические науки. – 1988. – № 1. - С.28 – 34.
10. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
11. Шоу Б. Избранное. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. – 131 с.
12. Advances in Nonverbal Communication. – Amsterdam, 1992.

ІМПЛІКАЦІЇ В ДИСКУРСІ

Старикова О.М.

Ткачук-Мірошниченко О.Є.

Імплікації, під якими ми розуміємо невербальну інформацію, реалізуються як в реченні, так і в тексті, входять до інформаційного поля письмового дискурсу в якості його (поля) істотної складової.

Імплікація є важливим елементом рекламного дискурсу, обумовленим власне характеристиками та особливостями реклами як жанру, причинами екстраполінгвістичного та інтралінгвістичного характеру.

Інтенція тексту може бути пов'язана з бажанням вплинути на ті чи інші сторони адресата комунікації – на його емоційну та інтелектуальну сферу, побудити його до дії. "Текст, який має таке цільове призначення, здатний створювати нові життєві події: він змінює психологічний стан адресата, впливає на фонд його знань, систему оцінок або поглядів, змушує діяти" (Арутюнова 1992).

При аналізі рекламного дискурсу ми повинні відштовхуватися від того факту, що в даному випадку мова є не засобом передачі повідомлень, а засобом керування людьми за рахунок мовних одиниць. Інтенція полягає не лише в ознайомленні читачів з новою продукцією або послугою, а також в змушенні клієнта купити або скористатися запропонованою послугою або товаром, схилити до дії, необхідної рекламодавцям. Це узгоджується з "управлінською концепцією" спілкування, згідно з якою функція повідомлення полягає в цілеспрямованому перетворенні свідомості адресата" (Васильев 1986).

Говорячи про рекламу як про "явне маніпулювання суспільною свідомістю", як про "насильницьку комунікацію" - адже не ми є ініціаторами комунікації, це реклама знаходить нас та нав'язує нам своє "спілкування" - можна уявити когнітивну модель рекламного дискурсу таким чином: адресант мусить побудити адресата до дії, мотивувавши свій намір. Таким чином, дискурсивна модель ментального процесу носить "агресивний" характер, хоча "ступінь агресивності" може варіюватися.

Мовна репрезентація даної моделі може бути експліцитною та імпліцитною. Зокрема в рекламного дискурсі зустрічаються наступні варіанти:

- імплікація ін'юктивної частини моделі, внаслідок чого здійснюються перенесення прагматичного значення ін'юктива на номінацію мотиваційної частини моделі;

- експлікація мотивації, яка іноді може обмежуватися простим перерахуванням об'єктів реклами;
- експлікація ін'юктивного елементу, переважно за рахунок використання дієслів в імперативній формі;
- імплікація мотиваційної частини.

Від фіаско потерпиме автор рекламного тексту, який буде стверджувати щось на зразок: *I assert my main objective is to sell you this vehicle abo I want to get rid of this washing powder, so my intention is to try and sell it off to you*, експлікувавши як ін'юктивну, так і мотиваційну частини. Таке зневажливе ставлення до клієнта викличе обурення, а товар не буде користуватися попитом. Основним видом експліцитного способу вираження ін'юктиву в рекламному дискурсі є використання імперативних форм. Серед найбільш частотних дієслів, що зустрічаються в рекламних текстах є: *buy, try, use, visit, contact, telephone etc.*, хоча їх вживання має певні обмеження, пов'язані з тенденцією рекламних текстів обмежувати прямі форми вираження впливу на адресата. Отже імпліцитний спосіб репрезентації ін'юктива обумовлен особливостями функціонування рекламного дискурсу, відносинами між адресантом та адресатом, принципами ввічливості, тощо. Імплікація мотиваційної частини обумовлена спільними знаннями адресанта та адресата про когнітивну та ситуативну моделі та специфікою рекламного спілкування в цілому.

Однією з характерних рис дискурсу є наявність специфічної системи імплікацій прагматичних значень в сфері тверджень та питальних речень. Імплікація прагматичних значень в рекламному дискурсі на синтаксичному рівні може бути реалізована:

- через питальні речення з імпліцитним прагматичним значенням ін'юктива. Наприклад: *Have you already tasted our tea with a new herbal flavour? — Taste our new herbal tea / Have you been to our new supermarket? — Visit our new supermarket / Have you got problems with your health? — Buy our vitamins / Have you driven a Ford lately? Drive a Ford / А ти сделал прививку против гриппа? — Сделай прививку против гриппа etc.*

- через номінативні речення з імпліцитною позитивною оцінкою високої якості, яка обумовлена самим дискурсом, в моделях N, N+N, Adj+N, Adv+Adv+Adv. До цієї групи входять назви ліків, компаній, назви учебних закладів, прізвища відомих людей: *Estee Lauder Golden Compact Collection / Tommy the real american fragrance / Rigorous. Prudent. And Proud of it. Republic National Bank of New York. Strength. Security. Service. / Anyplace. Anywhere. Anytime Nokia 900;*

- через констативні дієслівні речення, які позитивно або негативно оцінюють потенційну дію адресата. Наприклад: Паління шкідливе для

Вашого здоров'я, де імпліцитна частина складатиме: Не паліть, тому що це є дуже шкідливим для Вашого здоров'я.

До імпліцитних аспектів в рекламному дискурсі можуть відноситися зокрема способи репрезентації адресанта та адресата. Так, адресант може бути експліцитно поданим через займенник *we*, або подаватися імпліцитно та ідентифікуватися в рекламі через назву фірми: *UniCredito Italiano. The Combined Strength of Five Banks*. Адресат, з одного боку, також може бути експліцитно вираженим, наприклад, через займенник *you – We invite you / You won't be disappointed / Only for you / CGU & YOU Two established names with a new perspective / Henley's Senior Management Programme revolves around one key individual. YOU*, а з іншого, може бути імпліцитним, не отримавши мовного вираження: *Speak a foreign language? Speak it better.*

Розглянемо деякі з причин, що обумовлюють використання імпліцитного елементу в рекламному дискурсі.

Імпліцитний спосіб передачі змісту в рекламному дискурсі є одним з проявів процесу квантування інформації, обумовленим метою дискурсу, уявленням про читача та його енциклопедичні знання. В рекламному виді дискурсу імпліцитний спосіб передачі інформації пов'язан з одним з центральних завдань, що вирішує цей дискурс – скорочення лінійного ланцюга вербальної частини рекламного тексту, що забезпечує швидкість передачі та сприйняття інформації та, як наслідок, успіх та ефективність рекламного дискурсу в цілому. Отже імплікація викликана спробою передачі більшого об'єму інформації в стислій мовній формі.

Серед зовнішніх причин, які пояснюють використання імплікації в рекламі, є інвестиційний аспект. Реклама вимагає значних інвестицій. Рекламна площа відповідно до цього залежить від фінансових можливостей заказників і тут на допомогу приходять копірайтери, перед якими стоїть завдання в найбільш стислій формі передати максимум інформації – мінімум слів при максимумі змісту.

У зв'язку з тим, що рекламний дискурс є дистантним, складові комунікативної моделі цього жанру є дистантнозалежними. З цим повинен рахуватися відправник, створюючи рекламу, яка б була здатна з найменшими змістовими втратами подолати цю відстань та досягти реципієнта. Для цього використовується конденсація змісту, яка реалізується на рівні синтаксису рекламних текстів, серед яких дуже поширеними є номінативні речення, окрім словосполучення: *Ideal Gifts! (We offer you ideal gifts!, You can find here any gift you like!, Come and choose your gifts!), Nostalgic flights! (Seize the opportunity if you cherish your memories!), Revlon / Coca-Cola / McDonald's (Buy Revlon, Drink Coca-Cola, Visit*

McDonald's). Простота та стисливість моделей подібного типу покращує якість процесу адресації рекламного тексту.

Ще однією пасткою для копірайтерів є вірогідність рекламного оголошення загубитися серед десятків сотень інших йому подібних, які рекламиують ті ж самі праски, аудіо та побутову техніку, косметику, одяг тощо. Рекламний дискурс відрізняється своєю оригінальністю. В ньому отримують життя новоутворені лексичні одиниці. Отже, з одного боку – стисливість та простота, а з іншого, за рахунок імплікації кожний мовний знак ускладнюється, збільшується його змістове наповнення, він збагачується новими значеннями та асоціаціями, створюється мовний образ, який імплікує набір емоцій, відомостей, активізує асоціативні зв'язки. Цей шлях компресії інформації веде до збільшення змістової насыщеності кожної мовної одиниці. Отже серед причин, що обумовлюють імпліцитний спосіб подання інформації, можна назвати збільшення образності, використання таких стилістичних фігур як метафора, метонімії тощо. Тенденція до імпліцитності інформації призводить до збільшення експресивності, емоційності та естетичного впливу, що є істотно важливим для функціонування рекламного дискурсу та виконання його головної інтенції.

Таким чином, опосередкований (імпліцитний) спосіб подання інформації в рекламному дискурсі обумовлен як екстралінгвістичними, так і лінгвістичними особливостями дискурсу, серед яких особливого значення набувають принцип економії, семантична емність мовних елементів дискурсу, збільшення їх образності, емотивності, прагматична мобільність основних граматичних типів речень.

ХАРАКТЕРЫ НАРОДОВ
В ЗЕРКАЛЕ ИХ СОБСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ
(Юбилейные заметки к 70-летию
факультета иностранных языков
Харьковского национального университета)

Степанов Ю.С.

Этот заголовок отражает тему довольно точно: если представить себе (или превратить) народ в виде какого-то отдельного существа, гиганта, то можно сказать, что этот гигант любит любоваться собой в зеркало (как делают, например, мужчины во время бритья). Особенность лишь в том, что гигант сам же и создает себе зеркало, в форме своего языка.

Представление об этой теме возникло довольно давно. Всем известны слова М.В.Ломоносова о сравнительных достоинствах языков («Карл Пятый, римский император, говоривал...»). Примерно в это же время Вольтер создает понятие о «гении французского языка» (*le génie de la langue française*). Сравнение разных языков с начала XIX века приводит к представлению о возможности сравнивать «разные гении» - к представлению о сопоставительной стилистике, которая широко развилась к середине нашего века. Возникла целая серия парных сопоставлений - стилистики французского языка со стилистикой английского, английского - с немецким, и т.д. К этому ряду относится и наша собственная «французская стилистика» [в сопоставлении с русской] (Степанов 1965).

Параллельно развивались исследования языка и психологии как комплекса, что дало замечательные плоды в виде грандиозных теорий А.А.Потебни в России и В.Вундта в Германии. Эти работы быстро соединились с более широким комплексом «наук о духе» (*Geisteswissenschaften*). В начале нашего века этот «ствол» получил завершение в двух «ветвях» в цикле работ В.Вундта о «психологии народа» (*Völkerpsychologie*) и в обобщающем труде Ф.Ф.Зелинского «Филология» (Зелинский 1902).

После этого обрисовалось бурное, даже пышное, развитие, но по более мелким, «кустообразным», направлениям - так называемой «этнолингвистики» в США, неогумбольдтианства в Германии, культурологии во Франции и в России. Из всего этого упомянем лишь две работы - выдающееся двухтомное исследование О.А.Радченко в России (Радченко 1997) и более раннюю работу П.Гриежэ во Франции «Этническая характерология. Сближение и взаимопонимание народов» (Griéger 1961),

так как они более всего и непосредственно относятся к нашей теме. В книге О.А.Радченко раскрываются такие концепты, как (мы называем их по его заголовкам) «Открытие родного языка как феномен человеческой истории», «Родной язык как форма общественного познания», «Феномен Worten der Welt» (в т. 1) и др. Работа П.Гриежэ трактует о таких явлениях - одновременно «языка и психологии» - в национальных характерах, как «обращенность вовне, к миру» в противопоставлении «обращенности внутрь себя» ит.п. (см. подробнее в нашей «Французской стилистике» 1965 г.) В это направление работ и вписалась старая, но недавно как бы вновь открытая книга испанского автора Сальвадора де Мадариага «Англичане. Француз. Испанцы. Опыт сравнительной психологии» (на испанском языке, Мадрид, 1934 г.) (Madariaga 1934). Об этой книге и пойдет у нас дальше речь.

Но прежде несколько слов о ее авторе. Сальвадор де Мадариага (родился в 1886 г. - год смерти мне неизвестен), по образованию инженер и литератор, в 1931 г, в год провозглашения Республики в Испании, был назначен послом Испании в США, а позднее во Франции, много работал по линии международного сотрудничества, был директором Отдела разоружения Лиги наций; автор книги «Путеводитель по «Дон Кихоту» для его читателя», «Гений Испании: англичане, испанцы, французы и Испания» и др. Книга, о которой идет сейчас речь, возникла из цикла лекций, прочитанных автором в разных странах и университетах Европы.

Подобно тому, как позже поступил упомянутый уже нами П.Гриежэ, Мадариага выделяет сначала «три доминанты активного элемента» в характере народа: Действие, Мысль, Страсть, и ставит их в соответствие с тремя европейскими народами, находя их наиболее полное воплощение так: Действие - в англичанах, Мысль - во французах, Страсть - в испанцах.

Но ведь действие может быть присуще, и в действительности присуще и другим народам, помимо англичан, то есть необходимо осмыслить Действие при доминанте Мысли, Действие при доминанте Страсти. Точно так же и Мысль нужно осмыслить при доминанте Действия, при доминанте Страсти, и т.д., - короче все возможные сочетания из 3-х элементов по два. Здесь можно сказать, что Мадариага создает первый опыт структурного описания этой концептуальной сферы, а приводимая им таблица является по существу первым опытом построения так называемой «квадратной матрицы» для описания концептов (конечно, сам автор не называет ее так и вообще не осознает в таком качестве). В настоящее время квадратные матрицы широко применяются, например, в

фонологии, когда нужно описать все возможные сочетания фонем попарно, включая и сочетания каждой фонемы с самой собой. Для этого выписывают в ряд все фонемы по горизонтали и еще раз по вертикали, а затем на пересечениях возникших таким образом колонок и строк отмечают, какие сочетания встречаются в данном массиве. В материале Мадариаги встречаются все сочетания без всяких пропусков, поэтому его матрица выглядит таким образом.

Доминантные тенденции, определяющие активный элемент

Результатирующие состояния	ДЕЙСТВИЕ	МЫСЛЬ	СТРАСТЬ
ДЕЙСТВИЕ	I/1 Действие в человеке действия	I/2 Действие в человеке мысли	I/3 Действие в человеке страсти
МЫСЛЬ	II/1 Мысль в человеке действия	II/2 Мысль в человеке мысли	II/3 Мысль в человеке страсти
СТРАСТЬ	III/1 Страсть в человеке действия	III/2 Страсть в человеке мысли	III/3 Страсть в человеке страсти

Далее в книге Мадариаги, в 9 ее основных главах развертывается подробное описание, соответствующее клеткам приведенной таблицы. Но мы не последуем здесь за ее деталями. Подчеркнем лишь, а именно это и является особенно важным для нашей темы, что по этим рубрикам автор группирует и многие частные понятия, концепты и даже явления жизни трех наций.

В главе I («Действие в человеке действия» - речь идет, следовательно, об англичанах, Мадариага рассматривает такие явления - с соответствующими им выражениями английского языка - как self-control (самообладание), that does not matter (это не важно), the right man in the right place (человек на своем месте - чувство социального соответствия человека его социальной роли), «дженеральменство» («народный аристократизм»), snobbery (снобизм) и др. Ключевым, обобщающим концептом, оказывается для Мадариаги в этой связи Fairplay «Честная игра» - «чувство и понятие честного действия, действия коллективного, в своем кол-

лективе или социальной группе». Наиболее ярким проявлением, примером этого служит футбольный матч.

В главе II («Действие в человеке мысли»), где идет речь о французах, группируются такие концепты-принципы как:

- Il faut sérier les questions - «не валите все в одну кучу»;
- Il faut procéder par étapes - разделяйте вопросы и этапы их решения;
- предусмотрительность-недоверчивость; и др.

Ключевым, обобщающим концептом, а это вместе с тем и психологическая позиция, оказывается по Мадариаге для француза понятие *le Droit* «Право и закон».

В главе III («Действие в человеке страсти») выясняются такие моменты испанского характера, как *desprendimiento* «материальная незаинтересованность, безразличие к будущему». Ключевым словом для испанца оказывается понятие «Честь». Не случайно в испанском языке, единственно в нем из трех рассмотренных великих языков Европы, есть два сложных понятия о чести - *el honor* и *la honra*.

Для иллюстрации этого положения (а здесь Мадариаге можно доверять: он сам был автором книги «Песни, лирические романсы и сонеты на испанский лад», романс здесь, конечно, в испанском смысле) Мадариага приводит средневековый «Романс о графе Леонском» (*El Romance del conde de Leon*), на знаменитый сюжет, использованный также Шиллером в его «перчатке». Однажды знатная красавица донья Ана де Мендоса, окруженная другими знатными дамами и кавалерами, в числе которых был и ее ревностный поклонник граф Леонский, прогуливалась после пира по королевскому дворцу. Они остановились у клетки со львами, самого свирепого вида. И тут дама, как бы невзначай, уронила свою перчатку внутрь клетки. Говорят, она очень сокрушилась от своей неловкости. Однако жеманным и нежным голоском тут же предложила: «Кто из кавалеров достанет мою драгоценную перчатку? Даю слово, тот станет моим избранником». Тогда граф Леонский, на долю которого также пал оскорбительный вызов, принял его. Он снял плащ, обмотал им одну руку, в другую взял свой меч и решительно вошел в клетку, как всем показалось, не дрогнув. Львы остолбенели уставились на него и не шевельнулись. Граф спокойно вышел назад и поднялся по ступеням к даме. Оказавшись перед ней, он левой рукой протянул ей перчатку, а правой дал пощечину и сказал: «Вот она, возьмите, и впредь из-за несчастной перчатки не рискуйте честью рыцаря. А кому не нравится то, что я сделал, тот пусть выходит на поединок со мной!»

Проявившееся здесь понятие о чести Мадариага уточняет с помощью слов знаменитого героя Кальдерона, Саламейского алькальда:

*Al Rey la hacienda y la vida
se ha de dar; pero el honor
es patrimonio del alma;
y el alma solo es de Dios.*

«Королю принадлежит наше имущество и наша жизнь, но честь - это достояние души, а душа принадлежит только Богу».

Как только мы касаемся языковых концептов, то - если мы хоть капельку чутки - от них моментально протягиваются нити к психологии и искусству народов, языки которых мы изучаем. Этим кратким напоминанием мне и хотелось закончить заметку в честь юбилея факультета иностранных языков. Подобно автору, которого я разбираю, Мадариаге, я сделаю это с помощью одного примера. Наш замечательный, безвременно скончавшийся искусствовед Юрий Константинович Золотов в статье «Нравственные основы действия во французском классицизме XVII века» (Золотов 1988:211) писал: «Замечательное творчество поэтов, драматургов и живописцев Франции XVII в., которое воплотило идеи свободы, разума и чести, порой трактуется как иллюстрация к якобы всеобъемлющей монархической доктрине. [...] Уместно напомнить, что художественная теория начала XVII в. Определяла человеческое достоинство как готовность к обдуманному действию». «Разум», «честь» и «действие» - всё те же базовые концепты, о которых говорит и Мадариага, и к которых и нам хотелось еще раз привлечь внимание в связи с изучением «иностранных языков»

ЛІТЕРАТУРА

1. Зелинский Ф. Филология // Энциклопедический словарь изд. Брокгауз - Ефрон. т. XXXVA: Фенолы - Финляндия. СПб., 1902. - С.811-816.
2. Золотов Ю.К. Нравственные основы действия во французском классицизме XVII века // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. - Т. 47. - № 3. - 1988. - С. 211-220.
3. Радченко О.А. Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдианства. - т.т. 1 и 2. - М.: Метатекст, 1997.
4. Степанов Ю. Французская стилистика. - М.: Высшая школа, 1965.
5. Griéger P. La caractérologie ethnique. Approche et compréhension des peuples. - Paris, Press Universitaires de France, 1961.
6. Madariaga, Salvador de. Ingleses. Franceses Españoles. Ensayo de psicología comparada. 4a ed. Madrid: Ed. Aguilar, 1934.

ПОШЛОСТЬ КАК КОНЦЕПТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сукаленко Н.И.

Каждый этнический язык, как отмечает В.В. Акуленко, выступает как ключ к самобытной языковой картине мира, отражаемой обыденным сознанием и семантикой общенародного языка с ее специфическими, в чем-то универсальными, а в чем-то неповторимыми категориями (1:4-5). Таким самобытным, типично русским культурным концептом предстает концепт *пошлости*, анализу которого и будет посвящена данная статья. Несмотря на тот факт, что указанное понятие отсутствует в «Константах словаря русской культуры» Ю.С. Степанова, оно является, на наш взгляд, чрезвычайно важным эталоном оценки русского интеллигентного человека, используемом как для характеристики потока жизненных явлений, так и произведений литературы и искусства.

На «неуловимость», т.е. сложность для экспликации семантических дифференциальных признаков этого концепта, обратили внимание журналисты Литературной газеты, специально посвятив данной проблеме «круглый стол» Петербургского литературного клуба (см. Демоническая природа пошлости. / Лит. газета. – 1998. – 17 июня. – с. 10). Представляет он существенные трудности как для составителей толковых, так и переводных словарей.

Пошлость, по мнению А. Столярова, одного из участников «Круглого стола», определить нельзя, ее можно лишь выделить через отрицание: *пошлость* – это не серость, хотя серый оттенок в ней безусловно присутствует, пошлость – это не глупость, хотя выглядит она всегда глуповато, пошлость – это не вульгарность, хотя это качество в ней тоже наличествует обязательно. Другие же участники дискуссии (в данном случае А. Пурин и Т. Вольская) пытаются определить указанный концепт не прямо, а косвенно, через антонимию: для первого антоним *пошлости* – гармония, по мнению второй, противоядие от *пошлости* – ирония. И только И. Знаменская попыталась обозначить два прямых, явных признака (в итоге у нее получилось, что первый признак пошлости – это отсутствие глубины: мыслей, чувств и т.д., второй – это имитация). В 17-томном словаре современного русского литературного языка следующий пример С. Аксакова почему-то попадает в рубрику «вульгарный, содержащий что-либо неприличное, непристойное»: «Во всем круге моих петербургских знакомых я не встретил ни одного человека, кому бы нравился Гоголь и кто бы оценил его вполне... Таков был тогда

пошло-деловой Петербург!» (7:1755). Данный конкретный контекст не оставляет никаких сомнений в том, что в приведенном примере акцентируется не вульгарность и непристойность Аксаковского круга знакомых, а его духовная и нравственная бедность, не позволяющая подняться до понимания Гоголя. Авторы Русско-английского словаря под редакцией Р.К. Даглиша, в отличие от Русско-английского словаря под общим руководством А.И. Смирницкого и редакцией О.С. Ахмановой (5) обратили внимание на указанный оттенок слова «пошлость» и перевели его на английский язык как *shallowness*; (*узость*) *small-mindedness* (5:664).

По всей видимости, именно указанное значение наиболее существенно для образа русской культуры с ее высокой духовностью, и в представлении большинства современных русских интеллигентов этот дифференциальный признак концепта «пошлость» связывается в первую очередь с именем А.П. Чехова. Ср., к примеру, его письмо к А.С. Суворину: «Нет ничего пошлее мещанской жизни с ее грошами, харчами, нелепыми разговорами и никому не нужной условной добродетелью». Не случайно в Словарь русской культуры Ю.С. Степанов включает именно моральный кодекс Чехова. Конечно, духовные поиски русской литературы связываются в представлении интеллигенции и с вечным поиском гармонии Пушкина, с идеей нравственного усовершенствования Л. Толстого, с «больной совестью» Достоевского. Но чеховский кодекс вполне конкретен, приземлен, рассчитан и на тех людей, кого талант «занес» в интеллигентную среду, он элементарен, представляя из себя этику повседневной жизни. И наконец доказательством того, что именно концепт *пошлости* представляет собой как бы сгусток русской культуры, является его неотъемлемость от ярких переживаний. По справедливому замечанию Ю.С. Степанова, «концепты переживаются, они предмет эмоций, симпатий и антипатий» (8:41). Обычно с помощью этого концепта как бы совершается суд, выражается острая антипатия людей более образованных, культурных, интеллигентных по отношению к чужой им среде – людям, не обладающим серьезными знаниями, поверхностным, имитаторам в искусстве, ведущим себя в жизни бестактно. Кстати сказать, в указанной журналистской дискуссии возник вопрос о том, где, собственно, сосредоточена пошлость – в жизни или в искусстве и где ее больше. Мнения участников разделились, но подавляющее большинство склоняется к тому, что в искусстве все-таки ее больше. В искусстве действительно *пошлость* постоянно употребляется как постоянный эталон для оценки низкопробной продукции – «мыльных» сериалов, музыки, юмора и т.д. Ср., например, высказывание Владимира Познера в телевизионной передаче 30 августа 1998 г.: «На общественном рос-

сийском телевидении появилось много разных видов пошлости – музыкальной, юмористической, изобразительной». Неотличимость пошлого искусства от подлинного для людей не слишком образованных в том, что оно маскируется под подлинное, очень часто неотъемлемо от сентиментальности и «условной добродетели», по выражению А.П. Чехова. В этой «условной добродетели» существует собственная система ценностных ориентиров. К последним относится, например, такой эталон высокой оценки, как жизненный фильм.

В настоящее время между, как правило, несопоставимо более образованным и культурным старшим и средним поколением и молодежью пролегает непреодолимая пропасть. Поэтому так много эмоций, страсти и боли вкладывается в оценку «пошлость» первыми по отношению к поведению вторых. Именно так прореагировал Борис Покровский, художественный руководитель Камерного музыкального театра, на вопросы журналистов, не хотите ли попробовать себя в эстраде, обращенные в телевизионной передаче к молодым оперным певцам Москвы и Петербурга: «А вопросы некультурных журналистов надо глушить, выкидывать на помойку, затаптывать в землю. Долой пошлость с наших экранов. Эти журналисты не понимают, что имеют дело с оперным искусством, наивысшей формой эмоциональной культуры человечества, что признано всеми великими людьми. Если есть талант, нельзя разменивать его на эстраде». (см. Что вы собираетесь смотреть в следующем веке? / Лит. газета. – 2000. – 1-12 января. – с.14).

В русской литературе с ее высокими нравственными идеалами, учительством в лучшем смысле этого слова с пошлостью в первую очередь связывается приземленность интересов, отсутствие духовных порывов. Ср., к примеру, оценку подобного образа жизни в «Эмигрантах» А.Н. Толстого: «Потом бы купили домик на берегу моря, в тихом Таганроге, жили бы грустно, невинно, завели бы козу, кур. Вера Юрьевна сказала с отвращением: – Мало того – дура, ты пошлячка, милая моя». О невозможности отгородиться от «жизни обывательской, презренной» тоскует и чеховский Астрор, жалуясь ляде Ване: «Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека – я да ты. Но в какие-то десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас... И мы стали такими же пошляками, как все».

По всей вероятности, с пошлостью связываются самые потаенные, самые глубинные пласти образа русской культуры. Кроме антидуховности пошлость символизирует отсутствие чистоты и целомудренности (ср. пошлые намеки, пошлые анекдоты, пошлые ухмылки и т.д.). По-види-

мому, в основе этого явления лежит негласный запрет русской литературы на описание сексуальных отношений.

В других видах искусства – музыкальном, изобразительном – это прежде имитация при настойчивом стремлении выдать за подлинность, нередко конъюнктура. Таким эпитетом награждают позднего Илью Глазунова; кузнецовский фарфор, несмотря на отдельные удачные вещи, стал синонимом безвкусицы и пошлости в русском декоративно-прикладном искусстве конца XIX в.: в ход пошли имитации популярных и проверенных временем стилей: «французские разделки», «саксонские букеты», «китайские рисунки». В целях создания впечатления богатства и роскоши при минимуме затрат все эти стили перемешивались друг с другом, причем ручная роспись заменялась в массовом производстве механическим воспроизведением (2:229).

Вопреки мнению ряда журналистов уже упоминавшейся дискуссии “пошлость” как оценочный эталон характеризует не только литературу и искусство, но и жизненные обстоятельства. Характерная черта лучших представителей русской жизни, идеалом которых является поведение академика Д.С. Лихачева, не только высокая культура, но и культурность. А так как этими качествами в наибольшей степени обладает старшее и среднее поколение, то и противопоставление “своих” и “чужих” затрагивает и возрастные категории: это и *пошлие лица*, и *пошлие наряды*, и *пошлая ни* в чем ни на секунду не сомневающаяся чрезвычайно активная, наступательная манера поведения при отсутствии знаний. Следует отметить, что подобная оценка так много значит, так сильно переживается лучшими представителями культуры, что, когда кто-то из зала ею охарактеризовал первое выступление Булата Окуджавы в московском Доме кино, он просто ушел со сцены.

Из всех очень тонко переплетенных друг с другом значений концепта *пошлость*, вероятно, наиболее простым и легко вычленяемым является значение, самым непосредственным образом связанное с внутренней формой слова. Как отмечает Ю.С. Степанов, этимология существует для носителей языка опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений (8:45), В.Н. Телия в свою очередь подчеркивает важность внутренней формы знака для запечатления оккультенного мировидения (9:16). Так, В. Даль как «старинное» отмечает значение «давний, стародавний, старинный, древний», а уже как современное «избитый, общеизвестный и надокучивший, вышедший из обычая» (10:374).

В этимологическом словаре русского языка А.Г. Преображенского слово «*пошлый*» также представлено как наиболее связанное с внутрен-

ней формой слова. В XVIII веке, как отмечает составитель словаря, оно значило «обыкновенный, ходячий, напр., у Тредиаковского в рапорте об экзамене по латинскому языку в Новгородской семинарии: здешние семинаристы имеют пошлые знания в латинском языке, т.е. обычновенные» (12:119).

В целом же концепт национального мировидения представляет собой такой сложный сгусток взаимопереплетенных и взаимопроникающих значений, как и ключевые слова других культур. Ср., например, неслучайное название лекции Ф.Г. Лорки, посвященной испанскому *duende*, – «Тема с вариациями» (3), ср. также характеристику М. Мамардашвили франц. *engagement*, «устойчивого архетипа французской культуры и архетипа появления всего значительного в ее литературе» как того, «что очень трудно ухватить» (4:14).

По всей вероятности, эфемерность подобных концептов, сложность «ухватить», т.е. определить их дифференциальные признаки, в значительной степени объясняется их ментальным характером. Все-таки предметная привязка таких национально-специфических образов, как русск. *калины*, близневосточных *башни*, *колонны*, *столба* – символов стройности рук, ног, шеи и даже носа, кит. и яп. *карпа* – символа мужской отваги, обеспечивает полное погружение членов данного коллектива в глобальный всеохватывающий эфир собственной культуры, делает предметную область культуры второй природой для человека. Впрочем, следует иметь в виду, что не существует ни чисто предметных, ни чисто ментальных концептов. С одной стороны, чем привычнее предметный символ, чем глубже он проникает в плоть и кровь народной жизни, тем он растяжимее, т.е. тем в большей степени утрачиваются его границы. С другой стороны, как будто бы «чисто духовный» концепт постоянно ищет для своего воплощения предметные зацепки. Ими могут быть как конкретные зрительные образы (ср., например, *пошлая рожа*, *пошлая ухмылка*), так и отдельные слова, которые в определенном контексте объективируют неуловимую пошлость. Так, если для А.П. Чехова словесными символами пошлой мещанской жизни были «гроши» и «харчи», то для толстовского Николая Ивановича символом «пошлини» стало упоминание о «собственной книжице»: «Да, пора, пора приступить к изданию своей книжицы, – говорил он, подойдя к окну... И эта «собственная книжица» и поза у окна были омерзительны. «Экая пошлятина», – думал Николай Иванович» (А.Н. Толстой).

В заключение следует отметить, что онтологически, всем устройством своего знакового кода, язык и приспособлен и не приспособлен для означивания подобных концептов. С одной стороны, в языке существуют

слова, одновременно вмещающие несколько различных, хотя и близких между собой значений . С.С. Толстой назвал такие слова «словами с одновременной многозначностью, или синтетическими словами» (11:194). Их семантика яснее эксплицируется при необходимости перевода на другой язык. Например, в Русско-английском словаре сложное по семантике, но однозначное слово *бодрый* раскладывается на составляющие *здоровый* и *энергичный*, а также *веселый*, *оживленный*, к которым приводятся соответствующие английские эквиваленты – *active*, *vigorous* и *cheerful*, *buoyant* (6:51). В таких случаях язык, по словам Ю.С. Степанова, мягко и благотворно направляет людей в именованиях, присоединяя поименованное к самым глубинным пластам культуры (8:68). Нередко собеседникам достаточно полунамека, воплощенного в языковую плоть концепта, который скорее переживается, чем мотивируется, чтобы как будто понять друг друга. Но, с другой стороны, когда возникает необходимость в «дешифровке» подобных концептов, выясняется, что анализировать их чрезвычайно сложно.

ЛІТЕРАТУРА

1. Акуленко В.В., Швачко С.А., Букреева Е.И. и др. Категория количества в современных европейских языках. - Киев, 1990.
2. Власов В.Г. Стили в искусстве: Словарь. В 3-х т. - СПб, 1995-1997 - Т.1.
3. Лорка Ф.Г. Избранные произведения. В 2 т. М., 1986 - Т.2.
4. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М., 1995.
5. Русско-английский словарь. Под ред. О.С. Ахмановой, издание седьмое. М., 1965.
6. Русско-английский словарь. Под ред. Р.К. Даглиша. - М, 1965.
7. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. - М.; Л., 1950-1965. - Т.10.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М., 1997.
9. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. - М., 1999.
10. Толковый словарь живого великорусского языка В.Л. Даля. В 4 т. - М., 1989-1991. - Т.3.
11. Толстой С.С. Выбор лексического варианта при переводе // Учен. Зап. МГПИИЯ. - 1958. - Т.13 - С.185-194.
12. Этимологический словарь русского языка А.Г. Преображенского. - М., 1958.

ГЕНЕЗИС ГРАМАТИЧНОЇ КАТЕГОРІЇ ЧИСЛА В ІНДОЄВРОПЕЙСЬКИХ МОВАХ

Таранець В.Г.

У компаративістиці вважається загальноприйнятым існування в індоєвропейській прамові трьох граматичних чисел: однини, множини і двоїни. Останнє із названих чисел поступово вийшло з ужитку і після розпаду мови-основи засвідчено головним чином у давніх пам'ятках окремих мов, зокрема в давньоіндійській, грецькій, ірландській, литовській і старослов'янській [див.: 33; 37; 20; 19]. Граматичне число у писемних пам'ятках знаходило відображення у системі відмінювання іменника відповідно до типу основи і належності його до того чи іншого роду. Цим пояснюється наявність великого розмаїття формант числа у різних мовах, що свідчить також про досить розвинений стан цієї граматичної категорії у період появи перших пам'яток. Генетична спорідненість граматичних афіксів дозволяє узагальнити показники числа і представити їх для називного відмінка індоєвропейської прамови у такому вигляді: одн.: -s, -ø; дв.: -e, -î/i; мн.: -es [див.: 20:170]. Подальший розвиток індоєвропейських мов зумовив повне зникнення двоїни, крім сучасної литовської, а також призвів до зародження у окремих мовах нових граматичних формант і до більш диференційованого вираження однини і множини. Так, наприклад, у германських мовах з часом витворилися специфічні аломорфи множини: у англ. -s, нім. -e, -er, -p, -s, -ø з умлаутом у корені або без нього, норв. -ag, -og, -er, -ø, шв. -ag, -(e)g, -og, -p, -ø, дат. -(e)r, -e, -ø [див.: 17:169-175]. Реконструкція прагерманських форм розглядається дослідниками як відображення індоєвропейських праформ граматичної категорії числа. Те ж саме можна сказати і про дослідження грамем числа у інших групах мов: реконструйований показник числа виводиться із праформ мови-основи, які стали класичними і беззастережно застосовуються при розгляді числа у окремих мовах. Історично ж афікси вийшли із конкретних семантично значущих одиниць, делексикалізація котрих з часом зумовила перетворення їх у граматичні форманти. Як зазначав К.Бругманн, для індоєвропейської прамови можна передбачити період її існування, коли не було суфіксальних і префіксальних одиниць: мова мала лише корінь (*Wurzelperiode*) [34:32; див. також: 12]. У наявних дослідженнях, починаючи з минулого сторіччя, походження формант числа зводиться до займенникової природи. З таким підходом можна погодитися, але займенники мають свою історію розвитку, вони не первинні для грамем числа і тому не можуть показати

зародження і розвиток останніх. Дослідники, як правило, не торкаються генезису граматичного числа в іndoєвропейській прамові, причин відміння двоїни і процесу перетворення числових лексем у граматичні форманти. Все це спонукало нас розглянути зазначені питання насамперед з позиції зародження та розвитку поняття числа, викладених у нашій праці [23]. Дослідження ґрунтуються на матеріалі стародавніх та деяких сучасних іndoєвропейських мов.

Цілком логічним буде припущення, що граматичним показникам числа передували лексичні засоби вираження множинності. Згідно з нашою концепцією граматичне вираження однини, двоїни і множини, засвідчене у іndoєвропейській прамові, повинно бути віднесене до більш раннього протиставлення ‘одніна/двоїна’, у якому множинність базується на формальному вираженні двоїни. Вочевидь, всі давні кількісні відношення предметів мають у своїй основі бінарне протиставлення ‘два/один’. Проте таке нумеративне розрізнення також не є споконвічним, а генетично містить у собі єдиний **бінар**, з якого витворилася одна частина в протиставленні до іншої, залишкової, що згодом і зумовило зародження перших двох чисел і їх протиставлення. Про первинність бінара свідчать дослідження багатьох вчених [див.: 24]. ‘Двоїстість’ виконувала функцію ‘цілісності’ предмета чи явища і тому була притаманна всім предметам.

Бінар – це ще не число, а прообраз майбутньої двоїни. Первісна людина цього часу не називала кількість у сукупностях, і предмети розрізнялися перш за все за їхніми якостями [див.: 11], вони мисливися конкретно, і кожна якість не сприймалася відокремлено від предмета. Імпліцитно бінар мав у собі єдність двох ознак, які у реальному спілкуванні диференціювалися ситуативно. З точки зору мовних засобів це були слова, що виконували функцію збірності. Найстародавніший стан мови та мислення свідчать, що це – “дограматичні імена множинності, які функціонували як лексичні засоби вираження множини” [5:92]. Їх значущість виражалася однією формою, яка вживалася залежно від контексту, називаючи ту чи іншу сукупність предметів. В цей час бінар розрізняв не числову множинність, а лише її величину, потужність [пор.: 26:71]. На цій основі відбувалося лише зіставлення, множини існували як цілісні одиниці.

До збірних імен давнини можна віднести слова в мовах, які можуть позначати і один предмет, і їх множинність, не змінюючи своєї форми. Це досить добре видно на прикладах давніх писемних пам'яток, де ще не виявилася повною мірою граматична диференціація чисел однини і множини. Пізнання навколошнього світу і подальший розвиток мислен-

ня стародавньої людини зумовили виділення в бінарній опозиції одного із його членів, що започаткувало протиставлення ‘ціле/частини’ [див.: 10; 11; 30]. Для початкового періоду розвитку мови можна передбачити існування в її системі цілого і частини як взаємопов’язаних категорій, в яких частина являє собою сукупність властивостей предмета, а ціле – тип їх зв’язку, без якого частини не існують. Такі нумеративні відноси- ни між словами має сучасна японська мова, у якій відсутнє протистав- лення одниничного і множинного. В ній, пише О.О.Холодович, має місце “відношення цілого до частини”, це “всього лише передчуття числа” [30:29]. Відсутнє граматичне вираження множини і в тунгусо-маньч- журських мовах, в яких та сама форма імені вживавася для позначення одного предмета і групи однорідних предметів [31:74]. В іndoевро- пейській правові форми *kon-/*ken- зі значенням ‘початок, кінець’ [7:447] мають як збірне, так і одиничне значення [5:94]. Аналіз збірних імен у слов’янських мовах дозволив В.І.Дегтярьову прийти до висновку про існування у іndoевропейській правові того стану, коли було загаль- не число, яке сполучало в єдиній формі два значення – збірну множинність і одиничність. Саме таке протиставлення стояло на початку зародження граматичної категорії числа і стало сходинкою до оформлен- лення парадигм однини та множини в мовах [5:99].

Довгий час частина не сприймалася ізольовано і мислилася як скла- дова всього предмету, виражаючи його цілісність. Поступово колишній бінар став набувати контурів експліцитного мовного вираження своїх складових. Найбільш наочно це протиставлення виявилося на парних предметах, які реально являли собою і цілісність, і виділеність її частин. У цих опозиціях частина представлена як ‘половина’ чи ‘сторона’ речі. Таке розуміння збереглося у деяких мовах досьогодні. Так, в угорській мові, як пише О.Єсперсен, “парні частини і органи тіла по-значаються як одне ціле”. Розуміння ‘одне око’ передається сполучен- ням *fél szemmel*, де *fél* значить ‘половина’, тобто буквально ‘половиною очей’ [8:218]. Подібне розуміння має місце в ісландській мові. Вираз *limak seli* означає ‘одна із (двох) рук, одна рука’, де *seli* значить ‘полови- на’ [36:29]. У доісторичний час, пише Я.Гондо, люди оперували “двої- стими одиницями”, у яких “одиниця” і “половина” виражались одним і тим же словом [36:13, 29].

Підsumовуючи все вищезазначене, можна зробити висновок, що кількісне розрізнення предметів у свідомості первісної людини йшло в напрямку: ‘бінар (двоекладова єдність)’ → ‘ціле/частини’ → ‘мно- жинність/одиничність’. Очевидно, що остання антитеза мала місце у мові в той час, коли зародилися числа ‘два/один’. Становлення числов-

вого ряду 1, 2 свідчить про те, що 2 було максимальним і виражало в мові, з одного боку, цілісність предмету, а з іншого, їх множинність. Очевидно, що в цей час відбувається зародження двоїни. Таким чином, поняття ‘одніна/двоїна’ повинні бути виведені із единого розуміння цілісності речі, яке ґрунтуються на двоїстих протиставленнях. Проаналізувавши двоїну за писемними пам’ятками, В.Гумбольдт писав: “Двоїна як форма множини і як позначення закритого цілого сполучає у собі природу множини й однини” [3:395]. Незважаючи на те, що числа 1 і 2 з’являються фактично одночасно, все ж первинно є множинність. Стосовно цього мав слухність М.Я.Марр, коли писав: “Однини раніше не було: і множина витворилася із единого з одніною числового оформлення, але раніше все-таки – множинність і потім одиничність, як її частина, як її протилежність” [15:19]. Форма двоїни у вигляді дінд. *akāṣī* означає ні ‘два ока’, ні ‘око і друге око’, а значить ‘око, оскільки воно представлена обома’. Те ж саме має місце у формах двоїни: дінд. *pītārāu* ‘батько і (мати)’, *mātārāu* ‘мати і (батько)’ [8:239-240]. Очевидно, що у первісному вжитку двоїна не мала вигляду сьогоднішнього розуміння числа 2. Це була насамперед цілісність предмета, яка виявлялася у мові і свідомості людей у двох тотожних його складових. Тому розуміння двоїстості (цілісності) відносилося до будь-якої речі, не тільки парної. Зокрема, походження назви кожної речі містить у собі також виділення якоїсь її ознаки у протиставленні до інших ознак цієї ж речі, звідси і випливає, що назва є опредмечена ознакою. Таким чином, двоїстість притаманна кожному імені, і значить первісна номінація являла собою також бінар. З попереднього відомо, що спочатку та сама форма могла позначати як парні речі, так і річ одну. В той же час число 2 ототожнювало і велику сукупність, оскільки воно було максимальним і мало також смисл ‘багато’. Звідси випливає, що первинна множинність пов’язана з числом 2 і, як можна передбачити, з його форм витворилися пізніше граматичні суфікси числа. Про це свідчить також вживання в аналітичній формі двоїни в ірландській та литовській мовах числівника ‘два’.

З вищезазначених позицій розглянемо зародження грамем числа у іndoєвропейських мовах. Щодо цього становить суттєвий інтерес давня група іменників з основою на -*t* і насамперед ті, що відносяться до родинних термінів. У іndoєвропейській реконструкції це слова типу **pitar* ‘батько’, **mātar* ‘мати’ і ін. Як правило, у нинішній структурі цих імен виділяють корінь та суфікс *-ar*. Таке розуміння випливає із тих форм, що засвідчені у давніх писемних пам’ятках іndoєвропейських мов. Але при цьому треба пам’ятати, що такі слова пройшли довгий шлях роз-

витку і у них змінилася морфемна межа. Закореневі звуки поступово змістилися у напрямку до кореня. Про це свідчать численні дослідження структури слова з позицій її історичного розвитку. У ході зміни мов простежується досить чітко тенденція до ускладнення структури кореня, типова іndoєвропейська коренева структура CVC-, безсумнівно, вийшла із CV+C-. “Перетворення суфікса в елемент кореня, зникнення морфемного шову і утворення нового кореня, - пише М.М.Гухман, - відноситься до найдавніших морфологічних процесів у структурі іndoєвропейського слова” [4:25]. У дисертаційному дослідженні О.П.Димирова показала на матеріалі німецької мови ускладнення структури кореня у ході розвитку мови. Корінь, наприклад, CVCC- історично витворився із структури “корінь+суфікс” типу CVC+C-, в якій суфіксальний приголосний примкнув до кореня у результаті опрошення і морфемного перерозкладу в межах слова [6]. У такому ж напрямку відбувалися зміни і у вірменському слові, де “приголосний компонент відходить до кореня, формуючи його кінець і зберігаючись у всіх парадигматичних рядах” [28:195]. У всіх випадках, зазначає Е.Г.Туманян, спостерігається “атракція кореня, який притягує до себе приголосний елемент іndoєвропейського суфікса” [там же, 195]. Екстраполяція зазначеної тенденції на давніший період існування іndoєвропейської прамови дозволяє прийняти положення про первісну структуру кореня типу CV- і в цілому структуру слова з відкритими складами, у якій морфемна і складова (фонетична) межі збігалися [21].

Повертаючись до розглядуваних нами слів, необхідно виділити в їх древній структурі морфеми типу **pi-tar*, що відноситься до дуже далекого часу існування іndoєвропейської прамови. Про таке морфемне розрізнення говорив К.Бругманн, розглядаючи форму **pə-tér-es* [34:34]. Фр. Бопп прямо виділяє на матеріалі санскриту суфікс *-tar*, який притаманний словам *Nomina agentis* і реконструює дінд. *pitár* із **patár* (< **pátár*), у якому корінь **pá-*. Суфікс **-tar* дієслівного походження і мав значення ‘перебільшувати, переходити, здійснювати, виконувати’ [33:189-193]. Із **-tár* утворилися суфікси *-tra* і *-trâ*, що вживалися з іменами відповідно середнього і жіночого роду. Ці ж суфікси виділяє для іndoєвропейської прамови А.Шлейхер, відзначаючи, що їх походження затемнене [37:427]. Виходячи із поданих вище значень, можна зауважити, що суфікс **-tar* мав поняття ‘повноти, закінчення’ дії. В іndoєвропейських мовах зустрічаємо цей суфікс у значенні ‘два’ у формах слова ‘котрий із двох’: дінд. *katarás*, гот. *fatar*, дvn. *hwedar*, укр. *которий, котрий* [29:353-354]. А.Мейе писав, що суфікс *-tero* і йому подібні в давнину позначали протиставлення двох понять [16:282]. Саме такий смисл за нашими даними

ми мав корінь іє.**tara* ‘два’, точніше ‘два-*ra*’, де *-ra* виступало як одиниця ліку. Синонімічними були також слова **tana*, **takʷa*, в яких *-na*, *-kʷa* також одиниці рахунку [23]. Передбачається, що ці первісні корені **ta*, **ra*, **na*, **kʷa* започатковували основотвірні суфікси імен вокального та консонантного типу. В цей час існували лише числа 1, 2, і в такому числовому ряду 2 було максимальним, тобто виражало множину предметів. Поняття ‘два/один’, які своєю чергою утворювали раніше єдине ціле, назване нами *бінар*.

Факти мов свідчать, що однією із форм зі значенням ‘цілісності, бінарності’ було **tara*, з яким прямо співвідноситься первісне розуміння двоїни. Слова типу дінд. *pitáraū* ‘батько і (мати)’, *mātáraū* ‘мати і (батько)’ свідчать про той час, коли із двоїни (‘батько/мати’, ‘батьки/матері’) відділився один із його членів. На перших порах нове ім’я мало досить сильний зв’язок з вихідним цілим, яке по своему значенню представляло двоїсте ім’я, хоча все ж маркованим було наймення частини. Таким чином, первісне розрізнення складових у двоїні призвело до формального позначення одного і другого роду предметів. Відносно зазначеного прикладу це значить, що в двоїні ‘батьки/матері’ стали розрізнятися, з одного боку, ‘батько/батьки’, а з іншого, ‘мати/матері’. Таке розуміння форм двоїни було на первісному етапі її зародження. До цього часу можна натрапити на подібне вживання тієї чи іншої форми. Наприклад, укр. *батьки* за своїм походженням являє двоїну і також позначає, як у давнину, ‘батько+мати’ та ‘батьки+матері’. Із німецької мови форма двн. *turi* ‘двері’ представляє одинину і множину, але може бути віднесена до двоїни, оскільки позначала ‘двостулкові двері’ [пор. гор. *daírons* ‘тс’: 35:117].

Таким чином, до першого етапу зародження мовних засобів вираження числа необхідно віднести виділення із двоїни однієї із її протилежностей, що за значенням позначала однорідні предмети (а також і один предмет). Ця значущість виражалася з допомогою приєднання до основи кореня -**tara* ‘два’. Саме таку структуру мають іє. **pitar*, **mātar* та ін., в яких *-*tar* поступово загубило своє лексичне значення і стало виконувати з часом чисто граматичну функцію. Проте спочатку одна форма виражала і двоїну і частину від неї, тобто одинину. Різні значення, що являли собою, з одного боку, двоїну і, з іншого, одинину, зумовили різне формальне вираження. Проте форми одинини, що вийшли із двоїни, все ж є вторинними. Протиставлення цілого і частини призвело до витворення із **tara* показника частини, що згодом закріпилося у граматичних формах двоїни/однини. Рефлекси цієї мової реалізації пред-

ствалені у давніх писемних пам'ятках іndoєвропейських мов, що зберегли двойну. Досить наочно це можна показати на матеріалі давньо-індійської мови. Наприклад, форми двоїни мають вигляд скр. *pitarau*, *mātarau*. Вони свідчать про зміщення морфемної межі в напрямку до кінцевого *-ai*. Таке ж закінчення двоїни мають і інші іменники, зокрема, з основою на *-n*, на *-ī*, деякі однокореневі слова (*rājāna* із *rājān* ‘царь’, *devyau* із *devī* ‘богиня’, *bhuva* із *bhū* ‘земля’). Давньоіндійські імена з основою на *-i*, *-a* мають у двоїні закінчення *-i* (*vāriñī* із *vārī* ‘вода’, *manasī* із *manas* ‘розум, дух’) [9:826-837], у ведійських текстах можна зустріти в двоїні закінчення *-a*. Очевидно, що реалізація у формах називного відмінка двоїни різних кінцевих голосних свідчить про тривалий період розвитку праформи **tara* і про суттєве фонетичне послаблення у кінцевому ненаголошенному складі. Подібні фонетичні процеси відбувалися і в інших іndoєвропейських мовах, результатом чого і стали закінчення двоїни у вигляді *-e*, *-ī* / *i*, про що йшлося вище.

Аналіз розвитку праформи двоїни **tara* показав різні її рефлекси у мовах. Особливо це помітно на формах однини, які з неї витворилися і формувалися в противагу двоїні. Артикуляційне послаблення у закореневій частині суттєво торкнулося імен, у яких словесний наголос змістився на корінь. Опрошення в морфологічній структурі слова і зміщення морфемної межі зумовили перехід у зазначених формах **tara* зімкненного *-t-* до кореня. В результаті перерозкладу в слові граматичний показник двоїни набув вигляду **ara*. Проте зазначений фонетичний процес, який діяв у мовах у зв'язку із зменшеннем граматичного навантаження в кінці слова, призвів до подальшого артикуляційного послаблення. В результаті початковий голосний редукувався, кінцевий досить часто зникав. Сонорний *-r-* іноді змінювався до вигляду *-z-*, *-s-* або *-h*. Очевидно, що послаблення *-r-* пройшло ті ж етапи звукової зміни, які характерні для явища ротацізму (zmіни іс. **s* в *r*), проте в протилежному напрямку. В історії мов досить закономірно представлена фонетичні зміни в одному і другому напрямку (пор. подовження/скорочення голосного, монофтонгізація/дифтонгізація, лабіалізація/делабіалізація). У давньоіндійській мові в писемних пам'ятках засвідчено зміни кінцевого *r* в *s*, який міг далі послаблятися до придихового *h* (*visarga*) [1:96-97]. Фр. Бопп виводить давньоіндійське *h* із іс. **s*. Трапляються випадки, коли кінцеві *s* і *r* вживаються в словах омонімічно (скр. *údhar* ‘вим’я’ і *údhas*). Фонетична редукція в кінці слова, яке являло двоїну, зумовила

утворення коротшої словесної форми, і ця остання стала виражати в мові 'частину' від 'цілого', тобто позначати однину. Граматичний формант одніна/двоїна став автономним як мовна одиниця і почав вживатися у інших класах іменників. Таким чином, із двоїни **tara* витворилися показники однини -er, -es, -s, -h або їх нульова форма.

Як вище зазначалося, у формах двоїни могли вживатися інші корені, синонімічні **tara*. Їх розвиток, подібно **tara*, зумовив також розщеплення на **t-anā*, **t-akʷa* і утворення нових суфіксів двоїни і однини. Можна передбачити, що синонімічність **-ra* і **-na* започаткувала утворення давнього гетероклітичного відмінювання імен з основою на **-g/n* [див.: 14:267-268]. Сонорний *-n-*, як правило, історично залишився без змін, лабіовелярний *-kʷ-* суттєво змінився і мав варіанти типу *-*wa*, *-*h*, *-*s* [22]. Саме такі редуковані форми суфіксів зі значенням двоїна/одніна засвідчені в мовах. Наприклад, в давньоіндійських текстах представлена двоїна *pitara*, *mātarau*, а одна із цих слів у редукованій формі *pāta*, *māta*, в яких *-ra* повністю зникло. Аналогічно одн. скр. *vāri* 'вода' вийшло із дв. *vāriṇī*, при чому *-ṇī* також зникло. Двоїна скр. *sūnū* 'син' втратила кінцевий приголосний (пор. лат., гот. *sunus*), який змінився в *h* у формі однини скр. *sūnūh*. Скр. дв. *devyau* 'богиня' має в одн. форму *devī*. В іменах з основою на приголосний можна спостерігати подібні фонетичні зміни: дв. скр. *rājanau* - одн. *rāja* 'царь', і далі відповідно дв. - одн.: *manasī* - *manah* 'розум, дух', *bhuau* - *bhuḥ* 'земля', *devau* - *devah* 'бог' [1:216 і далі]. Фактично в усіх іменах з основою на голосний та приголосний у однині представлена редукована форма двоїни.

Подібна тенденція фонетичної зміни кінцевого суфікса двоїни щодо однини засвідчена в старослов'янській мові. Пор.: дв. *волы* – одн. *волъ*, дв. *камени* – одн. *камы*, дв. *дыни* – одн. *дынь*, дв. *сыны* – одн. *сынь*; [27; 38]. Аналогічно форма двоїни, яка засвідчена в ірландській та литовській мовах, спростилася в однині. Наприклад: дірл. дв. *in da fer* - одн. *in fer* 'чоловік', лит. дв. *dù výru* – одн. *výras* 'чоловік' [13:208; 32:65].

Індоевропейські мови, в яких збереглася двоїна, свідчать про витворення із неї форм однини, які становлять собою, як правило, різноступеневу редукцію одного із формантів. В результаті у мовах має місце велике розмаїття ізоглос в результаті розвитку первинних **tara*, **takʷa* чи **tana*, що і зумовило показники двоїни та однини у вигляді лише окремих голосних *i*/або приголосних, зазначених вище у давніх писемних пам'ятках. Отримані нами висновки дозволяють прояснити спірні питання в індоевропействі. Зокрема, вищезазначене дозволяє зрозуміти наявність *-na* у формі одн. гот. *tappa* 'людина' на відміну від герм. **manns*, яке постулюється вченими [14:261-265].

Розвиток поняття числа і розширення числового ряду в напрямку 1,2 → 3,4 зумовило зміщення поняття цілісності речі і її множинності спочатку від 2 до 3, потім до 4. Одним із наступних етапів після становлення двоїни був той час, коли відбулося збільшення первинного 2 на ‘одиницю’ і зародилося нове число 3, яке стало максимальним. Поняття множини в цей час необхідно розглядати як перетворення форм двоїни в іншу числову форму – троїсте число. Останнє протиставлялося за своїм значенням формам однини, що в результаті утворило опозицію ‘одніна/ троїсте число’. Існування такого граматичного числа має місце в деяких мовах [18], проте свідчення чи дослідження в цьому плані відносно індо-європейських мов нам невідомі. Більше того, є мови, в яких існує також четверте число. Звичайно, воно є наслідком подальшого розширення числового ряду 1,2, 3 і зародження числа 4. Формально це число, як і 3, вийшло із кореня числа 2 [23]. Спорідненість цих чисел пояснюється наявністю в той давній час двоїстого рахунку. Виходячи з особливостей розвитку числового ряду, можна собі уявити поступальний рух двоїни до форм множинних в індоєвропейських мовах. Можна з впевненістю сказати, що двоїна з часом вживалася в мовах у значенні множини, тобто позначала кількість предметів в три одиниці, а потім у чотири і т.п. Про це свідчать, зокрема, такі факти мови.

У старослов'янській мові двоїна вживалась при позначенні парних предметів, але в текстах зустрічаються випадки, коли при іменах зі значенням множини стоїть двоїна, а множина реалізується на місці двоїни [2]. У перекладі євангелійських текстів грецька множина заступлена двоїною в старослов'янських і навпаки. Ці факти свідчать про те, що двоїна виражала множинність, яка позначала не тільки два предмети, а три і більше. Мабуть, цим можна пояснити вживання при числівниках 2, 3, 4 у східнослов'янських мовах род. відм. одн. (*два вікна, три, чотири вікна*) і при 5 і більше – род. відм. мн. (*п'ять вікон і т.д.*). У першому випадку словосполучення мають у собі двоїну, яка збереглася до сьогодні, в другому – множинні форми. Аналогічно форма двоїни вживается після числівників до 6 включно в новоірландській мові, позначаючи множинність [13:236].

Зміну значення парності, яка була характерна для двоїни, на іншу кількість предметів виявляємо в старогрецькій мові. Й.М.Тронський пише про один фрагмент із Іліади, в якому мова йшла про трьох послів, але при цьому неодноразово вживалася двоїна замість множини [26:69]. Аналіз грецького і латинського матеріалу дав авторові право стверджувати, що “двоїна по суті не має числового значення; вона зовсім не позначає двоїстість, а тільки вживается при ній” [там же, 68]. Таким чи-

ном, двоїна в цей час уже втратила свою колишню значущість і її смыслове наповнення розсялося в інших множинах.

Спорідненість форм двоїни і множини засвідчує, що остання вийшла із двоїни, хоча за своїм значенням вона протиставлялася однині. Звідси очевидно, що смыслова синонімічність двоїни і множини зумовила відмінання форм двоїни, яка з розширенням числового ряду асоціювалася у носіїв мови головним чином з парними предметами. Множинні форми, що вийшли із двоїни, позначали два і більше предметів і тим самим суттєво відрізнялися за змістом від попередньої форми. Різна смыслова значущість спричинила також різне формальне вираження множини в порівнянні до її вихідної множинної форми у вигляді двоїни. Про це свідчать мови, у яких були присутні всі три граматичних числа.

В давньоіндійських текстах засвідчені такі форми двоїни і множини: *devau - devāḥ, vārīnī - vārīnī, sūnū - sunavaḥ, devyau - devyāḥ, pitaraū - pitarāḥ, rājānau - rājānāḥ, bhuvau - bhuvaḥ, ahnī (ahānī) - ahānī* ‘дні’ [9:826-837]. В усіх без винятку випадках, що ілюструють різні іменні основи, форми множини відрізняються від форм двоїни, в той же час вони свідчать про їх спорідненість. Як видно з наведених прикладів, існували різні шляхи утворення множини, але основним із них необхідно назвати додавання до форми двоїни форманту *-ḥ*, що вийшов із іє. *-s, природу якого розглянуто вище. Тут необхідно тільки нагадати, що цей формант пов’язаний зі значенням нумеративності і означав більшу множинність, ніж вона була у двоїни. Те ж саме можна сказати і про форми двоїни і множини в інших мовах. Наприклад, в литовській мові: дв. *dù sūnu* – мн. *sūnūs*, дв. *širdi* – мн. *širdys* (одн. *širdis* ‘серце’), в старослов’янській: дв. *врача* – мн. *врачи*, дв. *отьца* – мн. *отьци*, дв. *сыны* – мн. *сынове*, дв. *дьни* – мн. *дъне*, в ірландській: дв. *in da fer* – мн. *ind fir*, дв. *céle* – мн. *céli* (одн. *céle* ‘товариш’).

Таким чином, з часом множина розширила свою значущість, яка була спочатку притаманна лише двоїні. Остання як формант граматичний майже повністю зникла в індоєвропейських мовах. Розвиток мов у писемний час засвідчив, про що йшлося вище, зародження нових грамем числа і подальшу диференціацію форм однини і множини. Обсяг статті не дозволяє зупинитися на відношенні цих показників числа, проте нам хотілося б відзначити, що в тих мовах, де засвідчені лише два числа – одніна і множина, показник останнього необхідно розглядати як рефлекс доісторичної форми двоїни. Множинна форма має в собі грамеми, подібні розглянутим вище формам двоїни і множини, і це дозволяє її виступати в протиставленні до однини. Наприклад, пор. одн. і мн.: гот. *dags* ‘день’ – *dagōs*, *triu* ‘дерево’ – *triwa*, дісл. *dagr* – *dagar*,

дсакс. *dag – dagos*; укр. *мати – матері*, рос. *сын – сыновья*, лат. *lex* ‘закон’ – *legēs*, *vir* ‘чоловік’ – *virī*. У вірменській мові при утворенні множини іменників вживається глоталізований *q'* (наприклад, *dster* ‘дочка’ – *dsterq'*), походження якого, незважаючи на численні дискусії, залишається нез'ясованим [25]. Вищезазначене у нашій статті дозволяє стверджувати, що цей формант вийшов із редукованої форми іс. **takʷa*, яка вживалася як показник двоїни в іndoєвропейській прамові. Аналогічно можна пояснити походження суфікса *-āha* в давньоперській мові (*bagāha* ‘боги’), який перетворився в показник множини [33:449]. Очевидно, що розвиток первинних граматичних формант двоїни і їх перетворення в мовах у форми множини потребує в кожному випадку спеціального дослідження.

ЛІТЕРАТУРА

1. Барроу Т. Санскрит: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1976. – 411 с. 2. Белич А.И. К двойственному числу в старословянском. I-VII. – Санкт-Петербург, 1899. – 33 с. 3. Гумбольдт В. О двойственном числе // Его же. Язык и философия культуры: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1985. – С. 382-402. 4. Гухман М.М. Морфологическая структура слова в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. Том 3. Морфология. – М.: АН СССР, 1963. – С. 7-38. 5. Дегтярев В.И. Собирательность и категория числа в истории славянских языков // Вопросы языкознания. 1982. №4. – С. 92-101. 6. Димитрова О.П. Коренева структура слова і особливості її розвитку в німецькій мові: Автореф. дис. ... канд. фіол. наук: 10.02.04/ Одеськ. держ. ун-т. – Одеса, 1996. – 18 с. 7. Етимологічний словник української мови. Том другий. – К.: Наукова думка, 1985. – 571 с. 8. Есперсен О. Философия грамматики: Пер. с англ. – М., 1958. – 404 с. 9. Зализняк А.А. Грамматический очерк санскрита // Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. Изд. 2-е, исправл. и дополн. – М.: Русский язык, 1987. – С. 785-896. 10. Кацнельсон С.Д. К истории партитивного определения // Учен. зап. ЛГУ, серия филол. наук, 1941. Вып.5. №58. – С.5-49. 11. Кацнельсон С.Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь // Известия АН СССР. Отделение лит. и яз., 1947. Том VI, вып.4. – С. 301-316. 12. Курманбаев Н.М. Происхождение грамматических категорий. – Алма-Ата: Мектеп, 1981. – 128 с. 13. Льюис Г., Педдерсон Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: Пер. с англ. – М.: изд. иностр. лит., 1954. – 534 с. 14. Макаев Э.А. Именное склонение в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. Том 3. Морфология. – М.: АН СССР, 1963. – С. 132-287. 15. Марр М.Я. Язык и мышление. – М. – Л.: Соцэкгиз, 1931. – 64 с. 16. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков: Пер. с франц. – М. – Л.: Соцэкгиз, 1938. – 510 с. 17. Миронов С.А. Категория числа // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. – М.: Наука, 1977. – С. 161-175. 18. Панфилов В.З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития // Вопросы языкознания. 1976. № 4. – С. 18-38. 19. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. – М.: Вызшая школа, 1974. – 410 с. 20. Семерены О. Введение в сравнительное языкознание: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1980. – 407 с. 21. Таранец В.Г.

Энергетическая теория речи. – Киев – Одесса : Вища школа, 1981. – 150 с. 22. Таранець В.Г. Рефлекси індоевропейського *k*- в слов'янських мовах // Слов'янський збірник. Випуск I. – Одеса: Астропrint, 1996. – С. 79-83. 23. Таранець В.Г. Походження поняття числа і його мовної реалізації (до витоків індоевропейської прамови). – Одеса: Астропrint, 1999. – 116 с. 24. Таранець В.Г. Поняття бінарності і зародження древніх слів //Часопис "Мова". – Одеса: Астропrint, 1999. 25. Томсон А. Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса. – С.Петербург, 1980. – 263 с. 26. Тронский И.М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках // Учен. зап. Ленигр. ун-та, сер. филол., – 1946. – Вып. 10. № 69. – С. 54-72. 27. Трофимович К.К. Старослов'янська мова. Відмінювання і дієвідмінювання. – Львів: вид-во Львівськ. ун-ту, 1958. – 48 с. 28. Туманян є.Г. Системность трансформаций индоевропейских архетипов как критерий их одноплоскостного существования // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. – М.: Наука, 1988. – С.189-197. 29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Издание второе. Том.III. – М.: Прогресс, 1987. – 832. 30. Холодович А.А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Учен. записки ЛГУ, серия филол. наук. – 1946. – Вып. 10, №69. – С.15-36. 31. Цинциус В.И. Множественное число имени в тунгусо-манчжурских языках // Учен. зап. ЛГУ, серия филол. наук. – 1946. – Вып. 10, №69. – С. 73-119. 32. Явнис К.О. Грамматика литовского языка. Пер. с лит. – Петроград, 1916. – 268 с. 33. Bopp Fr. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Lituaischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen. 3-te Ausgabe. Erster Band. – Berlin, 1868. - 558 S.; Dritter Band. – Berlin, 1871. - 522 S. 34. Brugmann K. Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre der indogermanischen Sprachen. Zweite Bearbeitung. Erster Band. Einleitung und Lautlehre. Erste Hälfte. - Straßburg, 1897. – 1098 S. 35. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. - Leiden, 1939. – 710 S. 36. Gonda J. Reflections of the numerals "one" and "two" in ancient Indo-European languages. – Utrecht, 1953. 37. Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Weimar, 1876. – 829 S. 38. Vondrák V. Altkirchenslavische Grammatik. – Berlin, 1900. – 395 S.

РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ В ТЕРМИНАХ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

Тарасова Е.В.

Научный анализ неопровергимо доказывает, что при всей своей кажущейся непредсказуемости и субъективности человеческая речь представляет собой особый вид деятельности, в высшей степени структурированной, упорядоченной, организованной, регулируемой, воспроизводимой, прогнозируемой, иначе говоря, системной. При этом однако речь всегда остается понятием сугубо антропоцентричным, ведь речь - это то, что каждый из нас целенаправленно делает с языком, как манипулирует им или, если угодно, "играет". Гоффман (1981) сравнивал процесс речепроизводства с игрой в шахматы - игрой в высшей степени творческой, успех которой в каждой конкретной партии определяется сложным сочетанием организующей аналитической работой интеллекта и непредсказуемым полетом воображения. То же с речью: производя ее, мы - каждый из нас - творим, но при этом "играем по правилам".

Постижение правил "речевой игры" нерасторжимо связано с понятием **контекста**. "Любое высказывание имеет содержание, отражающее какой-либо фрагмент действительности. ...высказывание всегда помещается в рамки какого-либо коммуникативного акта, где субстанциональный смысл высказывания вступает в определенные отношения со смыслами окружающих высказываний и получает свою реляционную характеристику" (Колшанский 1980:30). Пристальное изучение безграничного разнообразия доступных и недоступных непосредственному наблюдению видов контекста приводит к выводу о его системной природе (Тарасова 1998:172), которую можно представить в виде следующей иерархии:

микроконтекст - межличностный, отражающий "микроэтнографию общения" (Erickson 1998) и характеризующий говорящего как конкретную языковую личность, реализующую в данном коммуникативном эпизоде свою конкретную коммуникативную интенцию;

макроконтекст - более широкий, социокультурный контекст, характеризующий говорящего как представителя своего социума и своей (суб)культуры;

метаконтекст - контекст мысли и знания, характеризующий ту концептуальную систему, в рамках которой говорящий мыслит и которая отражает сложившееся в данном социуме видение мира.

Установив системную, иерархическую природу контекста, выступающего в качестве среды, в которой протекает речевая деятельность, логично спроектировать ее и на саму речевую деятельность и предположить, что системный характер последней также проявляется в иерархической поуровневой организации. Попытаемся представить эту организацию в направлении от высшего уровня к низшему - “сверху вниз”, начиная с той концептуальной системы, которая хранится в коллективном и индивидуальном сознании говорящих и которая управляет и их мыслями, и их речью. Более того, приводятся убедительные доказательства в пользу того, что даже самые индивидуальные чувства и эмоции человека системно организованы на когнитивном уровне (Lakoff and Kovecses 1987; Ochs and Schiffrin 1989). Мы, говорящие, не всегда эту когнитивную систему сознаем, но всегда ей подчиняемся. Таким образом, наша речь системна потому, что системно организована **на когнитивном уровне**.

Наша речь регулируется также обществом, в котором мы живем, тем местом и ролью, которые общество нам отводит в том или ином коммуникативном контексте. Чтобы быть полноценным членом своего этно-культурного социума, говорящий обязан соблюдать в своей речи установленные этим обществом правила, владеть “социокультурной грамматикой языка” (Grayshon 1997), предписывающей, какие языковые средства следует выбирать, выступая в той или иной социальной ситуации и роли и как в зависимости от этого интерпретировать высказывания окружающих. Эти правила организуют нашу речь **на социо-культурном уровне**. Они постигаются нами в процессе социализации - иногда в результате специального обучения (детям обычно объясняют, что и когда можно, а чего нельзя говорить), но по большей части в результате наблюдения за поведением окружающих.

На межличностном уровне мы выбираем те или иные речевые акты, движимые прежде всего своей конкретной сиюминутной интенцией, и это делает межличностный уровень наименее системным из всех, хотя уже само по себе наличие узнаваемых большинством членов данного речевого коллектива речевых актов и этот уровень определенным образом организует.

Идеи речевой, или шире, коммуникативной системности тесно связаны в современной лингвометодологии с динамической концепцией **коммуникативной компетенции**. Главная ценность этого метаязыкового детища Хаймса (1972) в том, что оно характеризует целенаправленную коммуникативную деятельность индивида и в самом общем виде определяется так: что говорящий должен знать и уметь, чтобы успешно общаться в данном речевом коллективе. Понятие коммуникативной компетенции охватывает все три перечисленных выше уровня, отражая неразрывную связь интеллектуального, социального и верbalного в поведении человека.

Вклад Д. Хаймса - родоначальника энергично развивающегося сегодня в мировом языкоznании междисциплинарного направления, известного как “этнография речи (ethnography of speech)” - в теорию коммуникации не ограничился однако обоснованием понятия коммуникативной компетенции. Ученый также предоставил в распоряжение исследователей удобный, универсальный и потому сразу же получивший широкое распространение инструментарий для описания речевой коммуникации в виде известной иерархии единиц анализа: речевая ситуация, речевое событие, речевой акт.

Речевая (коммуникативная) ситуация - это самый широкий контекст, в котором протекает речевая деятельность. Речевые ситуации можно в целом признать соответствующими фреймам - тем когнитивным схемам или сценариям, что хранятся в языковом сознании и памяти речевого коллектива. “A speech situation maintains a consistent general configuration of activities and the same overall ecology within which communication takes place” (Saville-Troike 1987). Примерами речевых ситуаций могут служить “meals”, “courtroom hearing”, “academic or press conference”, “business deal negotiation”, “house party”, “church service”, “wedding ceremony” и т.п.

Речевая ситуация обычно включает в себя несколько **речевых событий**. Так, ситуацию “academic conference” можно пред-

ставить как состоящую из таких речевых событий, как “opening ceremony”, “working sessions”, “plenary sessions”, “question time”, “paper presentations”, “round tables” и т.п. Речевое событие - это коммуникативный эпизод, который отличает внутренняя связность и единство. Этот вид речевой деятельности имеет четко выраженные границы (начало и конец), характеризуется непременным сотрудничеством участников в его осуществлении, проявляющимся в координации ими своих речевых усилий, и закрепленность за определенным фреймом (Nunen 1993).

Речевые акты - самые “мелкие” и индивидуализированные единицы общения, из которых состоят в свою очередь речевые события. Так, речевое событие “reception” может включать такие речевые акты, как greetings, compliments, apologies, expressions of gratitude, возможно, также promises, invitations, indirect complaints и т.п..

С учетом сказанного выше представляется возможным отобразить систему речи в виде следующей трехярусной схемы, своего рода “слоеного пирога”, в котором каждому из выделяемых уровней соответствует свой тип контекста и своя (в терминах Хаймса) коммуникативная единица - см. столбцы 1,2,3 приведенной ниже таблицы.

Системная организация речевой деятельности

1	2	3	4	5	6
когнитивный уровень	мета контекст	коммуникативная (речевая) ситуация	когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнография речи, антропология (когнитивная и социальная) социолингвистика, этнолингвистика, риторика, анализ дискурса	мета (когнитивная) pragmatika	максимы кооперации / "лицевая работа" (принцип вежливости)
социально культурный уровень	макро контекст	коммуникативное (речевое) событие	макро (социо) pragmatika	микро (межличностная) pragmatika	

Но так как в “живой” речи уровни, так же как и контексты, изоморфны и взаимопроницаемы, то и границы между дисциплинами, изучающими речевую деятельность, весьма условны. У каждого конкретного исследования того или иного аспекта речевой деятельности бывает очень трудно, а то и невозможно определить область референции. Именно потому, что человеческая речь так сложна и многогранна, единствен-но верным, методологически и практически оправданным след-дует считать **интегративный подход**, который и отличает изу-чающие речевую деятельность родственные взаимосвязанные лингвистические дисциплины, перечисленные в столбце 4.

Сегодня если исследование проводится на микроконтекстуальном уровне, это называется в мировой лингвистике межличностной прагматикой или **микропрагматикой** (также ground floor, messy pragmatics - Erickson 1998). Такие узкопрагмати-ческие исследования не вызывают в последние годы большо-го интереса, так как редко дают основания для научных обо-щений. Гоффман, в частности, определяет их как “*pure psychometry, consisting of unstructured and unsystematic observation*” (1981:39). Научный подход к языку - это стремле-ние объяснить связь между тем, что и как индивид говорит, и системой его знаний о мире, социальным поведением, показать, как его речь характеризует его культуру, картину мира, систему верований и ценностей, т.е. проследить сложную вза-имозависимость между языковыми, социо-культурными и ког-нитивными измерениями человеческой жизни. Такой подход получил в лингвистике название **макропрагматика, или соци-опрагматика**. Цель макропрагматического подхода в том, чтобы выявить тенденции, описать закономерности “социолингвисти-ческого поведения индивида” (Schiffrin 1994) на основе обобщения максимально возможного числа случаев индиви-дуальных речевых действий конкретных говорящих в кон-кретных микроконтекстах. Изучение же когнитивной организа-ции речи получило известность как **метапрагматика** (Kasper 1996) или **когнитивная прагматика** - см. столбец 5.

Рассматриваемую схему, моделирующую современный подход к описанию системной организации речи, нельзя счи-тать законченной пока в ней отсутствует чрезвычайно важ-ный ингредиент - тот, который, собственно, и связывает “сло-еный пирог” в единое целое, а именно, теоретико-методоло-

гическая база. Методологически изучение системных свойств речи происходит сегодня в мировом языкоznании в опоре на две основополагающие и взаимно дополняющие друг друга теории. Первая - это **теория Грайса**, утвердившая в теории речевой деятельности принцип Кооперации, воплощенный в четырех общеизвестных разговорных максимах-постулатах (Grice 1975). Грайс и его последователи убедительно и много-кратно продемонстрировали на материале различных языков универсальность принципа сотрудничества, базирующегося на свойственных самой природе человека рациональности и здравом смысле. Более того, рассматривая вслед за Грайсом речь как особую форму рационального поведения, ученые (Leech 1983, Argyle 1991, Schiffrrin 1990) доказали также, что "individuals routinely violate the specific maximes, despite such violations, however, they still assume each other's cooperative intent. The maximes are idealized norms whose routine violations are strategies which allow people to mean more than they say" (Schiffrrin 1990:105).

Максимы сотрудничества эффективно организуют нашу речь, прежде всего на когнитивном и социальном уровнях, речевая деятельность на которых просто невозможна без рациональной системной организации. Уровень же микроконтекста - наименее рациональная и наиболее личностная сфера речевого поведения индивида, а потому - наиболее проблематичная в смысле регулирующего воздействия грайсовского принципа кооперации. Известно, что принцип кооперации "дает осечки" в заведомо не располагающих к сотрудничеству ситуациях, в которых коммуниканты разделены большой дистанцией власти или в силу различных обстоятельств (стресс, аффект, депрессия и т.п.) ведут себя иррационально. Тут вступает в действие другой регулирующий механизм, а именно, парадокс лица (*the paradox of face* - Lim and Bowels 1991) открытый, как известно, Гоффманом (1981) и получивший всестороннее развитие в известной теории вежливости Браун и Левнисона (1987), на которой строят сегодня свои исследования прагмалингвисты всех направлений.

Лицо - "the public self-image that every member wants to claim for himself" (Goffman 1967:61) создается и поддерживается соответствующим использованием вербальных (и невербальных) средств и стратегий, и в процессе общения наше соб-

ственное лицо, так же как и лица наших коммуникативных партнеров постоянно подвергается воздействиям - благоприятным и неблагоприятным. Необходимость постоянной заботы о собственном лице и лицевых нуждах партнера ограничивает свободу самовыражения индивида и регулирует его речь в каждом речевом акте, каким бы личностроно окрашенным и уникальным он ни был.

Было бы упрощением считать, однако, что принцип сотрудничества и принцип вежливости связаны между собой отношениями "или-или". В каждом конкретном речевом эпизоде они сложным образом между собой взаимодействуют - особенно на уровне социо-культурного (макро)контекста. Правильнее было бы предположить, что эти две составляющих коммуникации находятся между собой в состоянии взаимной дополнительности, "совместно" и одновременно регулируя и системно организуя нашу речь на всех уровнях - столбец 6.

Попытка отразить системную организацию речи и многообразие подходов к ее описанию в рамках современной лингвопрагматики представлена для наглядности в приведенной выше таблице.

ЛІТЕРАТУРА

1. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980.
2. Таракова, Е.В. Речевая системность и контекст//Мовна компетенція, креативність та актуальні проблеми викладання іноземних мов. - Харків "Константа", 1998. - С. 168-175.
3. Argyle, M. Cooperation. The Basis of Sociability.- Routledge, 1991.
4. Brown, P., Levinson, S. Politeness.- Cambridge University Press, 1987.-345 p.
5. Erickson, F. Microethnography of Interaction as an Approach to the Study of Ground-level Pragmatics in Language Classrooms. Plenary address at the 12-th Annual International Conference on Pragmatics and LanguageLearning. Feb. 26-28, 1998.University of Illinois at Urbana-Champaign, 1998.
6. Goffman, E. Interactional Ritual. New-York: Anchor, 1967.
7. Goffman, E. Forms of Talk. Philadelphia, PA: University of Pensilvania, 1981.
8. Grayshon, M.C. Towards a Social Grammar of Language. (J.Fishman, ed.) - Mouton Publishers, 1997.
9. Grice, P. Logic and conversation// "Syntax and Semantics", v.3 Speech Acts. - New York: Academic Press, 1975.
10. Hymes, D. Directions in Sociolinguistics: an Ethnography of Communication. - New-York: Holt, Rinehart and Winson, 1972.
11. Kasper, G. Intralanguage pragmatics in SLA/Studies in Second Language Acquisition. - 1996. - v.18, #2. - P.17-39. Cambridge University Press.
12. Lakoff, G., Kjvacsces, Z. The cognitive model of anger inherent in American English//Cultural Models in Language and Thought. Holland and Quinn (eds), N. Y: CUP, 1987.
13. Leech, G.M. Principles of Pragmatics. London: Longman,1983.
14. Nunan,D. ResearchMethod in Language Teaching. CUP, 1993.
15. Ochs, E., Schiffrin, D. 1989: Language has a heart//Text(sp.edition). - 1989. - v.9-1.
15. Saville-Troike, M. The Ethnography of Communication. (2-nd ed.). Oxford: Basil Blackwell. - 1989.
16. Schiffrin, D. Approaches to Discourse. - Oxford: Blackwell, 1994. - 470p.

ПРОЗА «РАССЕРЖЕННЫХ» В КОНТЕКСТЕ АНГЛІЙСКОЇ ЛІТЕРАТУРИ СЕРЕДИНИ 20 СТОЛЕТИЯ

Тимошенкова Т.М.

Начало 50-х годов 20 столетия ознаменовалось в литературной жизни Англии событием, которое вызвало живейший интерес как в самой стране, так и за ее пределами. Именно в эти годы в английскую литературу вошла группа молодых писателей, достаточно различных по своим литературным установкам и объединенных лишь резко отрицательным отношением к современной им действительности. Английские критики (A.Burgess, A.S.Collins, J.Gritten, M.A.Halliday, J.Lindsey) назвали их «рассерженными молодыми людьми», причисляя таким образом к одному литературному направлению. Хотя у этих авторов никогда не было общей идеальной или творческой программы, их произведения отражали умонастроения молодого поколения Англии, недовольного окружающим миром, но не видящего перед собой никаких перспектив (8).

Название для этой группы писателей критика позаимствовала из пьесы Джона Осборна («Look Back in Anger», 1956). Отечественная литературная критика: А.Аникст (1965), Г.В.Аникин (1971), И.К.Анисимов (1966), Д.Г.Жантиева (1966), В.В.Ивашева (1979), Н.П.Михальская (1982) решительно (и совершенно справедливо) не согласны с тем, что «рассерженных» можно квалифицировать как единое литературное направление. Однако общий временной период: 50-е - начало 60-х гг., пафос острого неприятия окружающей действительности, поиски литературными героями своего места в жизни, характерные для всех этих произведений, позволяют характеризовать «рассерженных» если не как единое литературное, то, во всяком случае, как единое общественное и культурное явление.

Зрелость этого поколения писателей наступила в эпоху холодной войны, краха социальных иллюзий, ломки прежних нравственных устоев, что не могло не отразиться на их мировосприятии. Реализм «рассерженных» несет очень мощный критический заряд, под огнем их критики оказываются политические деятели страны, система образования и воспитания, буржуазный жизненный уклад и его положительные ценности, нравственные качества представителей самых разных слоев английского общества. Однако их бунт стихиен, непоследователен и зачастую принимает нелепые формы.

«Рассерженные» – Джон Осборн («Look Back in Anger», 1956), Кингсли Эмис («Lucky Jim», 1953; «That Uncertain Feeling», 1955), Джон Уэйн («Live Now», 1955; «Hurts on Down», 1957), Джон Брейн («Room at the Top», 1957; «Life at the Top», 1962) ввели в роман нового героя – своего сверстника, образ в какой-то степени автобиографический. Этот герой вступает в жизнь без всяких иллюзий. Он с самого начала ни во что не верит и ему ни до кого нет дела. Человек неустроенной судьбы, он ставит перед собой единственную цель: добиться материальной обеспеченности. Окружающее общество отнюдь не склонно идти ему навстречу, более того, оно ему враждебно, ему – одинокому и «рассерженному» бунтарю.

При всей нечеткости мировоззрения, при всех своих противоречиях, «рассерженные молодые люди», выразив настроения своего поколения, принадлежащего к буржуазно-демократическим слоям, создали интересные произведения, явив миру новые стороны современного английского реализма (8). Так называемый «бунт 50-х годов» получил сильный резонанс в области культуры. Он сводился к отрицанию тех ценностей в области эстетической и моральной, которые служили идеологии господствующих классов и считались ранее идеальными.

Острейшее недовольство всем окружающим, отвращение к современной буржуазной Англии, перерастающее в отрицание каких-либо положительных ценностей во всем современном мире, растерянность и шумный бунт без какой-либо положительной программы – таковы были приметы литературы «рассерженных» в книгах Эмиса, Уэйна, Брейна, в пьесах Осборна (4). Они громко и очень смело говорят «нет» общественному устройству своей страны, буржуазной морали, традициям, традиционному образованию, не дающему ничего и обманывающему все надежды. Они проклинают и клеймят презрением служителей церкви, благословляющих водородную бомбу и массовое истребление людей. С убийственным сарказмом говорят они о своих наставниках и учителях, снабжающих молодежь суммой знаний, не пригодных в реальной жизни. Все, что высказывают «рассерженные молодые люди», – негативно, но и в этой негативности – большая сила. Протест, который они выражают, даже беспредметный, дышит искренним чувством негодования.

Бунт английской «рассерженной» молодежи был бы отнюдь не бесплодным, если бы эта молодежь знала, чего она хочет. И, тем не менее, «рассерженная молодежь» в течение нескольких лет волновала Англию. Вся Англия говорила о «рассерженной молодежи» как общественном явлении: одни с одобрением и даже восторгом, другие с возмущением и презрительным пренебрежением. Но не заметить ее было невозможно; она волновала, хотя и по-разному, молодых и старых, передовых и консер-

вативных людей страны. Выступления «рассерженной молодежи» вызывали жгучее недовольство рутинеров и консерваторов и симпатии прогрессивно мыслящих людей, отнюдь не закрывавших в то же время глаза на ограниченность и противоречивость этого течения.

Отрицание окружающего, острое недовольство своим существованием и ощущение бессилия что-либо изменить и исправить – эти черты литературы «рассерженной молодежи» уже налицо как в первом романе К.Эмиса, так и в первом романе Дж.Уэйна (при всем их отличии друг от друга).

Характер творчества английских писателей, вышедших на литературную арену в 50-х годах и получивших прозвище «рассерженных», определили, прежде всего, специфически английские особенности общественной жизни послевоенного периода. Вопль отвращения и отчаяния, прозвучавший в произведениях «рассерженных молодых людей», очень верно передал настроения, которые охватили широкие слои английской молодежи именно в начале 50-х годов.

Беда в том, что те принципы и устои, против которых так громко пытались бунтовать «рассерженные», держали их самих в таком плена, из которого у них не хватило сил вырваться. И все же следует отдать спрашивчивость: представители английской «рассерженной» молодежи в своем творчестве обратились к коренным социальным проблемам и воплотили эти проблемы такими художественными средствами, которые позволяют причислить их к литературе критического реализма.

Исходная позиция, с которой начался бунт «рассерженных», предполагала неизбежность последующего выбора. «Рассерженные» должны были сделать логический вывод из своей критики, из своего протеста и либо по-настоящему разгневаться, либо сложить оружие и капитулировать перед буржуазным миром, который, не допустив их к своим материальным благам, в то же время отравил их своими представлениями и предрассудками (6). Примирение с существующим порядком вещей обещало молодым писателям материальную обеспеченность, признание литературной критики. Для некоторых «рассерженных» (так же, как и для их героев) соблазн оказался слишком велик.

Можно осуждать «рассерженных» за непоследовательность критики, за отсутствие позитивной программы, за недостаток мужества, необходимого для того, чтобы решительно порвать со всем, что они так искренно клеймили и проклинали. Однако, несомненно и то, что они сыграли свою роль, выставив напоказ вопиющие уродства и нелепости окружающей их жизни. И лучшие произведения «рассерженных» по праву занимают видное место среди произведений критического реализма

в европейской литературе XX века. Их объединяет горячий протест против социального неравенства, сословного чванства, лжи и лицемерия, профанации искусства, политической апатии, власти денег, конформизма.

Их герой разочарован в жизни, недоволен своей работой, зол на общество. Его раздражают царящие вокруг лицемерие, ханжество и пошлость. Он бунтует против принятых норм поведения и морали. Этот бунт проявляется то в экстравагантных выходках и шутовских эскападах, как у Джима Диксона («Lucky Jim»), то в скандальном адюльтере, как у Джона Льюиса («That Uncertain Feeling»), то в демонстративном уходе в ряды рабочего класса, как у Чарльза Ламми («Hurly on Down»), то в попытке убить негодяя, мешающего людям жить, чтобы потом покончить с собой, как Эдгар Бэнкс («Live Now»), то в страстных мизантропических монологах, как у Джимми Портера («Look Back in Anger»).

Главная беда всех этих героев не только и не столько в том, что они не могут ничего предложить взамен тому, что вызывает их справедливое негодование. Беда в том, что их бунт сходит на нет. Они либо достигают так или иначе материального благополучия, возвращаются в общество, против которого так неистово бунтовали, и на этом успокаиваются (как Джим Диксон или Чарльз Ламми), либо, «покончив с грехами молодости», примиряются со своей скромной участью (как Джон Льюис, Эдгар Бэнкс или Джимми Портер).

Среди всех этих бунтарей выделяется Джо Лэмптон, герой романов Джона Брейна «Room at the Top» и «Life at the Top». Он ничуть не меньше других ненавидит «высшее» общество. Он не прощает магнатам их неправедного богатства; великоксвятским плейбоям – их праздности, бьющей на эффект роскоши, бездумного распутства; дамам из высшего общества – их желчного злословия, лицемерия и показной добродорядочности; ловким политиканам – их политических спекуляций. Но Лэмптон отнюдь не стремится отмежеваться от общества тех, кого так ненавидит. Он всеми силами стремится попасть в это общество, добиться для себя места среди хозяев жизни. Лэмптон ничуть не обольщается на собственный счет. Он такой же откровенный хищник, как и те, кто его окружают. Он добивается места под солнцем, но его победа становится его поражением. По существу, исповедь Джо Лэмптона – это история морального краха человека, который, обретя богатство, растратил себя.

Романы Джона Брейна с их реализмом, острой художнической наблюдательностью, тонким психологизмом можно без преувеличения отнести к лучшим образцам литературы «рассерженных молодых людей». Дило-

гия Джона Брэйна «Room at the Top» (1957) и «Life at the Top» (1962) – это рассказ о человеке, который в погоне за богатством, за «местом наверху» опустошает свою душу, растаптывает свои и чужие привязанности, становится жестоким и циничным. Повествование ведется от лица героя, который достаточно откровенно рассказывает о том, как он добивался места под солнцем и чем обернулся для него достигнутый успех.

«Восхождение» Джо в высшее общество начинается с его участия в любительских спектаклях, где он знакомится с Элис, которая станет его большой любовью, и со Сьюзен – дочерью промышленного магната, на женитьбу на которой он с самого начала возлагает самые серьезные надежды, рассчитывая таким образом проникнуть в мир власти имущих.

Он ведет двойную жизнь: лжет, проявляя интерес к любительским спектаклям; лжет Сьюзен, уверяя ее в своей любви; лжет Элис, клянясь ей в своей верности; лжет Брауну, отцу Сьюзен, который хочет откупиться деньгами от нежелательного зятя; лжет даже своему другу Чарльзу, от которого якобы ничего не скрывает:

«I'd be scared of losing her. I'm in love with her» – говорит он о Сьюзен.

Но Чарльз слишком хорошо его знает: *«In love with her! Drive! In lust with her! and Daddy's bank balance. I know you, you scoundrel»* (11:88).

Честен и откровенен до конца Лэмптон только наедине с самим собой. Здесь он не пытается кривить душой и приукрашивать мотивы своих поступков. Поэтому все повествование звучит как исповедь этого английского Растиныка. Его ложь не вызывает у него ни малейших угрызений совести. Лэмптон твердо знает, чего хочет, и считает, что все средства хороши для достижения его цели. Он прилагает максимум энергии, выдержки, холодного расчета, чтобы добиться расположения Сьюзен, в конце концов, просто соблазняет ее, чтобы стать зятем богача Брауна.

Как холодный и беспристрастный экспериментатор, Лэмптон препарирует как свои намерения, так и чувства Сьюзен: *«I was taking Susan not as Susan, but as a Grade A lovely; as the daughter of a factory-owner, as the means of obtaining the key to the Aladdin's cave of my ambitions; and she was taking me as the perfect lover and delightful companion, passionate and tender and exciting and infinitely wise»* (11:139).

Иногда его грызет раскаяние: *«I was blaming Alice. I was casting myself in the part of the innocent young man led away by the older woman. I was betraying Alice in doing so»* (11:218). Он даже способен почувствовать жалость и какое-то теплое чувство к своим «закоренелым врагам» – родителям Сьюзен.

Однако на первом месте всегда он сам. Он хладнокровно бросает Элис, свою единственную любовь, расчетливо женится на Сьюзен, заводит

для самоутверждения многочисленных любовниц, которых бросает без всякого сожаления. Проезжая в своей шикарной машине по бедным районам, он испытывает сочувствие к их обитателям, однако стремится поскорее отвернуться от всего, что напоминает ему о его нищем прошлом.

Путь Джо в высшее общество и многочисленные унижения, которые ему приходится переживать, рождают у него болезненное самолюбие, он впадает в ярость, видя или воображая себе насмешливое, презрительное отношение окружающих, усматривающих в нем (и совершенно справедливо) беззастенчивого расчетливого охотника за приданным: *«I remember the visit to our solicitor to go over the deeds of our present house and the expression which had flicked across his face when he'd realized where the money – or most of the money – was coming from. There was nothing I could put my finger on; but there was no mistake about either his contempt when he looked at me or his envious lubricity when he looked at Susan»* (12:8).

Больше всего Лэмптона бесит то, что эти люди ничуть не лучше, не честнее, не порядочнее его. Просто им повезло унаследовать богатство, которого они не заработали. По справедливому замечанию Н.И.Рубцовой (10), в дилогии Д.Брейна нет положительного героя. Все испорчены, отправлены омерзительным духом буржуазного торгащества.

Джо Лэмптону удается добиться своего. Но «жизнь наверху» оказывается несладкой. Материальное благополучие, купленное ценой предательства, подлости и стоившее Лэмптону многочисленных унижений, не приносит ему счастья. И он делает последний рывок, судорожную попытку вырваться из опостылевшего Уорли, где он давно уже не чувствует себя человеком, начать новую жизнь с журналисткой Норой Хаксли.

Своей теще он заявляет: *«You didn't think I'd have the guts to, but I've got away. I'm making a fresh start. I don't want anything from you, I'm sick of the whole damned lot of you»* (12:238).

Однако его решимости хватает ненадолго. Его слишком развратили комфорт и безбедное существование. Он уже не способен начинать с нуля: искать работу, терпеть лишения. Он уже отвык от комнат с отсыревшими, свисающими лохмотьями обоями, от кухни с колченогими табуретками, засаленной kleenкой на столе, прожженной сигаретами, и облупленным холодильником, от покерневшей ванны, в которую стекает из крана струйка чуть теплой ржавой воды. Он уже не мыслит себе иной жизни, кроме сытого и обеспеченного существования среди людей, которые в конечном счете так и не приняли его в свой круг.

Законченный эгоист, себялюбец и циник, опустошивший свою душу погоней за богатством, он обречен на одиночество, на положение парии

в обществе, которое ненавидит, но с которым никогда не порвет, ибо не в силах отказаться от своего неправедным путем завоеванного материального благополучия.

Мастерство Джона Брейна как художника проявляется в своеобразном сочетании повествования от первого и от третьего лица; в противопоставлении произнесенной речи и внутренних монологов Джо Лэмптона; в диалогах, которые не только служат средством характеристики персонажей, но как бы создают фактологический фон для рассказа от лица Лэмптона; в острой наблюдательности, с которой живописуются многочисленные бытовые детали, приобретающие особую важность благодаря их значимости для главного героя и характеризующие его не в меньшей степени, чем поступки и высказывания.

Творчество «рассерженных» художественно неравнозначно. Критика, как зарубежная, так и отечественная, обвиняла их (и зачастую вполне справедливо) в непоследовательности, отсутствии собственной конструктивной платформы, уступках (как со стороны авторов, так и их героев) господствующим взглядам. Однако несомненно одно: «рассерженные молодые люди» вскрыли неблагополучие в стране «всеобщего благоденствия», подвергли сомнению многие ее идеалы, внесли свежую струю в английскую литературу, подготовили почву для появления серьезных социально – критических произведений: романов К. Уотерхауса, А. Оуэна, У. Холла, К. Лога, а также так называемых «новых левых»: А. Силлитоу, А. Уэскера и других авторов.

ЛІТЕРАТУРА

1. Аникин Г.В. Современный английский роман. – Свердловск: Свердловский гос. ун-т, 1971. – 310 с.
2. Аникст А. Из истории английского реализма. – М.: Высш. шк., 1965. – 215 с.
3. Анисимов И. И. Новая эпоха всемирной литературы. – М.: Сов. писатель, 1966. – 220 с.
4. Ванчура З. 20 лет английского романа. – М.: Высш. шк., 1968. – 115 с.
5. Жантиева Д.Г. Английский роман 20 века. – М.: Просвещение, 1966. – 280 с.
6. Жлуктенко Н.Ю. Бунт внутри традиции. – Киев: Вища школа, 1977. – 174 с.
7. Ивашева В. В. Литература Великобритании 20 века. – М.: Высш. шк., 1984. – 270 с.
8. Корнилова Е.В. Современная художественная литература Англии. – М.: Сов. писатель, 1960. – 48 с.
9. Михальская Н.П., Аникин Г. А. Английский роман 20 века. – М.: Высш. шк., 1982. – 192 с.
10. Рубцова. Н.И. Современная английская литература. – Л.: Гослит, 1963. – 32 с.
11. Braine J. Room at the Top. – London: Penguin Books, 1958. – 235 p.
12. Braine J. Life at the Top. – London: Penguin Books, 1966. – 255 p.
13. Burgess A. 99 Novels: The Best in English since 1939. – London: Allison and Busty, 1984. – 200 p.
14. Collins A.S. English Literature of the 20 c. – London: Penguin Books, 1966. – 151 p.
15. Gritten J. John Braine Turns to Optimism // Daily Worker. – London. – 1959. – 19 Nov. – P. 3.
16. Lindsay J. After the Thirties: (The Novel in Britain and its Future). – London: Allison & Busty, 1969. – 200 p.

ОСНОВИ ТЕОРІЇ ПЕДАГОГІЧНОЇ ГРАМАТИКИ

Черноватий Л.М.

Перш ніж приступити до розгляду концепції теорії педагогічної граматики, доцільно визначити деякі терміни, які лежать в її основі. Такими термінами є: *абстрактна граматика*, тобто система правил мови, яка діє незалежно від ступеня її пізнання людиною та лінгвістичного опису; *лінгвістична граматика* - відображення абстрактної граматики в лінгвістиці; *педагогічна граматика* - перероблені та пристосовані для навчання мови правила лінгвістичної граматики; *психологічна граматика* - модель засвоєння іноземної мови; *інтуїтивна граматика* — граматичні механізми, які існують у свідомості людини та регулюють породження мовленнєвих висловлювань. Теорія педагогічної граматики розглядає процес формування іншомовних граматичних навичок, як взаємодію різних рівнів граматики, перелічених вище, і включає кілька елементів (див. рис.1).

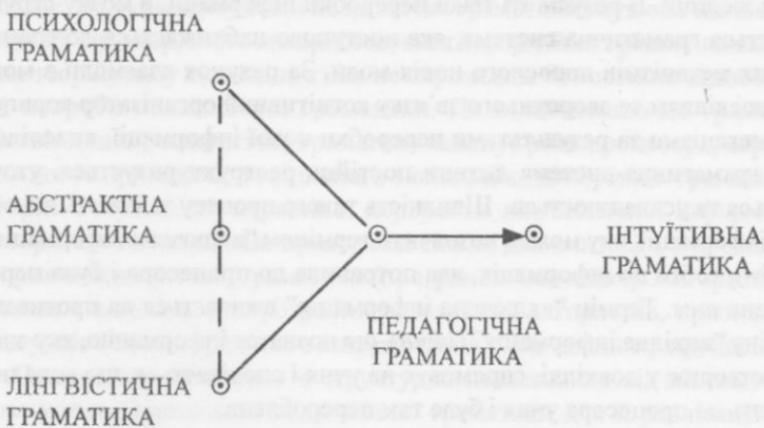

Рис. 1. Взаємодія різних рівнів граматики

Розглянемо зміст елементів теорії педагогічної граматики більш докладно. По-перше, це *педагогічна граматика* як елемент методики навчання іноземних мов. Педагогічна граматика є складовою компонента "зміст іноземної мови як навчального предмету", і включає граматичний матеріал, граматичні дії, які підлягають засвоєнню, навчальну інформацію та її типи: мовленнєвий зразок, структурно-функціональну мо-

дель та правило, що може мати алгоритмічну форму. Для реалізації своїх функцій кожен з цих типів має відповідати певним вимогам (більш докладно див. [2, 3]).

Педагогічна граматика має концентричну структуру та може бути побудована за понятійним, структурним або змішаним принципами. Понадзвичайна введення правил педагогічної граматики в межах концентрів визначається метою, завданнями, умовами навчання; дидактичними і методичними принципами; структурою граматичних механізмів учнів та універсальними принципами засвоєння з урахуванням особливостей конкретної мови.

Психологічна граматика. Існують дві принципово можливі стратегії оволодіння іноземною мовою. Перша з них за своїм змістом загалом відповідає механізмам, які функціонують при засвоєнні граматики рідної мови, і може бути названа, вживаючи термінологію інших авторів [4], "засвоєнням". Це переважно підсвідоме формування граматичних механізмів внаслідок переробки інформації, яка потрапляє з мовного довкілля до так званого когнітивного організатора, тобто процесора в свідомості людини. В результаті такої переробки інформації, в мозку структурується граматична система, яка поступово наближається до граматичних механізмів дорослого носія мови. За рахунок взаємодії з мовним довкіллям та зворотнього зв'язку когнітивний організатор коригує такі механізми за результатами переробки нової інформації, внаслідок чого граматична система дитини постійно реструктуризується, уточнюється та ускладнюється. Швидкість такого процесу залежить від обсягу інформації, яку можна позначити терміном "включена інформація" (*intake*), тобто це інформація, яка потрапила до процесора і була перероблена ним. Термін "включена інформація" вживачеться на противагу терміну "виходна інформація" (*input*), що позначає інформацію, яку вчитель створює у довкіллі, спрямовує на учня і сподівається, що вона потрапить до процесора учня і буде там перероблена.

Обсяг "включеної інформації" регулюється певними факторами, одним з найголовніших серед яких є так званий афективний фільтр, тобто гіпотетичний пристрій у свідомості людини, який може блокувати (частково або повністю) надходження інформації з мовного довкілля. Головними факторами, які впливають на положення афективного фільтру, є мотивація учня та рівень його тривожності під час навчання.

Другу стратегію оволодіння іноземною мовою можна позначити терміном "навчання", змістом якого є оволодіння іноземною мовою за допомогою використання актуального усвідомлення, аналізу, вживання правил та вправ з метою інтеріоризації останніх. При цьому така інте-

ріоризація може супроводжуватись довільним або мимовільним запам'ятовуванням, у залежності від способу її організації.

В оволодінні іноземною мовою не існує “критичного віку”, після досягнення якого її засвоєння було б принципово неможливим. Відмінності у засвоєнні дорослими та дітьми, що спостерігаються на практиці, набагато логічніше пояснити не віком, а іншими причинами (обсягом часу, що витрачається на оволодіння мовою; афективними характеристиками, які притаманні кожному процесу тощо). При усуненні хоча б цих двох головних відмінностей дорослі засвоюють іноземну мову більш ефективно, ніж діти іноземну чи рідну. Загалом динаміка оволодіння іноземною мовою визначається більшою мірою універсальними принципами засвоєння, а не віком або впливом рідної мови учнів.

Третій компонент теорії педагогічної граматики - це *співвідношення між лінгвістичною та педагогічною граматиками*. Відбір лінгвістичної інформації визначається її потенційним позитивним впливом на процес формування іншомовних граматичних механізмів, а також метою, завданнями, етапом навчання та обсягом часу, на який воно розріховане. На сучасному етапі педагогічна граматика змушена мати еклектичний характер, тобто використовувати інформацію з різних лінгвістичних теорій, тому що жодна з них не спроможна самостійно задовільнити потреби педагогічної граматики. По відношенню до граматики лінгвістичної, педагогічна граматика виконує роль процесора, перероблюючи та приводячи до спільногозначенника дані різних граматичних теорій. Результатом первинної переробки лінгвістичної інформації є алгоритми навчання, які призначенні тільки для вчителя і є проміжною формою педагогічної граматики (програмою навчання). Алгоритми навчання є основою для розробки навчальних алгоритмів, призначених для учнів і безпосереднього використання у навчальному процесі.

Педагогічна граматика є структурно незалежною від лінгвістичної граматики. Організація педагогічної граматики для її реалізації в навчальному процесі може здійснюватися за структурним, понятійним або змішаним принципами. Переяву слід було б віддати понятійному принципу, але він може створювати і певні труднощі, пов'язані з тим, що при його реалізації в межах однієї категорії педагогічної граматики можуть об'єднуватися одиниці різних рівнів мовної системи. Особливо гостро така проблема постає на початковому етапі навчання. Загалом понятійний підхід у чистому вигляді та глобальній інтерпретації є, певно, найбільш перспективним лише для корективних курсів, що передбачають хоча б елементарне уявлення з боку учнів про мовні одиниці та

граматичні дії, що входять до складу конкретного мовного поля (категорії).

Четвертий компонент теорії педагогічної граматики - це комплекс проблем, пов'язаний із *співвідношенням педагогічної та інтуїтивної граматик*, тобто з реалізацією педагогічної граматики у навчальному процесі. Оволодіння граматикою іноземної мови є найбільш ефективним при максимальному одночасному використанні обох його стратегій: "засвоєння" та "навчання".

Для ефективного "засвоєння", що відбувається на основі вживання мовленнєвого зразка як єдиного типу навчальної інформації, необхідно реалізувати ряд умов: створювати в класі та вдома максимальний обсяг "вихідної інформації" і передумови для максимального обсягу "включеної інформації", постійно орієнтувати учня стосовно теми комунікації, надавати (особливо на початкових етапах) можливість візуального сприйняття предмету комунікації, використовувати мовні зразки тільки для виконання відповідних мовленнєвих актів для реалізації емпіричної та міжсубістісної функцій мови, забезпечувати вживання найбільш ефективних стратегій, які використовуються при засвоєнні рідної та іноземної мов, за рахунок однотипності мовленнєвих зразків стимулювати роботу механізму аналогії та підсвідомого формування "проміжних граматик" учнів, формувати склад їх граматичних механізмів із заздалегідь визначеними ознаками, цілеспрямовано змінюючи номенклатуру мовленнєвих зразків у довкіллі; прискорювати перехід учнів на більш високі етапи мовного розвитку, постійно регулюючи рівень мовного довкілля в класі та в матеріалах, призначених для самостійної роботи, за принципом $L+1$ (де L - рівень мовного розвитку учнів); створювати умови, що сприяють підтриманню мотивації, активності та ініціативності учнів в класі і моделюють реальне спілкування з точки зору його ситуативних та функціональних компонентів, які забезпечують позитивний афективний фон навчання.

Керування "навчанням" найбільш ефективно здійснюється у напрямку від матеріалізованих форм виконання граматичних дій до їх розумових форм за принципами поетапного формування [1]. Матеріалізація граматичних дій забезпечується використанням матеріалізованих типів навчальної інформації: моделі та правила (в алгоритмізованій формі). У свою чергу, використання дозволяє приступити до виконання вправ відразу після їх введення і, таким чином, забезпечує їх ефективну інтеріорізацію за рахунок мимовільного запам'ятовування.

Співвідношення типів навчальної інформації є динамічним і залежить від ряду чинників: 1) інтерференція (між- та внутрішньомовна);

2) рівень підготовки учнів; 3) загальний рівень розвитку учнів; 4) операційна складність граматичної дії; 5) концептуальна складність поняття, що лежить в основі граматичної дії; 6) індивідуально-психологічні характеристики учнів (наявність та тип мотивації, рівень тривожності, фактори ставлення тощо); 7) переважний тип орієнтації учня; 8) умови навчання (частота заняття, кількість учнів у групі, наявність інформанта чи комуніканта при роботі вдома).

Для забезпечення максимально можливого обсягу часу для практичного оволодіння граматичними діями в комунікативних умовах склад орієнтуальної основи учнів (набір типів навчальної інформації) повинен реагувати на конкретні умови навчання, розгортаючи ступінь експліцитності у напрямку “зразок → модель → алгоритм” при погіршенні характеристик, що згадувались вище, та згортаючи її у зворотньому напрямку при їх поліпшенні. При цьому загальне правило віддає перевагу більш імпліцитним типам навчальної інформації в усіх випадках, коли ці типи забезпечують адекватне орієнтування.

Найбільш оптимальною схемою реалізації ПГ є одночасне використання трьох її аспектів: 1) формування граматичних навичок за допомогою типів навчальної інформації, ступінь експліцитності яких реагує на умови навчання; 2) створення сприятливого в афективному відношенні, регульованого, але максимально наближеного до природного, мовного довкілля за принципом $L+I$; 3) забезпечення учня експліцитними поясненнями (у письмовій та матеріалізований формах) для самостійної роботи поза класом.

Висновки, викладені вище, дозволяють також сформулювати вимоги до матеріалів для навчання іноземних мов, а саме: 1) забезпечення функціонування як “засвоєння” (переважно в класі), так і “навчання”; 2) урахування “проміжних граматик” учнів відповідного стапу; 3) наявність компонентів, що забезпечують комунікацію та створюють мотивацію вже на початкових етапах навчання; 4) додержання принципу $L+I$; 5) наявність компонентів, які створюють позитивний афективний фон навчання; 6) наявність усіх типів навчальної інформації (зразки, модель, алгоритм) для усіх граматичних дій, що засвоюються.

ЛІТЕРАТУРА

- Гальперин П.Я. Основные результаты исследования по проблеме формирования умственных действий и понятий: Автoref.дис...д-ра психол. наук. - М., 1965. - 39 с.;
- Черноватый Л.Н. Психолингвистические основы теории педагогической грамматики. - Харьков: Основа, 1992. - 245 с.;
- Черноватый Л.Н. Психологические и лингводидактические основы теории педагогической грамматики. - Харьков: Основа, 1998. - 198 с.;
- Krashen,S. Principles and Practice in Second Language Acquisition.-Oxford: Pergamon, 1982.- 202 p.

АДЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОРЯДКОВЫХ ДЕНУМЕРАТИВОВ

Швачко С.А.

Дискуссионным по настоящее время остается вопрос о природе порядковых числительных. Решение этой проблемы имеет несомненное значение в плане выявления дистинктивных признаков квантификативных слов, определения статуса числительных и их дериватов.

Отечественные ученые по-разному трактуют природу порядковых числительных, соотносят их с классом числительных (М.Ломоносов (10: 475-478), И.Багрянский (1:13), Л.Бархударов (2: 126-130), В.Жигадло (8:45-48), И.Иванова (8), В.Бурлакова(5), Г.Почепцов(13), М.Беляева (3:39-47)) и прилагательных (И.Бодуэн де Куртене (4:317), В.Виноградов (6:192-194), А.Смирницкий (14 :161-169), О.Moskalskaya (12:17), С.Жаботинская (7)). Обе точки зрения имеют свои основания и заслуживают внимания.

При соотнесении рассматриваемых слов с числительными исследователи исходят из положения о производности порядковых числительных от количественных, общности их основ. Ср.: *four — fourth, five — fifth, six — sixth* и др. Обе группы соотносятся с натуральным рядом чисел: количественные числительные — непосредственно, порядковые — опосредованно. Понятийная, деривационная и лексическая соотнесенность порядковых и количественных числительных рассматривается в научной литературе в качестве главных факторов, свидетельствующих о нумеральности порядковых слов. Наряду с этим выдвигаются и второстепенные доказательства этого тезиса. Так для обеих групп слов показательна избирательная сочетаемость с названиями дискретных объектов, явлений. Ср.: *four books — fourth book, two seasons — second season, fifty years — fiftieth year* и др. В синтаксическом плане обе группы способны реализовать функцию определения в предложении. Сопряженность порядковых числительных с нумеральными словами подтверждается также их структурным единобразием. В порядковых числительных сохраняется порядок следования компонентов исходных единиц. Ср.: англ. *twenty-three — twenty third, thirty-four — thirty fourth;* русск. *двадцать четыре — двадцать четвертый, тридцать три — тридцать третий* и т.д. Нумеральность порядковых числительных подкрепляется их взаимозаменяемостью с количественными числительными. Ср.: англ. *first page — page one, second chapter — chapter two;* русск. *первый номер — номер один* и т.д.

Нумеральность порядковых числительных, таким образом, эксплицируется производностью порядковых числительных от количественных, общностью их основ, соотнесенностью этих слов с натуральным рядом чисел, дискретным характером сочетаемых с ним субстантивов, общей синтаксической функцией, единым структурным построением, взаимозаменяемостью. Для распознания лингвистической природы порядковых числительных несомненное значение имеет анализ перечисленных признаков.

Производность порядковых числительных от количественных подтверждается самой структурой дериватов, что не подлежит сомнению. Об активности нумеральных основ свидетельствует наличие целой группы слов, в которых основы числительного выступают объединяющим мотивирующим элементом. Словообразовательная валентность нумеральных основ не ограничивается дериватами типа *seventh, eighth, tenth*. Среди денумеральных производных выделяются адвербальные (*once, twice, thrice*), адъективные (*two-faced, one-sided*), субстантивные (*twins, Twain, fortnight, millionaire*) и другие группы слов (*between, only*). Общность основы слов не свидетельствует об идентичности их морфолого-синтаксических, коллизионных признаков, о принадлежности к одной и той же части речи. Денумеральные дериваты, к которым, несомненно, принадлежат и порядковые слова, не могут быть объединены в одном морфологическом подклассе с количественными числительными. В противном случае произойдет членение слов не по семантико-грамматическому принципу, а по словообразовательной идентификации, умейтной при анализе парадигматических рядов дериватов. Совмещение этих двух подходов может создать лингвистические курьезы, при которых русск. *чтение, сортировка* будут объединяться с глаголами *читать, сортировать*, *вчераший, вседашний* — с наречиями *вчера, всегда*, англ. *ones, once, only, one-sided, oneness* — с числительным *one*.

Связь порядковых числительных с количественными числительными не носит системного характера и не является основополагающей при решении вопроса о нумеральности порядковых слов. Так, например, к несистемным образованиям относятся англ. *first, second*, русск. *первый, второй*, которые не восходят к количественным числительным. Порядковое слово *first* восходит к форме превосходной степени прилагательного *fore*. Ср.: лат. *primus* от *pro*. Вместо *second* в др. англ. употреблялось *o er*; современное *other*; это употребление сохранилось до настоящего времени в сочетаниях типа *every other day* (C.Mason (11:42)). Суплективность формы порядкового числительного *первый* прослеживается в целом ряде языков. Ср.: инд-евр. *purvas, purvius* — *передний, пре-*

жний, англ.-сакс. *fyrst* — ранее других, передний, русск. первый, укр. *перший*. Формы второй восходят к инд.-евр. *vitaras, vitarum* — ведущий дальние, дальше. Английское *second* относится к французским заимствованиям.

Значение числа в языковых системах реализуется посредством целого комплекса единиц. Так, значение единичности актуализируется разными грамматическими словами, образованными от соответствующего числительного. Ср.: англ. *once, only, oneness, one-storied*, русск. *одиночка, одиночество, единение, единица, соединение, одинаковые, уединяться, воедино* и др. Это же значение может выражаться посредством грамматических и фразеологических средств. Общность реализуемой семьи (в данном случае — *один*) не постулирует лексико-грамматическую идентичность.

В отличие от количественных числительных, выражающих определенное суммарное множество, порядковые числительные реализуют значение единичности, указывают на место в ряду, которое равно единице. Каждое количественное числительное выступает носителем числового содержания на единицу больше предыдущего. Порядковые слова, реализуя сему единичности, имплицируют количественную представленность класса. Так, сочетание *three books* обозначает стопку из трех книг, а сочетание *the third book* информирует нас об одной книге, которая занимает третье место в ряду после первых двух. Сочетание *the third (fourth, fifth) house* указывает на один дом в ряду из трех (четырех, пяти) единиц, *the hundredth man* — на одного из ста, до которого в группе было сосчитано 99. Количественными числительными обозначаются числовые характеристики дискретных множеств, их суммарная представленность. Порядковыми словами обозначаются единичные предметы или группы, занимающие особое (по порядку) место в ряду им подобных. Общим классифицирующим признаком для количественных числительных и порядковых слов является наличие индивидуально реализуемой семьи квантитативности — коррелята поля количества.

Осложненная форма и содержание порядковых слов отличает их от исходных единиц, которыми являются количественные числительные. Производные порядковые слова повторяют значения исходных единиц (количественных числительных) специфическим образом. Они имеют двойную референцию, указывают от чего образовались и что обозначают. Общекатегориальные значения исходной и производной единиц уживаются в пределах порядковых слов, занимают в его смысловой структуре разное место. Иерархия значений определяется главенствующим положением значения результативного класса, и подчиненным — исходного

Е.Кубрякова (9:65-66). Доминантным значением в порядковых словах является сема порядка, нумеральность относится к подчиненным признакам. При транспозиции количественных числительных в порядковые слова действует правило сочетания смыслов: значение исходных единиц в результативных единицах сохраняется в сопутствующих семах.

В условиях контекста семантическая разница между сопоставляемыми группами значительно увеличивается. Количественные числительные реализуют числовое значение, точное или приближенное (*two hours, for about two hours, two o'clock, round two o'clock*), порядковые же слова выступают носителями количественно-качественных значений. Ср.: англ. *first rate* "прекрасный", *first aid* "скорая помощь", *first cousin* "двоюродный брат", *first shop* "первосортный", *second Chamber* "верхняя палата", *to be in second childhood* "власть в детство", *second cousin* "троюродный брат", *second division* "вторая степень тюремного заключения в Англии", *second teeth* "постоянные зубы", *on second thought* "трезвые мысли", *second to none* "непревзойденный", *Third house* "невидимые законодатели"; русск. играть первую скрипку, седьмая вода на киселе и др.

Наличие в языке ассоциативных рядов сходства и противопоставленности, включающих в свой состав порядковые слова, свидетельствует о реализации последними качественного значения. Так, русское слово *первый* ассоциируется с близким по значению словом *высший* (*первый сорт, высший сорт*) и противостоит слову *низкий, третий* (*третий сорт, низкое качество*). Значение последовательности и значимости объектов реализуются оппозицией типа англ. *first teeth* "молочные зубы", *second teeth* "постоянные зубы", *third teeth* "вставные зубы". Ср. русск. *первый вагон, последний вагон*.

Между количественными и порядковыми числительными имеются и грамматические различия. Количественные числительные оказывают влияние на морфологическую оформленность существительных. Ср.: *one book, two books, three books* и др. В английском языке все количественные числительные, за исключением *one*, требуют употребления субстантива в форме множественного числа. В русском языке зависимость компонентов носит более сложный и разнооформленный характер. Неопределенная множественность, выражаемая формой существительного, уточняется, детерминируется посредством количественного числительного. В нумеральных сочетаниях реализуется семантико-грамматическая интеграция определения и определяемого. Слова порядковой семантики не оказывают такого дифференцирующего влияния на существительное. Ср.: *first pair(s), first two or three pairs*.

По-разному реализуют количественные числительные и порядковые слова синтаксические функции. Исследование функциональной нагрузки количественных числительных на материале 1000 примеров, извлеченных из англоязычной художественной литературы, показывает, что чаще всего указанные слова вместе с соотносимыми субстантивами реализуют функцию обстоятельства (35,7%) и дополнения (29,5%), реже — функцию подлежащего (18,5%) и предикатива (10,8%). Редко употребляются нумеральные сочетания в функции определения (5,5%). Эта же тенденция проявляется и при анализе самостоятельного функционирования числительного, при пропуске в сочетаниях субстантива. Так, функцию обстоятельства числительное самостоятельно реализовало в 27,4% примеров, дополнения — в 22,5%, подлежащего — в 20,9%, предикатива — в 19,8%, определения — в 7,8%. Отличительным признаком порядковых слов является их преимущественное употребление в роли определения существительного или целого нумерального сочетания. Ср.: *first night, first two nights, second pair, second three pairs*. Количественное числительное не выступает определением нумеральной фразы. Сопряженные количественные числительные имеют иное значение.

Специфически реализуется синтаксическая связь порядковых слов и количественных числительных с определяемыми словами. Общей для них является связь примыкания, реализуемая ими по отношению к субстантивам: *two girls, first girl, four boys, second boy* и др. Примыкающие слова могут находиться в контактных или дистактных связях с существительным: *two other girls, three red apples, first night, first good book*. В отличие от порядковых слов, количественные числительные могут вступать с существительными в подчиненную связь управления, что специфически реализуется в структурном типе *a bird or two*. Постпозиционное положение числительного *two* не имеет соответствий в сочетаниях с порядковыми словами.

Порядковые слова, для которых облигаторной является эксплицитная или имплицитная связь с определяемой единицей, реализуют связь детерминации. Для этих слов не характерно автономное употребление, в отличие от числительных, реализующих значение абстрактного числа. Детерминация актуализируется количественными числительными в нумеральных сочетаниях с прямым порядком компонентов, в которых числительное определяет существительное или квази-существительное. Ср.: *two books, seven wonders*. При структурной модификации нумерального сочетания меняется тип синтаксической зависимости. Ср.: *a book or two, two of them*. Количественные числительные при актуализации значения абстрактного числа реализуют нулевую зависимость.

Структура порядковых слов не всегда отражает последовательность компонентов нумеральной основы. С одной стороны, в речи могут встречаться количественные образования типа *six-fifty, seven-fifty*, структура которых не отражается в порядковых словах, "Why, in those days I was never able to do more than six-fifty words an hour, and what's more, I often didn't sell what I wrote" (Huxley). С другой стороны, сохранение обычной последовательности компонентов нумеральной основы присуще не только порядковым словам, но и другим дериватам. Ср.: англ. *twenty-five-year-old, twenty-two-strong-group, fifty-five-country-march, nine-match tour*; русск. *пятидесятиятыилетний, двадцатипятирублевый* и т.д. Идентичное соположение морфем также не является показателем принадлежности порядковых слов к лексико-грамматическому ряду числительных. Взаимозаменяемость количественных и порядковых числительных не относится к регулярным явлениям. В английском языке графический образ единиц типа *chapter 1, page 2, room 3* имеет значительное влияние на выбор варианта в устной речи.

Адъективность порядковых числительных проявляется и при словообразовании. Эти слова, как и прилагательные, способны образовывать наречия на *-ly*. Ср.: *poor — poorly, bad — badly, happy — happily, first — firstly, second — secondly, sixth — sixthly*. Для количественных числительных показательны и другие модели. Ср.: *two — twice — twofold*. Модель **twoly* не является нормативной. Нумеральные основы открывают словообразовательный цикл (*five — fiver — fivefold — fifth*), который закрывается на второй ступени производительности (*fifthly, fourthly, secondly*). Словопроизводная закрытость наречий, образованных от прилагательных и порядковых числительных, характерна и для русского языка: *хороший — хорошо, прекрасный — прекрасно, дикий — дико, первый — во-первых, второй — во-вторых, десятый — в-десятых*.

Интегральные и дифференциальные признаки соответственно количественных числительных и порядковых слов можно представить следующим образом (см. табл. 1).

Анализ семантических, грамматических и словообразовательных свойств слов типа *first, second, third* дает основание именовать эти единицы порядковыми денумеративами. Вычленение у последних функционально-структурного нумерального элемента объективирует их соотнесенность с парадигматическим рядом денумеративов, мотивирующими ядром которых является производящая основа количественного числительного. Размещение порядковых слов среди прилагательных обусловлено функциональными показателями. Осложненность и расчененность семантики порядковых денумеративов объективируют их маргинальность, транзитивность из ядерных в периферийные пласти конституентов языкового поля количества.

Таблиця 1

Соотнесенность количественных числительных и порядковых денумеративов

Интегральные признаки	Дифференциальные признаки	
	Количественные числительные	Порядковые слова
общность корневой морфемы	производящая неосложненная корневая морфема	вычленяемая корневая морфема в результативной производной основе
соотнесенность с натуральным рядом чисел	непосредственная, ригористичная	опосредованная, посредством корневой морфемы
дискретность	суммарная	единичная
числовое содержание	соотносятся с разными по содержанию множествами	реализуют сему единичности, осложненную сопутствующими семами производной основы
взаимозаменяемость	релевантный гипостазис при условии постпозиционного употребления числительного (book two ? the second book)	нерелевантный гипостазис при условии предсубстантивного употребления числительного (two books - the second book)
идентичная последовательность компонентов	возможны структурные варианты типа twenty-four, four and twenty	отражательная последовательность компонентов структурного типа twenty-four ? twenty-fourth
ономасиологическая основа	соотнесенность с полем количества посредством опорной семы нумеральности	соотнесенность с полем количества посредством семы единичности, осложненной семами результативной основы
соотнесенность с парадигматическим рядом денумеративов	как центральный мотивирующий элемент (four - fourth - fourthly, four - flush)	как производные по форме и содержанию слова (с элементами наращения в формальном и содержательном аспектах)
реализация функций	выражение 1) числовых характеристик считаемых объектов или 2) числовых отношений	не выражают числовых отношений, указывают на место в ряду
синтаксическая автономность	при обозначении числовых отношений или в эллиптических нумеральных сочетаниях	реализация функции членов предложения в синтаксическом комплексе с пропущенным субстантивом
словопроизводительная активность	внутрисловная валентность числительных представлена несколькими ступенями производства (three - third - thirdly - thrice - threefold)	внутрисловная валентность производных порядковых слов закрывается на следующем шаге производства (fourth ? fourthly)

ЛІТЕРАТУРА

- 1.Багрянский И.М. Имя числительное в русском языке XI-XVII в.: Автореф.дис. ... докт.филол.наук.-М., 1960.-38с. 2.Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка.- М.: Высшая школа, 1973.-423 с. 3.Беляева Т.М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. - М.: Высшая школа, 1979. - 184 с. 4.Бодуэн де Куртене И.А. Количественность в языковом мышлении. // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию в 2-х томах. - М.: Изд-во АН СССР, 1963, т.2, с.311-324. 5.Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. - Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1975. - 127 с. 6. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). - М.: Высшая школа, 1972. - 614 с. 7.Жаботинская С.А. Числительные современного английского языка. (К вопросу о категориальном статусе): дис. ... канд.филол.наук. - Киев, 1982. - 208 с. 8.Жигадло В.Н., Иванова И.П., Йофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. - М.: Изд-во лит. на иностр.яз., 1956.- 350 с. 9.Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. - М.: Наука, 1965. - 77 с. 10. Ломоносов М.В. О именах числительных // Ломоносов М.В. Труды по филологии 1739-1758. Полн.собр.соч. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. - т.7. - с.475-478. 11.Mason C.P. English Grammar Including Grammatical Analysis. - London: Covent Garden, 1884. - 271 p. 12.Moskalskaya O. Grammatik der Deutschen Gegenwartssprache. - М.: Hochschule, 1975. - 366 s. 13.Почепцов Г.Г. Синтагматика английского слова. - К.: Вища школа, 1976. - 109 с. 14.Смирницкий А.И. Морфология английского языка. - М.: Изд-во лит.на иностр.яз., 1959. - 440 с.

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КОГНИТИВНОГО И ПРАГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ДИСКУРСА

Шевченко И.С.

«Господь с вами, когда вы с Ним»

/Библия, 2 Пар., 15.2/

В данной статье рассматривается природа и эволюция специфичных речевых действий — речевых актов, содержащих номинацию Бога в светском дискурсе ранненовоанглийского периода по сравнению с современным. В диахроническом плане отмечаем существенные изменения, с одной стороны, значений концепта Бог, которые входят в пропозицию речевых актов, а с другой — pragматических характеристик таких речевых актов (следует отметить, что в отличие от светского дискурса в религиозных текстах как особом виде дискурса не наблюдается исторического варьирования концепта Бог в силу стабильности религиозной картины мира). Тем самым глобальными задачами исследования становятся: описание концепта Бог в светском дискурсе различных исторических периодов, изучение свойств речевых актов с номинацией Бога, определение характера связи между pragматической эволюцией дискурса и эволюцией концептуальной сферы языка. В рамках этой статьи попытаемся предложить некоторые подходы к решению поставленных задач.

Историческая прагмалингвистика, которая начала формироваться около 30 лет назад в трудах Х.Зитты (21), Х.Хенне (16), Б.Шлибен-Лангс (18), сегодня представляет собой оформленвшееся направление в рамках интерпретативной парадигмы в лингвистике, о чем свидетельствуют работы В.И.Карабана (5), Дж. Куллпепера (14), Д.Стайна (20), П.фон Поленца (17), А.Юккера (15) и др. Обладая большим исследовательским потенциалом, ее отдельно взятые методы, тем не менее, не позволяют адекватно объяснить некоторые явления, в частности, исторические изменения речевых актов, связанные с развитием семантического и когнитивного уровня коммуникации, поэтому их анализ нуждается в комплексном использовании историко-прагматических и когнитивных подходов.

Теоретическая возможность привнесения когнитивного компонента в прагмалингвистический анализ заложена в системно-деятельностном подходе к речевой коммуникации, который, с нашей точки зрения, является основой исторической прагмалингвистики. Эвристическая роль понятия

речевой деятельности заключается в том, что оно вводит в модель речевой коммуникации личность коммуниканта во всей совокупности его социальных, когнитивных, коммуникативных аспектов. Являясь частью общей системы человеческой деятельности, речевая деятельность характеризуется социальной детерминированностью и изменчивостью в зависимости от конкретного социума, культуры, этоса в определенный период их исторического развития. Основываясь на деятельностном подходе и исходя из понимания коммуникации как системы, историческая прагмалингвистика изучает постоянные и переменные элементы речевого акта и дискурса (11).

Системное понимание речевой коммуникации является общей основой и прагматического, и когнитивного подходов. Проблемы инвентаризации концептуальной сферы человеческого сознания, исследования особенностей отражения концептов в языковой картине мира привлекают в последнее время внимание лингвистов, философов, специалистов в области гносеологии, однако описание их исторического развития требует определения методологических и методических основ такого анализа. Развитие когнитивного направления в лингвистике позволило осознать, что языковой личности присущи определенные знания о мире, в основе которых лежит такая единица ментальной информации как концепт. По определению Е.С.Кубряковой, концепты «...рождаются в процессе восприятия мира, они создаются в актах познания, отражают и обобщают человеческий опыт и осмыслиенную в разных типах деятельности с миром действительность» (6:37).

Примеры речевых актов с номинацией Бога в светском дискурсе (драме) 16 в. позволяют проследить широкий спектр их типов и разновидностей. Среди них наиболее частотны благословения-пожелания и эмоционально-оценочные выражения, несколько менее употребительны фатичные метакоммуникативы, констативы; в данную эпоху также широко употребительны маркеры дискурса (примеры, приведенные ниже без названия, очерпнуты из «Ромео и Джульетты» В.Шекспира, названия других его пьес указываются полностью):

- /1/ Nurse (to Lady Capulete) And then my husband — *God be with his soul!* —
A' was a merry man — took up the child... /I,iii,39-40/
/2/ Nurse (to Juliet). *God mark thee to his grace!*
Thou wast the prettiest babe that e'er I nursed... /I,iii,59-60/
/3/ Friar Laurence (to Romeo). *God pardon sin!* Wast thou with Rosaline?
/I,iii,44/
/4/ Nurse (to Romeo). *Now God in heaven bless thee!* Hark you, sir.
/I,iv,208/

Как свидетельствуют примеры /1/ - /4/, просьбы, обращенные к Богу, представляют собой специфический тип речевой деятельности, практически не встречающийся в современном дискурсе. Такие речевые акты могут быть представлены перфомативными глаголами *ask*, *beg*, *wish*, *pray*. В пропозиции речевых актов /1/ - /4/ содержится указание на Бога как исполнителя интендируемого действия и на желаемое действие. При этом область таких действий ограничена их положительными, благоприятными для человека последствиями (отпущение грехов, ниспослание благодати), что позволяет обозначить эти речевые акты как пожелания-благословения в отличие от действий с отрицательными, неблагоприятными последствиями, которые образуют особый тип деятельности и речевых актов — проклятия и колдовство (*curses and witchcraft*), исследуемые, например, Дж. Кулпепером и др. (14). Логическую формулу речевых актов пожелания-благословения можно представить следующим образом:

[Искренне A1 Каузирует A2 (Q) → Делает A2 (P)]

где A1 — адресант, A2 — адресат (разнообразные значения концепта Бог), P — желаемое действие, Q — будущее время.

Как видно из приведенной формулы, в роли коммуникантов речевых актов пожелания-благословения выступают земной адресант и Всеобщий — адресат. В роли бенефицианта каузируемого действия может выступать сам говорящий, ср.:

/5/ Capulet. *God shall mend my soul!* /I,v,83/

/6/ Nurse. *God forgive me*, Mагту, amen, how sound is she asleep! /IV,v,7-8/

Бенефициантом может быть и третье лицо /лица: в речевом акте /1/ это отсутствующий бенефициант, а в речевых актах /2/ - /4/ — так называемый «санкционированный слушающий» (термин Г.Г.Почепцова (7)), в наших примерах это адресат предыдущих и/или последующих реплик адресанта.

Пожелания-благословения отличаются между собой способом представления иллоктивной силы: обращение к Богу с просьбой о благословении, прощении, помощи может быть выражено простым речевым актом — конструкцией с номинацией адресата - Всеобщего в третьем лице, как в /1/ - /4/, либо сложным речевым актом, в котором обращением к Богу выступает как его компонент, способствующий речевой акт-функция, ср. текст молитвы: *Our Father which art in heaven! Hallowed be Thy name...*

Особенностью анализируемых речевых актов является высокая степень их конвенционализованности. В речевой ситуации обращения к Богу заложены предпосылки для «выхолащивания» в более поздние периоды содержания каузируемого действия Р: любой знак расположения адреса-

та, обладающего максимально высоким статусом, воспринимается как благо, поэтому не столь важно, в чем именно оно проявляется. Это представляется одним из возможных факторов архаизации речевых актов пожелания-благословения к 20 в.

В различных классификациях прагматический тип анализируемых речевых актов определяется по-разному. В системе Дж. Остина речевые действия, соответствующие глаголам *to wish, thank, apologize, congratulate* и др. отнесены к категории бехабитивов — реакций на поведение людей, связанных с их социальными взаимоотношениями (12:159), тем самым акцентируется ликоповышающий характер обращения адресанта к адресату.

В речеактовой типологии Дж. Серля анализируемые речевые акты попадают в число директивов в соответствии с их ведущей иллокутивной силой, причем отмечается, что значения глагола *to wish* выражают различные психологические состояния: приказы, просьбы, ходатайства, мольбы, прошения и др. (19).

В типологии Г.Г.Почепцова речевые акты пожелания-благословения являются разновидностью директивов (точнее реквестивами) в силу разности статусов адресанта и адресата. К условиям успешности прототипических пожеланий-благословений относим следующие:

Пропозициональное условие: Будущее действие Р, Бог - исполнитель Р

Предварительное условие: Говорящий А1 заинтересован в совершении Р

Условие искренности: Говорящий А1 хочет, чтобы было выполнено Р

Существенное условие: Действие Р имеет благоприятные последствия.

Высказывания с номинацией Бога служат средством выражения эмоций и оценок. Такие речевые акты - экспрессивы обладают высокой частотностью в 16 в. Как правило, они выражены однословным высказыванием, существительным с междометием или местоимением: *Jesu! II,v,29/, O Lord! II,iii,157/,* например:

/7/ Nurse. Well, sir; my mistress is the sweetest lady . — Lord! Lord! . — when 'twas a little prating thing /II,iv,213/

Анализируемые высказывания также реализуют функции обеспечения речевого контакта, хотя в количественном отношении в 16 в. доля фатических метакоммуникативов существенно меньше, чем экспрессивов и пожеланий-благословений. На стадии установления контакта они служат стимулом либо ответной реакцией */8/* на приветствие, образуют последовательность стимула и реакции */9/,* причем наблюдается характерное для 16 в. безглагольное построение императивной конструкции:

/8/ Romeo. Good den, good fellow.

Servant. God gi' good den /I,ii,57/

/9/ Nurse. *God ye good morrow, gentlemen.*

Mercutio. *God ye good den, fair gentlewoman* /II,iv,118-119/

На стадии размыкания речевого контакта речевые акты с номинацией Бога выступают как предзавершающие высказывания (в современной речи выражение *God knows* становится метафорой) (13):

/10/ Juliet. *Farewell! God knows when we shall meet again* /IV,iii,14/

Высказывания с номинацией Бога в 16 в. также зарегистрированы в речевых актах констативах:

/11/ And, to add greater honours to his age... He died *fearing God* /Henry VIIIth, IV,ii,67/

В последнем примере номинация Бога в 16 в. лишена того переносного (метафорического) значения, которое выражение *fear of God* приобретает в современной речи: *боязнь сурогатного наказания* (13).

Номинация Бога в констативах 16 в. также способна функционировать в метафорическом смысле, спр.:

/12/ *God had lent us but this only child* /III,iv,166/

/13/ Susan is *with God*; she was too good for me /I,iii,19-20/

/14/ *Swear by thy gracious self, which is the God of my idolatry* /II,i,113/

Речь 16 в. характеризуется обилием и разнообразием маркеров дискурса (11). Концепт Бог представлен в своих различных значениях как маркер истинности: *afore God* /II,iv,171/, эмотивности (негативных эмоций — раздражения, недовольства): *God shield* /IV,i,41/, где *shield* — архаичное *forbid, for God's sake, by Jeshu* /Henry Vth, IV,vii,108/ и др., причем такие выражения используются в ситуациях неофициального общения и нередко воспринимаются как оскорбительные (13).

В целом значения концепта Бог в речи 16 в. гораздо более частотны, чем в речи 20 в. Для сравнения: в одной сцене /IV, viii/ из драмы В.Шекспира «Генрих VIII» (125 строк) содержится шесть таких значений, а в романе Э.Сигала «История Оливера» (250 стр.) они встречаются лишь дважды. Существенно сужается pragматический потенциал анализируемых высказываний: реализуемые ими речевые акты пожелания-благословения и фатические метакоммуникативы практически выходят из употребления в современном английском языке. Вместе с общим сокращением разновидностей и численности маркеров дискурса в современной речи по сравнению с речью 16 в. маркеры искренности с номинацией Бога, которые функционировали в аргументативном дискурсе, переходят в разряд архаичных. Значения концепта Бог в современном светском дискурсе, как правило, лишены той символической нагрузки, которую они имели ранее, тем самым из перечисленных типов речевых актов и маркеров дискурса с номинацией Бога, встречающихся в 16 в., в светском дискурсе

20 в. сохраняются преимущественно речевые акты экспрессивы и маркеры эмотивности:

/15/ Poor Birdgal! Only, as Michael was saying: «*O, my Gawd!*» /Galsworthy/

Если в ранненовоанглийском дискурсе, по нашим данным, экспрессивы составляют около одной трети всех речевых актов с номинацией Бога, то в современной светской речи их доля преобладает за счет архаизации речевых актов иных типов. Закономерен вопрос о том, с чем связаны обнаруженные исторические изменения данных речевых актов. В поисках ответа обратимся к анализу концепта Бог в английской языковой картине мира.

Разделяя точку зрения Б.А. Серебренникова, под картиной мира понимаем исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, презентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей (9). Конститутивная черта картины мира — ее процессуально-динамический характер, иными словами, в каждую конкретно-историческую эпоху имеется своя собственная картина мира, что позволяет выделять, например, средневековую картину мира (4:20), доминирующую в сознании на протяжении нескольких столетий. Подвижность и изменчивость отдельных элементов общей картины мира относительна: если естественно-научные картины мира постоянно эволюционируют по мере развития парадигм научного знания, то «религиозные картины мира, особенно монотеистические, претендуют на вневременность при изменчивости деталей своего воплощения» (9:58). Поскольку языковая картина мира означивает и эксплицирует концептуальную картину мира средствами языка, в ней неизбежно преломляются отмеченные когнитивные особенности.

Концепт Бог относится к базовым концептам ментальной сферы культур, в частности, английского языкового сознания. В богословской литературе традиционно выделяют около сорока значений концепта Бог: Господь, Создатель всего сущего, Отец, Учитель, Защитник, Бог-любовь, а также качественные характеристики концепта: всемогущий, вседесущий, милосердный, святой и безгрешный, истинный и др. (8). В светском общении употребительны далеко не все значения этого концепта. По нашим данным, в светском дискурсе ранненовоанглийского периода функционируют следующие значения концепта Бог: Отец, Учитель, всезнающий, воздающий по заслугам (ср. примеры /4,5,6,7/), Господин, Хозяин жизни и смерти /1,10, 11, 12, 13/, святой, безгрешный, милосердный /2, 3/ и др.

Напротив, в современную эпоху в светском общении число разнообразных значений концепта ограничено, в основном, фреймами Господин, Создатель, реже — Заштитник, ср.:

/16/ *The eighties.. I wasn't born, and I suppose you were about my age then, sir. You believed in God and drove in diligences* /Galsworthy/

В объективных изменениях, происходящих в процессе исторического развития в концептуальной и, соответственно, языковой картине мира, отражается общее направление развития человеческого общества и культуры от сакрального к секулярному, ср.: секуляризация означает «обмирщение» — то, что было достоянием веры и церкви, становится со временем от них независимым, светским (3:192). Общая картина мира демонстрирует преобладание естественных наук — то, что М. Вебер называл деиллюзионизацией мира. Однако неверно было бы предполагать исчезновение религиозной картины мира сейчас или впоследствии: по Э. Дюркгейму, религия — сохраняющийся в той или иной форме специфически человеческий феномен, поэтому в современном языковом сознании и данная картина мира, и концепт Бог продолжают существовать и будут частью человеческого сознания третьего тысячелетия. При этом а анализе исторической вариативности значений концепта Бог учитываем общую тенденцию к пониманию религии как «поиску личностных этических принципов, сдвиг от церковной приверженности — к личной ответственности, характерный для современного общества» (1).

Итак, рассмотрение исторического развития высказываний с номинацией Бога в английском языке свидетельствует о существенных исторических изменениях в pragmatischem и концептуальном аспектах и о наличии определенной зависимости первого от второго:

- pragmatische evolution исследуемых высказываний состоит в сужении их речеактивного потенциала и сокращении частотности в 20 в. по сравнению с 16 в.;

- в концептуальном плане понятие Бог не утрачивает своей важности в современной языковой картине мира по сравнению с ранненовоанглийской, но отдельные значения этого концепта преломляются в них по-разному. Если в соответствии с общим мироощущением человека 16 в. в светском дискурсе доминируют около десяти значений концепта Бог, которые также являются ведущими в богословской традиции, то в 20 в. число значений уменьшается, они подвергаются десемантизации и превращаются в рутинные выражения эмоций, сближаясь в своих функциях с междометиями;

- полученные данные о развитии высказываний с номинацией Бога позволяют сделать вывод, что изменения pragmatischen свойств дис-

курса обусловлены эволюцией его когнитивного аспекта. Это находит подтверждение в теории И.П.Сусова, в которой языковые стратумы представлены как трехуровневая иерархия (от низшего — к высшему): лексико-грамматический стратум (структуры дискурса) — семантический стратум (структуры сознания) — прагматический стратум (структуры деятельности) (10). Хотя эта теория недвусмысленно определяет место каждого из уровней в системе, вряд ли оправданы попытки выделить ведущий принцип, «первопричину» исторических изменений, которые, с нашей точки зрения, являются результатом саморазвития языка и изменений предметной деятельности человека, обусловленных динамикой культуры и общества, человеческой ментальности и деятельности в целом.

ЛІТЕРАТУРА

- 1.Белла Р. Социология религии // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы / Под ред. Т.Парсонса. — М., 1972.
- 2.Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М.Избранные произведения. — М., 1990.
- 3.Гараджа В.И.Социология религии. — М.: Аспект Пресс, 1996.
- 4.Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Наука, 1972.
- 5.Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асинтетических полипредикативных образований. — Киев: Вища школа, 1989.
- 6.Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. — М., 1997.
- 7.Почепцов Г.Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения // Языковое общение: единицы и регулятивы: Межвуз. сб. научн. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1987. — С.26-38.
- 8.Симфония или словарь-указатель к Священному Писанию/Под ред. Митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. — М.: Изд-е Моск. Патриархии, 1988.
- 9.Серебренников Б.А. Картина мира в жизнедеятельности человека// Роль человеческого фактора в языке, — М.:Наука, 1988. — С.8-69.
- 10.Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система// Языковое общение: принципы и единицы. — Калинин, 1988. — С.7-13.
- 11.Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16-20 вв. — Харьков: Константа, 1998.
- 12.Austin J. How to Do Things with Words. — Oxford: OUP, 1962.
- 13.Collins Cobuild English Language Dictionary// Ed. By J.Sinclair. — L. etc.: Collins, 1987.
- 14.Culpeper J.Semino E. Constructing witches and spells: Speech acts and activity types in Early Modern England. — in press.
- 15.Jucker A (ed.) Historical Pragmatics. — Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1995.
- 16.Henne H. Probleme einer historischen Gespächsanalyse // H. Sitta (Hg.) Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. — Tübingen: Niemeyer, 1980. — S.89-102.
- 17.Polenz P.von. Sprachsystemwandel und soziopragmatische Sprachgeschichte in der Sprachkultivierungsepoke // Sprachgeschichte der Neu hochdeutschen. — Tübingen: Niemeyer, 1995. — S.39-67.
- 18.Schlieben-Lange B. Traditionen des Sprechens. — Stuttgart: Kohlhammer, 1983. — 200 S.
- 19.Searle J. A classification of illocutionary acts//Language in Society/ — 1976. — No5. — P.11-23.
- 20.Stein D. Perspectives on historical pragmatics //Folia Linguistica Historica. — 1985. — VI/2. — P.347-355.
- 21.H.Sitta (Hg.) Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. — Tübingen: Niemeyer, 1980.

НАШІ АВТОРИ

Безугла Лілія Ростиславівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Белова Алла Дмитрівна — доктор філологічних наук, доцент, завідувач кафедри англійської філології Київського національного університету ім. Т.Г. Шевченка

Бігич Оксана Борисівна — кандидат педагогічних наук, доцент кафедри методики викладання іноземних мов Київського державного лінгвістичного університету

Буніярова Ізабелла Рафаїлівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри граматики та історії англійської мови Київського державного лінгвістичного університету

Верба Лідія Георгіївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології Київського національного університету ім. Т.Г. Шевченка

Говердовський Владислав Іванович — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри іноземних мов Харківської державної академії залізничного транспорту

Гулий Костянтин Володимирович — кандидат філологічних наук, доцент кафедри загального та прикладного мовознавства Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Гусєва Поліна Тимофіївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької та французької мов Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Давидов Олег Іванович — кандидат історичних наук, доцент, завідувач кафедри французької філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Денисенко Софія Никифорівна — доктор філологічних наук, професор кафедри іноземних мов Українського державного лісотехнічного університету, академік Академії Наук Вищої школи України

Дмитренко Вікторія Опанасівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Донець Павло Миколайович — кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Дородних Анатолій Гнатович — доктор філологічних наук, професор кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Іщенко Ніна Григорівна — кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри німецької філології Київського державного лінгвістичного університету

Калита Алла Андріївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології Київського державного лінгвістичного університету

Карабан В'ячеслав Іванович — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри теорії та практики перекладу германських мов Київського національного університету ім. Т.Г. Шевченка

Каравашкін Віктор Іванович — кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри німецької філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Клименко Ніна Федорівна — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри елліністики Київського національного університету ім. Т.Г. Шевченка

Корбозерова Ніна Миколаївна — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри іспанської філології Київського державного лінгвістичного університету

Ковальова Олександра Прокопівна — кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри мовознавчих дисциплін Харківського інституту управління

Кривенко Віктор Петрович — кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Левицький Андрій Едуардович — кандидат філологічних наук, доцент, проректор з наукової роботи Житомирського державного педагогічного університету імені Івана Франка

Луценко Микола Олексійович — доктор філологічних наук, професор кафедри загального мовознавства та історії мови Донецького державного університету

Масевська Ліна Дмитрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької та французької мов Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Мартинюк Алла Петрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри перекладу та англійської мов Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Маслова Ніна Іванівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Мізецька Віра Ярославівна — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри іноземних мов Одеської державної юридичної академії

Мінкін Лев Михайлович — доктор філологічних наук, професор, завідувач сектору романської філології Харківського державного педагогічного університету ім. Г. Сковороди

Науменко Анатолій Максимович — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри німецької філології Запорізького державного університету

Нікітіна Фіоніла Олексіївна — доктор філологічних наук, професор кафедри загального мовознавства Київського національного університету ім. Т.Г. Шевченка

Паповянц Емілія Георгіївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Пасинок Валентина Григорівна — кандидат педагогічних наук, доцент, завідувач кафедри німецької та французької мов, декан факультету іноземних мов Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Петращук Олена Петрівна — кандидат педагогічних наук, доцент кафедри методики викладання іноземних мов Київського державного лінгвістичного університету

Піхтовникова Лідія Сергіївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Харківського державного технічного університету сільського господарства

Почепцов Георгій Георгійович — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри історії та граматики англійської мови Київського державного лінгвістичного університету

Прокопчук Олексій Олексійович — доктор філологічних наук, професор Інституту неофілології Вищої педагогічної школи в м. Слупську, Польща

Сердюк Вікторія Миколаївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Скороходько Едуард Федорович — доктор філологічних наук, професор кафедри англійської філології Київського національного університету ім. Т.Г. Шевченка

Солошук Людмила Василівна — кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри англійської філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Старикова Олена Миколаївна — доктор філологічних наук, професор кафедри англійської філології Київського національного університету ім. Т.Г. Шевченка, академік Академії Наук Вищої школи України

Степанов Юрій Сергійович — доктор філологічних наук, академік Російської Академії Наук, головний науковий співробітник, завідувач відділу теоретичного мовознавства РАН

Сукаленко Нонна Іванівна — доктор філологічних наук, професор кафедри загального та прикладного мовознавства Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Таранець Валентин Григорович — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української та іноземних мов Одеського філіалу Української Академії державного управління при Президенті України

Тарасова Олена Владиславівна — доктор філологічних наук, доцент кафедри англійської філології Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Тимошенкова Тамара Михайлівна — кандидат філологічних наук, професор, завідувач кафедри англійської філології та перекладу Харківського гуманітарного інституту «Народна українська академія»

Черноватий Леонід Миколайович — кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Швачко Світлана Олексіївна — доктор філологічних наук, професор, академік Академії Наук Вищої школи України, завідувач кафедри перекладу Сумського державного університету

Шевченко Ірина Семенівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Маклі Лєя Михайлівна — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Міхалі Лєя Михайлівна — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Науменко Анатолій Миколайович — доцент кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Науменко Оксана Іванівна — доцент кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Пасечник Ірина Григорівна — доцент кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Пасечник Ірина Григорівна — доцент кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Пасечник Ірина Григорівна — доцент кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Пасечник Ірина Григорівна — доцент кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

Пасечник Ірина Григорівна — доцент кафедри перекладу та англійської мови Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна

*Настоящий сборник
подготовлен при
технической поддержке
АО «Валор»*

Узел
интернет

Valor

Підприємство СпілкаМед – компанія фінансових послуг та

-
- подключение к сети
 - электронная почта (*E-Mail*)
 - телеконференции (*NEWS*)
 - домашняя *Web*-страничка

АО “ВАЛОР”
г. Харьков, ул. Рымарская, 23, к.3.

Тел.: 45-21-92, 19-42-38.
Home: <http://www.vl.kharkov.ua>

Мы ждем Вас!
Узел Internet “ВАЛОР”

- низкие цены
- гибкая система оплаты
- различные виды доступа
- поддержка личных *Web*-страниц

КОНСТАНТА

Издательство «КОНСТАНТА» предлагает:

- подготовку к печати научных статей в соответствии с требованиями ВАКа
 - издание методических и учебных пособий, монографий, авторефератов, книг, сборников научных трудов
 - переплёт подготовленных диссертаций, дипломных работ
 - визитные карточки и бланки приглашений

Издательство «Константа»

61145, Харьков, ул. Космическая, 26 к. 113

тел: (0572) 185-521; 303-688

e-mail:konstanta@email.itl.net.ua

<http://www.wepublish.kharkov.ua>

ЗМІСТ

СТОРІНКИ ІСТОРІЇ ФАКУЛЬТЕТУ ІНОЗЕМНИХ МОВ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМ. В.Н. КАРАЗІНА	6
<i>Безуглая Л.Р.</i> К ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	15
<i>Белова А.Д.</i> ДИСКУРС ТЭТЧЕРИЗМА (на материале речей Маргарет Тэтчер 1968-1996)	22
<i>Бігич О.Б.</i> ЗМІСТ ПРОФЕСІЙНОЇ ОСВІТИ ВЧИТЕЛЯ ІНШОМОВНОЇ КУЛЬТУРИ	30
<i>Буниятова И.Р.</i> МОДАЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПРИДАТОЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	35
<i>Говердовский В.И.</i> ПРОЗА ПОЭЗИИ И ПОЭЗИЯ ПРОЗЫ	42
<i>Гулый К.В.</i> МЕТАФОРА КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ КАНАЛ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРЫ НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ (автохтонная культура в европейской лирике средних веков – XIX века)	48
<i>Гусева П.Т.</i> О НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИНТЕРКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	57
<i>Давыдов О.И.</i> НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО И НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЕЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	64
<i>Денисенко С.Н.</i> ФУНКЦІОНАЛІЗМ – ОДНА ІЗ НАЙВАЖЛИВІШИХ ПАРАДИГМАЛЬНИХ РИС ЛІНГВІСТИКИ КІНЦЯ ХХ - ПОЧАТКУ ХХІ СТ.	68

Дмитренко В.А. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРНЫХ КОМИЧЕСКИХ МИКРОТЕКСТОВ	77
Донець П.Н. О ПРИЧИНАХ "МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОВОРОТА" В ЛИНГВИСТИКЕ И ДРУГИХ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ	83
Anatolij Dorodnych A FEW REMARKS ON CONTINUITY IN LINGUISTICS	88
Іщенко Н.Г. К ПРОБЛЕМЕ ВАЛЕНТНОСТИ АФФІКСОВ (на матеріале словообразовательных синонимов современного немецкого языка)	94
Калита А.А. ФОНЕСТЕМА У СИСТЕМІ ЛІНГВІСТИЧНИХ ЗАСОБІВ ВИРАЖЕННЯ СМISЛУ	102
Карабан В.І., Верба Л.Г. ПОРІВНЯЛЬНО-ТИПОЛОГІЧНЕ ДОСЛІДЖЕННЯ МОВЛЕННЯ УКРАЇНСЬКОЮ ТА АНГЛІЙСЬКОЮ МОВАМИ: ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ ФОРМУВАННЯ ПРОПОЗИЦІЙ	108
Клименко Н.Ф. СЛОВОТВІРНІ ПАРАЛЕЛІЗМИ В СУЧASNІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ТА НОВОГРЕЦЬКІЙ МОВІ (на матеріалі похідних дієслів)	118
Корбозерова Н.М. ПРО ЗАКОНОМІРНОСТІ СТАНОВЛЕННЯ І РОЗВИТКУ МОВНИХ ОДИНИЦЬ	128
Кривенко В.П. ВЫДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ ВИДА И СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ ИЗ ПОНЯТИЯ ВРЕМЕНИ	133
Левицький А.Е. ФУНКЦІОНАЛЬНИЙ ПІДХІД ДО АНАЛІЗУ СИСТЕМИ НОМІНАТИВНИХ ОДИНИЦЬ СУЧАСНОЇ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ	137

Луценко Н.А.	144
ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА	144
Маевская Л.Д.	
СВОЕОБРАЗИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА	153
Мартынюк А.П.	
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛОВ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ	159
Maslova N.I., Papovants E.G.	
CROSS-CULTURAL VARIATION IN THE USE OF APOLOGY SPEECH ACT STRATEGIES IN BRITISH AND AUSTRALIAN ENGLISH	167
Мизецкая В.Я.	
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ МОДИФИКАЦИИ	171
Минкин Л.М.	
ПРОБЛЕМЫ ЗНАЧЕНИЯ В ТЕОРИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ	179
Науменко А.М.	
ПЕРЕВОД КАК ОБРАБОТКА	193
Нікітіна Ф.О.	
СЛОВОТВІРНА МОДЕЛЬ ЯК КОРЕЛЯТ АБСТРАКТНОГО І КОНКРЕТНОГО	199
Петращук О.П.	
СПЕЦИФІКАЦІЇ ТЕСТУ НАВЧАЛЬНИХ ДОСЯГНЕНЬ З ІНОЗЕМНОЇ МОВИ	205
Піхтовникова Л.С.	
СИНЕРГІЯ ЯК ПРИРОДНА ВЛАСТИВІСТЬ СТИЛЮ (на матеріалі німецької байки)	212
Почепцов Г.Г.	
ДОСТОВЕРНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ	218
Прокопчук О.О.	
ЛЮДСЬКІ СТОСТУНКИ І НОМІНАЦІЯ В ТЕКСТИ	221

<i>Сердюк В.Н.</i>	
ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛИТЕЛЬНЫХ И ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	229
<i>Скороходько Е. Ф.</i>	
ТЕРМІНИ, ЩО ВИРАЖАЮТЬ НОВІ ЗНАННЯ, У СТРУКТУРІ АНГЛОМОВНИХ НАУКОВИХ ТЕКСТІВ	235
<i>Солошук Л.В.</i>	
НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРО- СПЕКТИВА И СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ В ДРАМЕ	241
<i>Старикова О.М., Ткачук-Мірошниченко О.Є.</i>	
ІМПЛІКАЦІЇ В ДИСКУРСІ	246
<i>Степанов Ю.С.</i>	
ХАРАКТЕРЫ НАРОДОВ В ЗЕРКАЛЕ ИХ СОБСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ	250
<i>Сукаленко Н.И.</i>	
ПОШЛОСТЬ КАК КОНЦЕПТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	255
<i>Таранець В.Г.</i>	
ГЕНЕЗИС ГРАМАТИЧНОЇ КАТЕГОРІЇ ЧИСЛА В ІНДОЄВРОПЕЙСЬКИХ МОВАХ	261
<i>Тарасова Е.В.</i>	
РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ В ТЕРМИНАХ ЛІНГВОПРАГМАТИКИ	273
<i>Тимошенкова Т.М.</i>	
ПРОЗА «РАССЕРЖЕННЫХ» В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛІТЕРАТУРЫ СЕРЕДИНЫ 20 СТОЛЕТИЯ	280
<i>Л.М. Черноватий</i>	
ОСНОВИ ТЕОРІЇ ПЕДАГОГІЧНОЇ ГРАМАТИКИ	287
<i>Швачко С.А.</i>	
АДЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОРЯДКОВЫХ ДЕНУМЕРАТИВОВ	292
<i>Шевченко И.С.</i>	
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КOGNITIVНОГО И ПРАГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ДИСКУРСА.....	300
НАШІ АВТОРИ	308

ВІСНИК ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ ім. В.Н. Каразіна №471

СЕРІЯ РОМАНО-ГЕРМАНСЬКА ФІЛОЛОГІЯ

ІНОЗЕМНА ФІЛОЛОГІЯ НА МЕЖІ ТИСЯЧОЛІТЬ

Відповідальний редактор І.С. Шевченко
Технічний редактор Л.П. Зябченко
Художній редактор Г.П. Ульяніч

Статті подано в авторській редакції.

I.С. Шевченко
Л.П. Зябченко
Г.П. Ульяніч

Підписано до друку 26.02.2000. Формат 60x84/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Таймс.

Ум. друк. арк. 13.0. Ум. вид. арк. 15.2

Зам. № УП0503/2000 Наклад 300 прим.

Харків, пл. Свободи, 4. ХНУ. Вилавничий

© 2011, Карлов, Илья Сергеевич, Т. А. С., Издательский центр

Видавництво "КОНСТАНТА"

61145 м. Харків, вул. Космічна, 26.

Тел. (0572) 18-55-21, 30-36-88.

E-mail: konstanta@email.int.net.ua

<http://www.wepublish.kharkov.ua>